

**ИРИНА
МИХАЙЛЮК**

**ЗАПОВЕДИ
ЛЕСА**

2017

Annotation

Что таит в себе прошлое? Златославе предстоит пройти долгий путь, потерять близких, обрести любовь и найти себя, чтобы понять одну простую истину...

Михайлюк Ирина
Заповеди Леса

Пролог

Туман покрывал мир. Вы не смогли бы увидеть здесь ничего, кроме белого воздушного одеяла, охватившего всё вокруг. Туман защищал, и он же создавал. Даже время замерло, подчинённое его неведомой воли.

Но спустя мгновения у предметов появилось очертание. Деревья словно гиганты проступали вдаль, сбрасывая своё таинственное одеяние. На их голых ветвях ещё не было листьев, и из-за этого они могли внушить ужас.

Туман постепенно исчезал.

Земля, до этого времени казавшаяся сплошным камнем, вдруг стала мягкой и плодородной. Можно было ощутить ароматы полевых цветов и хвои. Этот мир переставал казаться безжизненной пустышкой.

Почки на деревьях набухли, считанные секунды оставались до того, как распустятся листья.

Вдалеке послышался плеск воды, а скоро к этому звуку присоединился и крик птиц. Мёртвая пустота наполнялась жизнью

Туман окончательно исчез, и небо из бесконечного чёрного полотна стало лазурно-голубым. Белые лёгкие облака принимали различные формы, а солнце, хоть и было ярким, никогда не обжигало своими лучами.

Мы создали новый мир.

Из записок Златославы.

Глава первая. Перемены в жизни

Мы должны бежать, бежать как можно дальше. Но спрячемся ли мы от нас самих? В волнах моря притаилась смерть. Она усмехалась в предвкушении пира. Шторм всегда был её верным сторонником.

Небо приобрело необычный цвет из-за туч, полностью затянувших его.

Лишь молния пробиралась через плотную завесу. Где-то вдалеке слышался крик чаек, но этот вопль отчаяния временами полностью заглушал гром.

Я стою на утесе, на самом его краю, и смотрю вниз. Ещё чуть-чуть, и я упаду, морская пучина навеки поглотит меня, но я не чувствую страха, не двигаюсь с места, жду своей участи, готовлюсь совершить непоправимое. Всего один шаг отделяет меня от смерти, и я должна это предотвратить, но моё тело не слушается голоса разума.

Неожиданно чьи-то сильные руки оттаскивают меня от края, я сопротивляюсь, но у того, кто меня держит, мёртвая хватка.

Незнакомец что-то говорит мне, но я не разбираю слов. Я поднимаю голову и...

Я встречаюсь взглядом со своим спасителем. Его глаза...они цвета шторма, и, кажется, что если смотреть в них слишком долго, то можно уто-нуть...

Он по-прежнему произносит какие-то слова, но для меня они становятся всего лишь шумом. Я даже не могу различить букв. Я только слушаю голос своего спасителя и погружаюсь в бездну до этого мне неведомую.

Тепло разливается по моему телу, я чувствую, как моё сознание сплетается с сознанием незнакомца. Словно моя душа прирастает к его душе. Я теряю чувство собственного тела, меня больше не существует, я растворяюсь в другом человеке полностью и без остатка. У меня ещё есть шанс спастись, и я...

Я цепляюсь за его голос и глаза, как за спасательный круг, но всё меркнет. Я теряю себя, и никто не в силах меня удержать от той пропасти, что так бы-стро поглощает мою душу.

Я исчезаю...

Меня больше нет...

*Я становлюсь **им** и...*

Я открываю глаза и вижу лес, он окружает меня уже сотни лет, но я ни-как не могу привыкнуть к этой клетке. Возможно, она и прекрасна, но я не вижу цветов, не различаю их, в моём мире всё однозначно серое, и темница никогда не станет домом.

Полная луна даёт о себе знать, голод вытесняет человека из меня. Я те-ряю разум, я теряю контроль. Но мне всё равно.

Кровь. Эта алая жидкость предстаёт перед моим мысленным взором. Я помню, какого цвета она должна быть и чувствую, что она теперь навсегда яв-ляется единственной ценностью в моей нынешней жизни.

Я теряюсь в собственном безумии, меня больше нет. Есть лишь зверь, приносящий смерть всему живому на этой земле...

И я проснулась с чувством пустоты. Рядом со мной никого не было: Рома, должно быть, ушёл несколько часов назад, чтобы мать не заметила. Она не пони-мала, что только мой брат

мог помочь мне справиться и с видениями, и со снами.

Озноб бил моё тело, не слишком приятное пробуждение. Хотя мне...

Пора бы уже к этому привыкнуть, ведь минуло десять лет, с тех пор как я впервые увидела этот сон. Тогда всё было намного хуже, я закричала, перепугала близких мне людей, но они не могли разбудить меня. Сон сам решал, где ему оборваться. Каждый раз на одном и том же месте. Я не могла проснуться раньше, чем стану зверем.

На следующую ночь всё повторилось.

С того времени он снился мне постоянно. Несколько лет я пыталась разгадать его смысл, расшифровать тайное послание, но, в конце концов, сдалась.

Помню, поначалу я так боялась его, что старалась не спать, но чтобы я не делала, сон забирал меня к себе, а потом возвращал назад. От него нельзя было спрятаться, от него нельзя было убежать.

Шли годы, я менялась, но сон оставался прежним. И я чувствовала, что сама становлюсь его частью, растворяюсь в нём.

Раньше я часто задумывалась: каково это быть обычной? Во сне видеть не тайные знаки, а своих кумиров. Ходить в школу, влюбляться, сплетничать. Это не слишком много, это не какие-то высокие ценности, но я была этого лишена. А любопытство — страшная вещь.

Всё моё детство сплошная тайна, и из-за этой тайны я была вынуждена отказать от многого. Я ходила в школу всего лишь два года, пока один случай навсегда не закрыл для меня этот путь, а после долгие годы домашнего обучения и заочное отделение нашего родного университета.

В детстве, ещё в раннем детстве, я видела призраков. Они приходили ко мне, успокаивали и играли со мной, они были моими истинными друзьями. Но я росла, и мои друзья становились моими злейшими врагами. Врагами, которые старались затащить меня в царство мёртвых раньше времени. Они приходили и шептали мне, что я — обманщица, что я не должна притворяться живой.

И, возможно, они были правы. Где-то в глубине души я всегда понимала, что не принадлежу этому миру полностью. Мои видения, мои сны, моя способность видеть нечисть — всё это не было нормальным для обычного человека.

Будущее иногда так туманно. Моя жизнь была калейдоскопом случайно-стей, которые нередко приводили к трагическому финалу. Я видела будущее, но не могла его изменить. Моя роль — роль стороннего наблюдателя — не предполагала какого-либо вмешательства.

А моё будущее — ещё одна неопределенность в этом театре абсурда. Казалось, что я в одно мгновение просто перестану существовать и всё. Никто, кроме двух близких мне людей, не заметит моего отсутствия. Но, возможно, даже они однажды вздохнут с облегчением, когда поймут, какой обузой я была.

Я задумалась над своим будущим, но ненадолго. На улице светало, я стала собираться, ведь наступил день моего отъезда.

На кухне послышался шум, а потом до меня донесся крик матери:

— Злата, вставай! Завтрак готов! — я вышла из своей комнаты и направилась на кухню.

По всему коридору витал запах жареного бекона и кофе.

— Доброе утро, — сказала я, потягиваясь и зевая.

Мой брат уже сидел за столом и жевал бутерброд, в качестве приветствия он произнёс, что-то нечленораздельное.

Моего брата звали Рома. Он не был мне родным, но это никогда не имело значения.

Моя мама удочерила меня, когда я была ещё совсем маленькой. Своих настоящих родителей я не знала, но для меня люди, вырастившие меня, всегда были настоящими родственниками, в мире не было никого, кто был бы мне ближе, чем они. Особенно Рома, он заменял мне всё и всех.

Наши с ним отношения нельзя было назвать нормальными, они уходили за рамки общественного понимания. Брат и сестра не должны быть так близки... Мы с ним всегда были вместе, заботились друг о друге. Я боялась, что когда-нибудь граница наших отношений будет окончательно стёрта, а последствия этого могли быть непоправимыми.

Каждую ночь, когда наша мама засыпала, он приходил ко мне, гладил меня по волосам, рассказывал про то, как провёл день, и я засыпала в его объятиях.

Я закрыла глаза и вспомнила его прикосновения. Как его пальцы вычерчивали на моей коже невидимые узоры. Мы оба осознавали, что так дальше нельзя, но никто из нас особо не стремился разорвать связь. Я слишком сильно боялась полного одиночества. И всегда с содроганием думала о том, что когда-нибудь Рома заведёт свою собственную семью, и тогда я перестану играть какую-либо роль в его жизни.

У него были удивительные ясные голубые глаза. И когда он смотрел на тебя, то казалось, что тебя понимают и в тебя верят. Я всегда чувствовала эту невидимую поддержку, особенно, когда в моей жизни наступала чёрная полоса.

И действительно, Рома был таким. Он был идеальным другом, братом и товарищем. Он с лёгкостью мог заводить себе друзей, так же как и девушек в принципе. Его внешность и природный талант общения с другими людьми делали своё дело.

У него было две жизни: жизнь со мной, с нашей семьёй и жизнь во внешнем мире. И я немного ревновала его к другим людям, хотя и всячески скрывала это.

— Доброе утро милая. Ты что опять не выспалась? Снова те сны? — в голосе матери звучала тревога. Она внимательно смотрела на меня, словно надеялась найти причину моего волнения, но, как и всегда наткнулась на невидимый барьер моего лживого спокойствия.

— Нет, наверно я просто нервничаю из-за переезда, всё хорошо, — мне хотелось успокоить её. Я редко врала, но это была ложь во благо. Какой смысл был в правде? Переживания, бессмысленные попытки помочь мне — вот её результат в данном случае.

Переезд. В этом слове не так уж много букв, но оно несло для меня колоссальный смысл. Конец прежней жизни и начало новой.

Это лето было другим. И дело было не в дождливой погоде. Это было первое лето, которое мне предстояло провести отдельно от матери, от родного дома.

Мама объяснила это срочной работой, но я чувствовала, что она солгала. От моих расспросов она ловко уклонялась. А позже я перестала пытаться выдавить из неё правду. К тому же, почему я не доверяю близкому мне человеку?

Но почему, почему ей было так важно, чтобы мы уехали из города?

Мы с братом должны были переехать к нашим дедушке и бабушке. Их домик находился глубоко в лесу.

Лес. Тот лес не был обычным, с ним связывали многие легенды. Одна из которых была о заброшенной деревне, в которой живут оборотни, вампиры и прочая нечисть. Люди давно покинули её, вернее почти все погибли. Со временем название деревни стёрлось с карты, никто про неё не вспоминал, кроме тех, кто знал правду.

Я обожала легенды, мифы, таинственные истории, но мало кто мне их рассказывал, а эту мне поведала бабушка, когда приехала на наше с братом пятилетие. Я помню, как

просила её рассказать мне какую-нибудь историю. Помню, как слушала тихий голос своей бабушки, затаив дыхание. А слова, тем временем, пре-вращались в образы у меня в голове. Любую историю можно оживить с помощью воображения.

Ну вот, наступил день нашего отъезда. Я всегда с содроганием думала о нём, и сейчас мой страх усилился.

Моё стремление держать близких подле себя являлось, конечно же, эгоизмом. Все люди отчасти эгоистичны, просто они редко себе в этом признаются. Но мои собственные чувства были обусловлены страхом.

Я боялась себя и своей силы. С каждым днём я чувствовала, что магические способности во мне растут. Видения о будущем приходили всё чаще, были дни, когда я не могла отличить ведение от реальности. Я не знала, к каким последствиям всё это приведёт. Неизвестность пугала меня больше всего в жизни.

Я не знала, как проживу эти три месяца вдалеке от дома, у фактически чужих мне людей, в чужом месте. Я даже боялась представить, как буду скрывать свой секрет от них. Нужно быть совсем слепым, чтобы не заметить всех странно-стей, происходящих со мной. Я сказала об этом матери, но она лишь отмахнулась, заявив, что я справлюсь. Рома обещал помочь, но даже он не был способен на многое. И, в конце концов, несмотря на всю осторожность, я в любом случае про-колюсь.

Мы пытались отговорить её посылать нас туда. Нам было уже по двадцать лет, и мы вполне могли прожить три месяца самостоятельно, в доме. Я бы по-прежнему подрабатывала на работе у мамы, а Рома в магазине электроники. Но она сказала, что так нужно.

Что же ждало меня там? Судьба всегда так призрачна и туманна. Никогда не знаешь, что ждёт тебя через час.

Я допила кофе и отправилась помогать загружать вещи в машину. Меня не покидало странное чувство, что домой я больше не вернусь. А даже если и вернусь, то прежней не буду.

Я села в машину, достала плеер и стала слушать музыку. Обычно она помогала мне успокоиться, привести в порядок мысли и чувства. Да и даже настроение иногда поднимала. Но, похоже, в данной ситуации даже музыка утратила свою магическую власть над моими чувствами.

Почему-то слёзы подступали к глазам, хотя я и убеждала себя, что уезжаем мы не навсегда. Но тревогу нельзя обмануть пустыми словами.

Меня словно разрывало на части, но я ничего не могла с этим поделать. Эта тоска была сильнее меня, она могла сломать меня в одно мгновение, но убивала медленно и верно. Я посмотрела на Рому, и увидела, что он встревожен. Тревога отразилась в его глазах, хотя внешне он и оставался спокоен.

А между тем городская суэта сменилась лесным пейзажем. Я смотрела, как мелькают деревья, сливаясь в одну длинную тень. Они словно таинственные посланники, провожающие путников в путь.

Мама свернула с трассы на лесную дорогу. По пути нам не попалось ни одной машины, ни одного живого существа. Это усилило мою тревогу. Всё это словно являлось таинственным подтверждением чего-то тёмного и неизвестного. Наша машина петляла в разные стороны. Её кидало из одной ямы в другую, а я сбилась со счёту, считая повороты.

Я уже думала, что этот кошмар никогда не кончится, но неожиданно машина

притормозила.

К машине подошла женщина шестидесяти лет, и в ней я без труда узнала свою бабушку. С нашей последней встречи она мало изменилась: те же густые волосы, чуть затронутые сединой, та же светлая кожа и лучистые глаза голубого цвета. Имя её соответствовало внешности — Светлана. От бабушки исходило те-пло, оно же бережно хранилось и в её взгляде.

Пока мы разгружали вещи, мама и бабушка что-то оживлённо обсуждали в стороне, похоже, они спорили. Как я ни старалась прислушаться к их разговору, у меня ничего не выходило. Позже я бросила эту затею.

— Мы готовы! — крикнул Рома. Как настоящий мужчина он забрал у меня тя-жёлые чемоданы, мне же досталась небольшая сумка.

Сколько я себя помню, ты заботишься обо мне, прощаешь все мои стран-ности. Почему?

Мама поочерёдно обняла нас. Прижав меня к себе, она прошептала:

— Я обязательно заберу вас отсюда, — с этими словами она отпустила меня и направилась к машине.

Я смотрела ей вслед, и чувство тревоги не покидало меня. В какое-то мгновение мне захотелось умолять её забрать нас.

Мама уехала, а я продолжала стоять на месте. Мне казалось, что я нахо-жусь за тысячу километров отсюда. Я была где-то там — далеко за горизонтом.

Я не плакала. Годы практики научили меня, что, по сути, от слёз нет ника-кого толку. Они лишь мешают.

— Ну что, пошли? — голос бабушки звучал бодро.

— Пошли, — сказали мы с братом хором.

Сначала мы шли по тропинке, затем бабушка неожиданно свернула с неё и повела нас вглубь леса.

— Разве мы пойдём не по тропинке?

— Никогда не доверяйте лесу.

Мы с братом переглянулись, и потащилась за бабушкой в лес, в самую его чащу.

Возможно, я бы уделила больше внимания бабушкиной фразе, если бы знала, что здесь происходит. Если бы знала, что...

Птицы радостно кружились в небе. Их пение порождало во мне странные воспоминания о чём-то далеком. Полностью погружаясь в природу, я не обращала внимания ни на что вокруг себя. Для меня существовало только солнце, птицы и лес.

Было что-то невообразимо притягательное в этой дикой, неизведанной природе.

Я наслаждалась этим, ловила каждое мгновение. В городе такого не бы-вает. В городе воздух пропитан машинами, в городе птицы не поют так, как в лесу. Может, здесь будет не так уж и плохо?

Я вспомнила, как увидела своё первое видение.

Мне девять. Я выхожу на улицу покормить птиц. Они всегда прилетают в одно и то же время.

Мне не хорошо, голова кружится, и тошнота подступает к горлу, но я всё же никому об этом не говорю.

Пелена затягивает глаза, я ничего не вижу несколько секунд, затем ост-рая боль пронзает всё моё тело, я кричу и падаю на землю. В моём сознании воз-никают картинки, я

вижу их, но не запоминаю. Лишь отдалённые образы откла-дываются в памяти. Но боль настолько сильная, что я теряю себя, растворяюсь в собственном крике.

Я вижу кровь и вижу смерть.

И я думаю, что это никогда не прекратится, когда вдруг меня выбрасы-вает в реальность.

Дневной свет кажется слишком ярким, но потом глаза привыкают, и я вижу Рому. Он только вернулся из школы, и первое, что увидел — свою сестру, бьющуюся в припадке во дворе.

У меня возникло странное чувство. Будто кто-то прожигал меня взглядом, будто кто-то следил за мной. Я всегда чувствовала опасность. И в этот раз все мои чувства резко обострились, словно я была кошкой на охоте. Но в данном случае я, скорее всего, была добычей.

И в этот раз интуиция не подвела меня. Совершенно случайно, я увидела, как меж деревьев мелькнуло что-то светлое. Я огляделась вокруг, но никого не заметила. Моё сердце стало биться чаще от страха.

Прошло несколько секунд, и я не знала, что мне делать дальше. Было ли увиденное игрой воображения?

Но я снова ощутила этот тяжёлый взгляд, он словно прожигал мою спину. Я обернулась.

В тени деревьев я уловила свет чьих-то глаз. Тёмно-синие, невероятно кра-сивые, но...

Это были звериные глаза, полные жестокости и отчаяния. Я точно знала, что смотрел на меня не человек, но и не зверь.

Нечисть. Эта мысль возникла внезапно, но с каждой секундой я всё больше убеждалась в своей правоте. Я всегда избегала встреч с представителями нижнего мира, но почему-то они сами находили меня. Я знала, что в них нет ничего свя-того. Люди для них только еда. Они считают себя лучшими, но на самом деле просто завидуют смертным. А зависть порождает ненависть. И когда эти два чув-ства сливаются в одно беды не миновать. Тем более у нечисти был существенный недостаток: им было не свойственно чувство жалости. Я убедилась в этом на соб-ственном опыте...

Сердце словно билось где-то в горле, ноги стали ватными. Я посмотрела вслед брату и бабушке. Нельзя было допустить, чтобы они пострадали, надо вы-играть время.

Я начала судорожно придумывать план спасения. Делая вид, что завязы-ваю шнурки на кроссовках, я краем глаза наблюдала за существом. Но оно, по-хоже, не собиралось нападать, оно просто смотрело на меня. Смотрело, будто ста-ралось запомнить, запечатлеть в памяти навечно.

Забыв о своём прикрытии и вообще о всякой осторожности, я повернула голову в сторону существа и заглянула ему в глаза.

Всего лишь на минуту наши взгляды пересеклись. Оно знало, что я заме-тила его, но не нападало. Оно просто смотрело на меня.

Можно было ощутить, то напряжение, что образовалось между нами. Можно было почувствовать, как воздух между нами наэлектризовался. Я тонула в его тёмно-синих глазах. На какое-то мгновения все краски мира померкли для меня. Исчезли все цвета, кроме цвета его глаз.

Мне хотелось протянуть руку к этому существу, мне хотелось, чтобы оно подошло ко мне, почему-то расстояние между нами стало казаться невыносимой мукой. Всё должно было быть не так.

Я должна была бежать отсюда без оглядки, но не могла. Не могла дви-гаться, думать. Всё в мире исчезло, и на меня снизошёл покой.

— Злата! — крылья исчезли, так же быстро, как и появились. И вечный покой заменила тревога.

Я обернулась на крик.

— Что, случилось? — бабушка и брат подбежали ко мне и стали смотреть туда же, куда и я. Но на том месте уже никого не было. И лишь слегка покачи-вающаяся ветка, говорила мне о том, что то, что я видела, не было плодом вооб-ражения.

— Ничего, мне просто показалось. Всё в порядке.

— Точно? По тебе не скажешь... — начал было Рома, но я его перебила:

— Всё в порядке, просто сегодня трудный день. Я наверно просто перенерв-ничала, — сказала я. Рома — ещё один человек в моей жизни, которого я не хотела расстраивать.

Мне всё равно придется рассказать ему об увиденном в лесу, потому что я точно знала, что он не поверил ни единому моему слову.

Всю оставшуюся дорогу он не сводил с меня обеспокоенных глаз.

Путь был долгим, но в лесу я не чувствовала усталости. Во мне по-преж-нему полыхало чувство тревоги, и я пыталась мысленно успокоить себя. Раз эта тварь не напала на нас тогда, то сейчас никому ничего не угрожает.

Лёгкая пелена тумана окутывала лес. Я поёжилась от холода.

Было в этом что-то противоестественное, но я не могла понять что. Мы де-лали шаги в неизвестность.

Туман развеялся достаточно быстро. И мы с братом увидели громадную каменную стену. Я не могла сказать точно, где она начиналась, а где заканчива-лась.

Я провела рукой по холодному камню и ощутила странный прилив энер-гии

У меня было много пороков, одним из которых я считала любопытство. Оно часто смешивалось со страхом, но было настолько сильным, что затмевало другие чувства. Если меня что-то интересовало, я должна была всё об этом уз-нать. Эта моя черта выливалась (достаточно часто) в большие неприятности.

Бабушка жестом показала нам следовать за ней. Мы шли вдоль стены. Мне стало казаться, что до входа мы доберёмся не скоро. Ни я, ни брат так и не спро-сили, для чего была воздвигнута эта стена. Лучше задать все вопросы на месте, думаю, так рассуждал и мой Рома.

Не знаю, сколько времени прошло, но мы наконец-то добрались до входа. Чёрные огромные ворота, со странным рисунком, состоящим из золотистых ли-ний, не выглядели дружелюбными. Этот рисунок больше походил на какой-то знак, смысл которого я была не в силах понять. Если присмотреться, то можно было увидеть, что тонкие золотистые линии изображают какой-то необычный цветок, отдалёно напоминающий розу, стебель этого цветка обвивала змея. Воз-можно, это было простым украшением, но мне почему-то казалось, что это не-спроста.

Бабушка осторожно постучала в ворота. Тишина. Иногда она пугает по-хлеще чудовищ в темноте.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, послышался приятный голос:

— Пароль.

Бабушка что-то произнесла так тихо, что ни я, ни брат ничего не расслы-шали. Всё это пробуждало в моей памяти что-то далёкое и страшное.

Мне хотелось бежать от этого места как можно дальше. Лучше встретиться с нечистью, чем остаться здесь. Словно это место источник зла. Источник силы, с которой никто не в силах совладать. Она могла разрушить всё, поглотить.

Дверь со скрипом отворилась, и на меня обрушился поток солнечного света. Когда же мои глаза, наконец, привыкли, я увидела парня лет восемнадцати. Не скажу, чтобы он был симпатичным. Такой обычный, ничем непримечательный человек. Он внимательно рассматривал нас с братом. Я видела тревогу в его глазах. Моя бабушка заметила, что парнишка колеблется,

— Здравствуй, Иван, — поздоровалась она, — это мои внуки: Златослава и Роман.

— Очень приятно, проходите, — тревога с его лица исчезла лишь наполовину, но, похоже, присутствие нашей бабушки давало преимущество.

Он отступил на шаг, пропуская нас. Первой вошла бабушка, за ней Рома. Я же медлила. Хотелось развернуться и бежать обратно. Но я знала, что не смогу поступить так. Шаг за шагом я была всё ближе к тому, чтобы меня отрезали от внешнего мира. Шаг, потом ещё один. Оглянувшись в последний раз, я вошла, и тяжёлая дверь закрылась за мной. Дверь закрылась, унося с собой надежду оказаться дальше от этого места. Теперь всё, назад дороги нет. Сердце, казалось, замедлило свой ритм.

Зачем здесь охранник? Этот вопрос крутился у меня в голове. Но самый главный вопрос, примерно, звучал так: "Какого чёрта здесь происходит?"

— Что здесь происходит? — спросила я и для наглядности обвела рукой пространство вокруг себя.

Наверно, стоит напомнить, что когда мы переезжали, мама говорила, что мы будем жить в старом доме в лесу, с бабушкой и дедушкой. Она ни словом не обмолвилась о достаточно большом поселении вокруг.

Немного помедлив, бабушка ответила:

— Простите, что я вас не предупредила, но здесь небезопасно, поэтому вокруг стоит изгородь. Многие люди переехали сюда, — её ответ меня не убедил. Я чувствовала, когда люди лгут или что-то не договаривают.

— А сколько здесь жителей? И зачем охранник на воротах? — на этот раз спрашивал Рома. Его глаза горели любопытством, только любопытством. Никакой тревоги. Да, узнаю своего брата. Он всегда был отчасти авантюристом, любил риск и приключения.

— Двести жителей. А охранник проверяет, чтобы не заходили чужаки, — спокойно ответила бабушка. Что-то в её ответах мне показалось странным. Она говорила убедительно, но я чувствовала, что это только часть правды. Создавалось впечатление, что она произносит давно отрететированные фразы.

— А здесь телефон ловит?

— Нет, — ответ прозвучал несколько холодно. Сказать честно, я и не надеялась на обратное.

— А как же мы тогда свяжемся с мамой? — брат выглядел взволнованным, но я уже знала ответ и на его вопрос.

— Мы что-нибудь придумаем, обязательно, — бабушка хотела побыстрее закончить этот разговор. Рома успокоился, но я почувствовала, что и в его сердце поселилась тревога.

Фраза "Мы обязательно что-нибудь придумаем" почти всегда подразумевает то, что решения проблемы не существует. Эта фраза создана, чтобы на время успокоить.

Мы шли по каменным улицам этого маленького города. На мгновение мне показалось,

что мы попали в другой мир, либо в другой век. Перенеслись на чудесной машине времени на несколько столетий назад!

Что для нас время? Преграды, которые оно строит, ничего не значат. Вот мы были в настоящем всего лишь несколько часов назад, а теперь мы заперты в месте, где царят пережитки прошлых времен.

Люди рассматривали нас с тенью страха и любопытства. Должно быть, чу-жаки здесь были редкостью. Иначе мы бы не чувствовали себя зверьём в зоо-парке.

В тот день я не успела осмотреть всю деревню, но позже обнаружила, что все маленькие улочки вели к одному месту — к площади. Она располагалась в самом центре деревни, и куда бы вы ни пошли, вы бы пришли сюда в итоге.

Бабушкин дом находился в другом конце "деревни". Он был трёхэтажным и деревянным. Судя по всему, он простоял не один десяток лет здесь, но вид сохранил приятный. Видно было, что за домом ухаживали.

Когда я вошла во двор, то увидела цветы, много цветов. Я так сильно любила всё живое, в частности растения, что была готова в одночасье поменять своё мнение по поводу нашего нового жилища.

В городе сирень уже отцвела, а здесь она ещё радовала людей своими цветками. Воздух пах её необыкновенным запахом.

Возле забора в тени расстелился ковер белоснежных ландышей. Эти цветки были настолько нежными и так манили к себе, что я невольно залюбовалась ими.

Но самым прекрасным местом был розовый сад, он находился за калиткой, и я не успела его хорошенько разглядеть. Розы ещё не цвели в полной мере, лишь на некоторых кустах собирались бутоны.

Я подумала, как цветы, цветущие по всем законам природы в разное время, могли радовать взор одновременно. В чем был секрет или подвох? Я спросила у бабушки, но она сказала, что не поделится со мной секретом, пока я не докажу ей, что мне можно верить.

Дом был старинный. Мне казалось, что он застыл во времени. Внутри нельзя было найти ни одной новой вещи. Дом и всё в нём словно были частью одной большой декорации.

На мгновение мне стало страшно, что я тоже стану частью этого дома, стану частью декорации. И никто меня не спасёт.

— Пойдёмте, я провожу вас в ваши комнаты, — сказала бабушка, и мы последовали за ней.

Они находились на третьем этаже. В моей комнате было немного мебели: старый платяной шкаф, старая кровать и прикроватная тумбочка. Но меня покорила балкон. Я всегда мечтала о нём в нашем небольшом доме на краю улицы. А теперь у меня была уникальная возможность хотя бы раз в день любоваться здешними местами.

Я вышла на балкон и замерла от восторга.

Шикарно! Такого у меня дома точно не было. Вид был прекрасным. Лес, покрытый туманом, в полнее мог стать частью декораций для съёмок очередного мрачного фильма. Деревья выглядели зловеще, но меня неудержимо влекло туда. Хотелось почувствовать дуновение ветра на своей коже, ощутить запах хвои — у всего этого был привкус свободы. Мне казалось, что лес является какой-то моей частью, давно потерянной частью. В моей памяти снова всплыло то существо из леса, но я быстро отогнала мысли о нём. Думаю о нечисти, да у меня точно не всё с головой в порядке.

Но, несмотря на всю красоту здешних мест, я по-прежнему тосковала по нашему маленькому, уютному дому. Потому что только там я была по-настоящему счастлива.

После того как мы с братом разобрали вещи, бабушка позвала нас обедать.

— А где дедушка? — поинтересовалась я.

— Он скоро придёт.

Входная дверь скрипнула, послышались шаги.

— Здравствуйте, внуки, — в дверном проёме появился дедушка. Его звали Виктор. Он тоже выглядел отлично для своих лет, но в отличие от бабушки не вызвал во мне чувство симпатии. По моим критериям он относился к таким людям, с которыми лучше вообще не встречаться. Об этом говорили его холодные глаза и командный голос. Я заметила, что держался он очень высокомерно, должно быть, не подчиняться ему было опасно. Этот человек явно привык командовать.

Произошёл обычный обмен любезностями, а затем мы стали есть в полном молчании. Я невольно вспомнила, как дома мы всей семьёй собирались за столом, общались друг с другом, шутили. Мы были семьёй. Я положила вилку на стол, есть больше не хотелось. Осталось лишь одно желание — подняться наверх и в полной мере предаться грусти и воспоминаниям.

— Не грусти, тебе тут понравится. Всё будет хорошо, — бабушка заметила смену моего настроения и через какое-то мгновение добавила: — вечером к нам придут гости.

— Здесь здорово, — подал голос мой брат, — но это не наш дом. Мы хотели провести это лето с мамой, в итоге мы должны жить с совершенно незнакомыми нам людьми, — Рома заглянул в глаза бабушки, — без обид.

— Не переживайте, вы привыкнете, — успокаивал нас дедушка, при этом его глаза не выражали никаких чувств. С таким же успехом удав мог успокаивать кролика, что не съест его.

Чтобы они не говорили, моя жизнь, вряд ли наладится. Я и магия — мы не делимы. Мне проще представить себя без руки, чем без своей силы. Как-то Рома сказал, что это как наркотик. И я была согласна с ним, но ничего поделать уже не могла. Мой наркотик действовал на меня слишком сильно, чтобы я могла сопротивляться. Да и хотела ли я вообще излечиться? Скорее нет, чем да.

Сегодня вечером должны были прийти гости. Среди них будут парень и девушка нашего возраста. Я видела энтузиазм в глазах брата, но сама не разделяла его.

Я помогала готовить бабушке ужин. Кулинарное дело я освоила в совершенстве, пока сидела на домашнем обучении. Я любила готовить. Это занятие успокаивало меня и помогало отвлечься от грустных мыслей. Депрессии не редко одолевали меня.

Я надела лёгкое коричневое платье. Мама сумела привить мне вкус ещё в детстве. Я всегда одевалась скромно, но красиво. В моём гардеробе были всего одни джинсы, потому что я считала, что девушка должна одеваться как девушка, а не как мальчишка.

Я вообще была слишком старомодной. Мне никогда не понять девушек, которые красят волосы во всякие немыслимые цвета, прокалывают губы, брови... Ругаются как тысяча пьяных сапожников, курят.

Мне не нужно было смотреться в зеркало, что бы понять, что выгляжу я неплохо. Это не было тщеславием или чем-нибудь подобным ему. Я была красивой от природы и все, кто знал меня, признавали это. Но с каждым разом внешность моя менялась всё больше. Даже Рома однажды сказал, что я всё меньше становлюсь похожей на человека. С тех пор я стала

чаще смотреться в зеркало. И с каждым разом отмечала перемены, происходящие во мне.

Как же я ненавижу зеркала. Ненавижу за то, что они говорят мне правду.

Сияние. Оно появлялось, когда мои эмоции выходили из-под контроля. Слишком большая радость, глубокое отчаяние, злость — всё это приводило к тому, что меня полностью окутывал лёгкий голубоватый свет. Он был не замечен изда-лека, но вблизи...

Я спустилась в гостиную, как раз во время.

В дверь тихо постучали, и бабушка пошла встречать гостей.

Я не последовала за ней. Хотя, возможно, с моей стороны это было невеж-ливо, но мне не хотелось заводить друзей. И уж тем более не хотелось никого ви-деть. Излишняя осторожность сделала меня закрытой для общения с посторон-ними.

Первыми в комнату вошли парень и девушка. Я поразились их сходству. Глаза, одинаковой формы и цвета (каре-зелёные), огненно-рыжие волосы у обоих, даже походка у них была одинаковой. Двойняшки. Они были примерно моими ровесниками. И, возможно, мы могли бы с ними подружиться, но...

Эти незнакомцы пугали меня.

В комнату в буквальном смысле впорхнула белокурая девочка лет десяти. Она напоминал мне ангелочка, и в отличие от своих угрюмых брата и сестры не скупилась дарить улыбки. Она сразу же подбежала ко мне и о чём-то весело за-щелкала. В её светло карих глазах можно было увидеть всю гамму чувств, и, смотря в них, можно было понять, что радость и счастье имеют множество оттен-ков.

Через несколько минут вошла бабушка вместе с пожилой женщиной, ба-бушкой этих детей. Звали её Екатерина Юрьевна, и если честно я её почти не помню. Я с ней разговаривала от силы два раза. У неё была совсем непримеча-тельная внешность, но она была обладательницей жутко цепкого взгляда, который мне удалось испытать на себе в день нашего знакомства. Она смотрела так, словно разом хотела выявить все недостатки и пороки.

Я уставилась в пол, надеясь, что эта оценка закончится быстро.

Но меня спас Рома, он вбежал в комнату и сразу же включил своё обаяние. Обстановка в комнате стала менее напряжённой. Даже холодные внешне двой-няшки, казалось, растаяли.

Парня звали Дима, а его вторую часть, то есть его сестру, Оля, самая младшая и самая милая из всех — Аня.

Пока Рома пытался очаровать Олю, я играла с Аней, а Дима взирал на всё это с высоты своего роста. Он был ещё более отстранённым, чем я. Но у меня были причины быть такой, а вот у него в душе, казалось, были тайны намного бо-лее тёмные, чем можно было бы себе представить. Но меня это не касалось.

Оля же пыталась флиртовать с моим братом, выходило это у неё крайне неумело, и я удивилась тому, что Рома действительно заинтересовался этой де-вушкой. Несмотря на все его достоинства, девушек он выбирал себе по внешне-сти — ни одной серой мышки, все как одна, словно сошли с обложки журнала. Оля не была некрасивой, но явно не относилась к типу девушек, привлекающих Рому.

— Если она тебе надоест, скажи мне, — я не слышала, как Дима подошёл, и это немного напугало меня. Голос у него был тихий и приятный, но полностью лишённый каких-либо эмоций. — Я про Аню.

— У тебя прекрасная сестра, как она может надоест? — Аня улыбнулась. Она была рада завести нового друга. Запертая в этой деревне, она была лишена контакта с внешним

миром. Её мучило любопытство. И я была плотком свежего воздуха для неё, способом выяснить, какого это жить по ту сторону стены?

— Она всё же иногда перегибает палку, — он замолчал, но присел рядом с нами и стал наблюдать.

Под его взглядом я чувствовала себя не уютно. И наша весёлая болтовня с Аней перестал быть такой уж весёлой.

После того, как все разошлись, я помогла бабушке вымыть посуду. Затем пошла спать.

Ночью я спала беспокойно. И главной причиной моего беспокойства являлось то, что мой сон изменился.

Я ведь когда-то мечтала об этом. Но в действительности я испугалась. Когда что-то постоянное меняется, невольно начинаешь сомневаться в стабильности своего мира, а это порождает новые, никому ненужные страхи.

Да и мой новый сон был ничем не лучше старого. Даже хуже, послание, заложенное в нём, вселяло страх.

Горы трупов, горы трупов. Мужчины... Женщины... Дети. Их глаза открыты, а лица перемазаны кровью. Все эти тела скинуты в яму. А я лежу среди них. Я пытаюсь закричать, но у меня нет голоса. На меня смотрит мёртвая женщина, к груди которой прижат младенец.

И на какое-то мгновение мне кажется, что её посиневшие губы шевелятся и пытаются что-то произнести.

И неожиданно я узнаю в этой женщине свою собственную мать. Меня охватывает ужас. Я снова пытаюсь закричать и...

Просыпаюсь.

Хотя нет, меня кидает в другой сон.

Я стою в лесу, а рядом со мной сидит волк с белоснежной шерстью. У него синие глаза.

Он смотрит на меня, а я не знаю, что мне делать. Мои мысли словно сковали цепи.

Волк рычит и бросается на меня.

Я открыла глаза. Виски пронзила тупая боль, во рту пересохло.

Я решила сходить на кухню, попить воды. Проходя мимо гостиной, я услышала голоса. И что-то внутри меня самой заставило Злату, девушку, которая никогда не подслушивает, остановиться и прислушаться к разговору.

— Они сегодня тоже не пришли, даже не похоже на них, — сказал дедушка. Голос у него был настороженный. Мне стало интересно узнать, какое у него выражение лица в этот момент. Отражались ли как-то эмоции в голосе на внешнем виде, или он оставался безэмоциональным и властным?

— Тебя что это огорчает? Из-за этой своры у всех проблемы, — послышался голос бабушки, — они нарушили договор.

— Сколько времени прошло, Светлана? А ты всё вспоминаешь прошлое. В деревни их не было уже две недели.

— Хоть бы они здесь никогда не появлялись, от них одно зло. А потом, если они причинят вред Роме или Злате?

— Не причинят, Ярослав знает, что делает, и уж кого-кого, а их он не тронет.

Меня захватило любопытство, я стояла, прижавшись к двери, и подслушивала.

— Они же полукровки! — это слово резануло слух.

— Говори потише, — сказал дедушка.

— Может тогда, завтра всё обсудим. Дети как раз уйдут гулять, — я так увлеклась их беседой, что даже забыла, зачем шла.

— Главное, чтобы Дима не проболтался.

— Он умный мальчик, всех предупредили по поводу разговоров. Всё будет хорошо.

Кажется, они направились к выходу, поэтому я шмыгнула на кухню. В коридоре зажёгся свет, дедушка как будто почувствовал что-то неладное и направился в сторону кухни.

— Ты чего тут делаешь? — недоверчиво спросил он, увидев меня.

— Воды хотела попить. Спокойной ночи, — сказала я и ушла.

Я чувствовала, что дедушка провожает меня взглядом. Он не верил мне.

Зайдя в свою комнату, я увидела Рому. Он со скучающим видом растянулся на кровати.

Ещё до того, как мы приехали сюда, мы договорились, что будем вести себя нормально, и определённно каждый из нас будет спать только в своей кровати.

— Что ты тут делаешь? — спросила я. — Мы же вроде договорились, Ром. Это ненормально, что мы по-прежнему спим вместе.

— Я не мог там уснуть. Хотя бы одну ночь, Злата, — он схватил меня за руку, — никто ничего не заметит.

— Мы брат и сестра, и мы уже не дети, если кто-то случайно войдёт, то...

— Никто не войдёт, — он потянул меня на кровать, и я повиновалась.

Но ему этого было мало, он надавил мне на плечи, и я откинулась назад. Рома нависал надо мной, и я ощутила, что его близость вдруг стала какой-то неправильной.

— Может быть, Злата, нам никто не нужен? Мы бы смогли заменить друг другу всех, — он словно сам испугался своих мыслей, его губы тронула грустная улыбка.

Я погладила его по щеке. Иногда в его взгляде, когда он смотрел на меня, появлялось что-то странное, почти болезненное. Можно было оставить это без внимания и списать всё на тени, заполнившие комнату. Но...

— Я люблю тебя...

Я замерла. Он часто говорил мне это, но теперь эти три слова обрели не-много другой смысл.

Я аккуратно надавила ладонью на его грудь. В глазах моего брата отчётливо засветилось понимание. Он тяжело вздохнул и лёг рядом со мной.

Он уснул первым, и я долго смотрела на его умиротворённое лицо. Похоже, не только я спасалась с помощью другого человека.

Я подпустила его слишком близко, и хотя теперь всё шло наперекосяк, для меня казалось невозможным полностью его оттолкнуть.

Отступление

Он был животным и прекрасно знал это. Не нужно было указывать ему на его ошибки, осознание приходило само по себе. Нет, вины за совершённые убийства он не чувствовал. Он просто пытался выжить. Люди тоже убивают, причём не только в физическом смысле, можно убить морально: унижив, оскорбив.

Он готовился к охоте. Голод снова возобладал над ним. И теряя последние крупички разума, сбрасывая свой человеческий облик, Эрик ринулся в чащу. И зашёл он в этот раз слишком далеко, зайдя за белую черту. Зайдя за границу, дающую людям иллюзию защищённости.

Это нарушало договор, но не он его заключал. Пусть Ярослав сам разбирается со всем.

Он был хищником, и сразу учуял жертв. Их было трое: две женщины и мужчина.

Тень проскользнула, никто её не заметил. Тень будет наблюдать, чтобы убить всех, съест их всех. Убить. Убить.

Но тут что-то изменилось. Всего мгновение и уже не нужны двое людей, нужна лишь хрупкая девушка с длинными волосами. Всё в её облике казалось знакомым.

И голод ушёл, на его место пришло что-то другое.

И вместо чудовища снова был Эрик. Всё внутри него замерло, пока он смотрел на незнакомку, а потом резко ожило. И сердце по-настоящему забилось впервые за сотню лет не от возбуждения во время охоты, а от чувства чистой радости.

Она заметила его, и он понял это. Он ничего не мог поделать, когда их взгляды встретились.

Когда он был волком, то зрение его было только чёрно-белым, хотя и очень хорошим. Он не мог различать других красок. Но тут произошло удивительное. У девушки было удивительные глаза: один зелёный, другой карий.

Ни у кого на этой земле не может быть таких глаз: чистых и невинных, но в тоже время одиноких. И, казалось, эти глаза могли забрать любую боль себе лишь бы облегчить жизнь другому.

Эрик не мог ничего с собой поделать. Он словно оказался в ловушке. Эта девушка загнала его в капкан и оставила там навсегда.

Напряжение, возникшее между ними, казалось, можно было потрогать рукой. И ничто на земле не было способно заставить его исчезнуть.

Это было похоже на безумие. Это и было безумием. Самым настоящим, сильным и страшным.

Эрику казалось, что он видит ангела. Чистого и невинного. Возможно, он всё же сошёл с ума. Возможно, ему мир не устоял. Как ещё объяснить то, что эта девушка кажется ему такой знакомой? Словно он встречал её раньше.

Он жадно впитывал в себя образ незнакомки, запоминая её. Казалось, что ещё немного, и он вспомнит, кто она, но...

— Злата! — этот наглый мальчишка разрушил ту магию, что создалась.

Эрик бежал. Он не знал, как принял такое решение, но ноги сами несли его прочь от этого места. Он хотел согнать, то наваждение, что возникло и никак не хотело уходить. Но ничего не вышло.

Злата.

Быть может это всего лишь обман слуха. Но на всё белом свете была лишь одна *Злата*, которую он знал.

Неужели она вернулась?

Его тянуло назад... к той девушке. Хотелось ещё раз просто посмотреть на неё, проверить свою догадку. И он не стал противиться своим желанием, благо найти её было достаточно легко.

Раньше Эрик преследовал людей, только с одной целью — выпить их кровь, разорвать

их тела на части, но сейчас всё смешалось, стало каким-то неправильным.

Он нашёл её достаточно быстро и стал наблюдать. Её красивые волосы те-ребил ветер, обнажая хрупкую шею.

И он снова начал терять себя, жажда крови вытесняла крупинки человеческого разума из головы. Он вновь сбежал, надеясь, что те люди всё же успеют зайти в безопасное место, пока безумие окончательно не овладело им, пока он не вернулся и не убил их всех.

Он бежал в первую очередь от самого себя, от чудовища, каким он был. Он думал о девушке, о том могли ли оказаться его предположения правдой. И последней мыслью, перед тем, как он полностью перестал быть человеком, была: ему никогда не забыть её глаз.

Чуть позже он направился в деревню, надеясь стереть наваждение. Забыться с какой-нибудь легкодоступной девицей.

Или напиться.

Или и то, и то.

Сначала он зашёл в местный трактир или бар, как называли его некоторый. Разницы не было никакой. Главное, что там всегда можно было напиться.

Наверное, Эрик за всю свою жизнь столько не пил, сколько за этот вечер. Но желанное забвение не приходило. Он всё время вспоминал, а воспоминания пробуждали надежду.

Было забавно наблюдать за людьми, которые всячески старались избегать его общества. Они теснились, хотя рядом с Эриком было предостаточно мест.

Запах алкоголя витал в воздухе. Алкоголя, желания, разврата. Из этого состояли люди, да и сам Эрик.

Он понимал...

Хотя он и читал книги, книги, в которых, прославлялись человеческие чувства, человеческая преданность. В своём ограниченном мире он никогда не встречал подобного.

Всё что он видел — продажные друзья, семьи, отворачивающиеся от близких, если они не соответствует чему-то или совершают ошибки, женщины, готовые отдаться первому встречному, если у него много денег в кошельке или симпатичная мордашка. А ещё лучше, если мужчина достаточно таинственен, тогда барышни просто млеют, мечтают осуществить все свои самые сокровенные желания. Они, конечно, шлюхи недостойные внимания. Но грех не воспользоваться случаем.

Эрик оглядел всех присутствующих. Он знал их косвенно. Мужчины часто брали у него в долг, а женщины служили средством для получения удовольствия. Он спал со многими, но временами даже не знал их имён.

Конечно, он не отрицал, что есть достойные, добрые, честные люди, но просто такие на его пути не встречались, если только, когда он был ребенком.

У каждого в этой деревни был свой порок, в каждой семье свой скелет в шкафу.

Он вышел на улицу. Сознание его было затуманено. Слишком многое случилось в один день. Слишком сложно теперь принимать решения.

— Ты какой-то напряженный, — Лина. Он не заметил её присутствия. Впрочем, она как раз во время.

— Хочешь помочь мне расслабиться? — он приобнял её.

— Ты же знаешь, — она игриво поцеловала его в щеку, — я всегда только "за".

Он мотнул головой в сторону и пошёл. Лина последовала за ним.

Если уж говорить о шлюхах, то Лина замечательный пример.

Ярослав не охотился уже слишком давно, но голода не чувствовал. Он был занят другим.

Магией. Всё время, пытаясь достигнуть совершенства в ней, он упустил одну важную деталь. Свою человечность. Она почти исчезла, от неё не осталось следа. Она унесла с собой многое, даже некоторые воспоминания.

И этот мир казался пустым и глупым. В нём всё краски были серыми. Люди — их существование бессмысленно — раздражали больше всего. Они радовались или огорчались любой мелочи. Но они никогда по-настоящему не ценили жизнь, рассуждая о бессмертии, никто никогда не задумывался о нём в действительности. Эти жалкие существа за что-то получили такую удивительную жизнь, но ценить её так и не научились. Люди — мерзость, служащая только для еды и развлечений. Ничего больше.

Он жаждал отомстить всем своим обидчикам. Он жаждал занять место своего главного врага и повести свою стаю к власти.

И именно из-за этих размышлений и злобы, живущей в его сердце, магия всегда отступала.

И всё это злило Ярослава ещё больше.

Но всё когда-нибудь меняется.

Когда ночь вступила в свои права, тень вышла из укрытия. Она скользила по холодной земле, оставляя едва видимый след, который должен был исчезнуть с первыми лучами солнца.

Она наблюдала. Каждое изменение имело огромное значение.

Где-то треснула ветка. В лесу кто-то был. Обычно в эту часть никто не заходил. Звери, люди, монстры обходили это место стороной. Они знали, что погибнут, стоит им только сделать шаг на проклятые земли.

Тень направилась к источнику звука. Она прекрасно видела в темноте, но зрение не было главным её помощником. Ловушки были расставлены повсюду. Они не позволят сбежать добычи. Никогда.

Тень слишком давно не питалась, слишком давно никто не забредал в эти дебри. Поэтому незадачливый человек оказался как раз кстати. Заблудший, испуганный путник даже не подозревал, что проживает свои последние минуты.

Тень ощутила страх жертвы. Хотя люди воспринимают опасность довольно приглушённо, нельзя было не почувствовать той силы, что обитала здесь.

Тень подошла ближе, она питалась страхом гостя. И этот страх наполнял её силой изнутри. Она питалась до тех пор, пока не стала почти материальной, пока не приняла свой первоначальный облик.

Путник обернулся. Он успел лишь произнести:

— Кто ты...? — и тень вырвала его сердце из груди.

Она ещё долго смотрела в опустошённые глаза жертвы, сжимая в руках окровавленное сердце, прежде чем приступить к пище.

Глава вторая. Предупреждение

Не убегай от меня, не отворачивайся, смотри мне прямо в глаза и скажи всё, что ты обо мне думаешь. Я оправдала все твои ожидания? Или ты видишь лишь сломанную куклу? Ты ещё не знаешь, как я умею бороться.

Проснувшись я рано утром, Рома уже ушёл.

Эта комната давила на меня, казалось, что меня заперли в клетке. Хотелось сбежать отсюда хотя бы на час.

Натянув на себя одежду, я выбежала во двор.

В сумраке раннего утра всё приобрело свой особенный цвет, мир изменился. Он стал прекрасным. Солнечные лучи были во всём: каждый цветок, каждое живое существо, каждый участок земли были наполнены ими.

Птицы радовались новому дню, они пели свои причудливые песни, и их голоса эхом разносились вокруг. Если бы я могла стать животным, то хотела бы стать птицей.

Сад моей бабушки был прекрасен. Никогда прежде я не видела более чарующего места.

Я подошла к кустам сирени, растущим вдоль забора. Они были все в цвету, пышные, усыпанные цветами, напоминающими мне облака. Белые и темно-сиреневые. Их запах полностью заполнил двор.

Но моё внимание, ещё вчера привлекло другое место. Розовый сад. Туда-то я и направилась.

Открыв калитку, я словно попала в другой мир. Здесь росли розы. Они ещё не цвели, лишь бутоны появились на некоторых кустах. Я не могла представить, как выглядит это место, когда все розы цветут. Наверно, сад был похож на волшебную страну.

Я присела на траву, мокрую от росы, и закрыла глаза.

Я погрузилась в свой мир. И в этом мире не было насилия и боли. Там царствовали мир и гармония. И там мне представились бескрайние просторы, голубое небо и кроваво-красные розы. Появилось озеро, чья водная гладь блестела сапфировым цветом. Это был мой внутренний мир, в котором я находила покой. Находила покой в нём и энергия, переполнявшая моё тело и душу. Энергия, которая могла бы вырваться в бесконечную череду видений и припадков, но теперь она была распределена. Она растеклась внутри меня тёплой волной, принесла покой.

Я открыла глаза, и всё в этом мире казалось мне ещё более прекрасным. Где-то пели птицы, рядом со мной пролетела бабочка. Жизнь шла своим чередом.

Мне не хотелось покидать этот сад. Никогда.

Моё внимание привлекла почти распустившаяся алая роза. Она была единственной среди множества бутонов. Я подошла ближе, дотронулась пальцами до её бархатных лепестков.

Капля росы застыла в алом море.

— Она действительно очень красивая, — раздался позади меня мужской голос. Внутри меня всё перевернулось от страха. Кем бы ни был тот человек, он внушал мне неподдельный ужас. Я обернулась.

Рядом со мной стоял парень, лет восемнадцати — двадцати. Он имел до неприличия

красивое лицо, но всю картину портил безобразный грубый шрам, рас-секающий его правую бровь.

Мне казалось, что я встречала незнакомца раньше, но где не могла вспом-нить. Я копалась в глубинах памяти, надеясь зацепиться за нужную ниточку. Но ничего подобного не было. Нить ускользнула. Знакомый незнакомец определённо не был встречен мною в прошлом.

Я рассматривала его, напрочь забыв о приличиях. А его это, похоже, забав-ляло, на губах незнакомца появилась ухмылка.

Я надеялась найти в чертах его лица хоть что-то неправильное, хоть что-то делающее его простым человеком. Но мне не удалось этого сделать.

Я видела лишь его красивые скулы, полные губы, правильной формы нос, большие глаза, обрамлённые тёмными длинными ресницами. Мне хотелось до-тронуться до его каштановых волос, узнать какие они на ощупь. Но я быстро ото-гнала от себя подобные мысли.

От него исходила опасность. Казалось, что всего его окутывала непонятная тёмная сила. Обычно в книгах подобные персонажи оказываются главными пси-хами, убийцами или героями-любовниками. Какого его роль мне не было из-вестно, поэтому больше всего на свете я желала оказаться как можно дальше от незнакомца.

Он тоже рассматривал меня, а когда наши взгляды встретились, я вздрог-нула от неожиданности. Его глаза...необыкновенного синего цвета. Как у чело-века, спасавшего меня в моих снах, как у волка, убившего меня в моём вчерашнем сне. Как у существа в лесу. Всё сошлось в одно мгновение, один образ смешался с другим. Сердце бешено забилося сначала от предвкушения разгаданной тайны, а затем от страха.

Тишина давила на нервы, да и я, казалось, оцепенела. Как бы то ни было, мне следовало вернуть самообладание, для того чтобы разгадать загадку до конца или просто вернуться домой целой и невредимой.

Он тебе ничего не сделает. Просто будь осторожной, строй из себя ду-рочку, и он уйдёт.

— Кто ты? — я осмелилась нарушить тишину, но вопрос, похоже, выбрала не самый удачный.

— Человек, — мне казалось, что он гипнотизирует меня, пытается сломить волю. Но у него явно ничего не выходило. Я настолько сильно боялась, что была не подвластна чарам.

— Я серьёзно, — колени у меня дрожали, и я молила всех богов, чтобы они дали мне сил выстоять до конца и не позволили мне с криком броситься в сторону дома.

— Я тоже, — прошипел он. В его интонации появилась нотка раздражения.

И тут я заметила, с каким выражением смотрит на меня незнакомец. Он смотрел на меня, как хищник смотрит на добычу. В его глазах была тьма, и не было ни капли света.

Он двинулся в мою сторону. А я даже не могла пошевелиться, я лишь сле-дила за его плавными и лёгкими движениями.

В это мгновение он был похож на кошку, играющую со своей добычей.

— Не подходи! — скорее пропищала, чем закричала я. Но парень всё же ос-тановился. Выражение его лица стало растерянным, всякая причина для опасения исчезла. Угроза, повисшая до этого в воздухе, растворилась в сумраке утра.

— Ты боишься меня, Злата? Забавно, — парень усмехнулся. Его чувства так быстро менялись, и все эти изменения отражались в его глазах. Когда он был зол, они становились

тёмными, как море перед штормом. А когда он был спокоен, их цвет был васильковым, ярким, чистым.

Этот человек определённо пугал меня и раздражал, но и заинтриговывал. Меня к нему тянуло отчасти, и это казалось мне наваждением.

— Ничего я не боюсь, — мой голос стал более уверенным. Я действительно больше не боялась, — но ближе не подходи, — сказала я, когда парень попытался сделать шаг в мою сторону. Но он не остановился, придвинувшись ближе ко мне, он взял мою руку. Наши пальцы переплелись.

— Загляни, мне в глаза, Злата. Разве я могу причинить тебе вред? — его голос почему-то успокоил меня. Я глубоко вздохнула, готовясь к очередному испытанию.

Просто загляни ему в глаза. Он не убьёт тебя. Пока, по крайней мере.

Его глаза — два омута. В них легко можно было утонуть, и я боялась этого. Впрочем, не без основания. Они лишили меня воли и силы, и чувств, и мыслей.

— Нет, ты не можешь причинить мне вреда, — казалось, что я эти слова произнесла не я. Внутри меня был кто-то другой, и он говорил за меня.

Незнакомец выглядел счастливым, но мой затравленный мозг не мог понять причины.

Между нами стала возникать хрупкая связь, и я боялась её разрушить. Казалось, что всё в округ приобрело особый цвет. Мир стал ещё более ярким от света. И источником этого света были не солнечные лучи, а мы сами.

Тонкая белая ниточка соединяла наши души. Эта связь была почти мистической. Реальность или игра воображения? Я бы предпочла думать, что второе.

Луч света упал на наши сплетённые пальцы. И всё в округ озарилось странным голубоватым свечением. Это было так прекрасно! Никогда ещё в своей жизни, я не была так близка с человеком. Мне казалось, что ещё немного, и я коснусь его души своей. Я чувствовала, как бьются наши сердца, ровно, в такт друг другу.

Лицо незнакомца озарила улыбка, и я, лишённая воли, улыбнулась ему в ответ.

— Не стоит меня бояться.

----- Кто ты? — снова спросила я. Но вопрос прозвучал по-детски беспомощно.

— Ещё не время называть имена, — он поднёс свободную руку к моему лицу. По всему моему телу разлился жар, когда парень провёл тыльной стороной ладони по моей щеке. Он аккуратно дотронулся пальцами до моих век. Изучая меня, парень задержал палец на моих губах. Мне стало трудно себя контролировать, во мне просыпались странные чувства. Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Но, увы, и это не помогло.

— Ты знаешь моё имя, а своё назвать не хочешь. Нечестно, — но он, казалось, не слушал меня.

Связь между нами становилась всё крепче. Казалось, что наши сознания слились воедино. И для меня эта связь была приятна. В голове прозвучал слабый голос интуиции: *"Ты знаешь его, ты помнишь... Он знает ответы на многие вопросы"*. Но этот отклик здравомыслия и предчувствия был утоплен в забвении.

Я теряла контроль не только над ситуацией, но и над своим даром.

Я почувствовала лёгкое головокружение. И я уже знала, что это значит. У меня будет видение. Я пыталась сопротивляться, но это оказалось сильнее меня. Другая реальность полностью завладела моим сознанием.

Я очутилась в маленькой тёмной комнатке. Моим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к темноте.

В кресле-качалке сидела старушка. Она была настолько старой, что я не могла сказать, сколько ей лет. Её кожа, казалось, висела отдельно от костей, губ у неё почти не было. Лишь в её глазах горел былой огонь.

— *Только ты можешь спасти его, — её голос звучал сипло, чего и следовало ожидать. Наверно она была очень старой.*

Вторая я сидела в кресле напротив старушки. Вид у меня был изнеможён-ный. Под глазами синяки, волосы спутаны, на руках видны ожоги.

Я заметила, что рядом с моей версией из будущего лежит необычно большой волк с белой шерстью. Я видела его во сне.

— *Я знаю, и я спасу его, — сказала вторая я.*

Смерть. Я остро ощутила её, этот вкус тлена во рту, запах гниющего мяса. Все "прелести" того мира обрушились на меня. Призрачные силуэты появлялись из тени, тянули ко мне свои руки.

Я видела их лица. Некоторые ещё сохранили человеческий облик, другие были похожи на скелеты. Но были и такие, от которых осталась лишь тень.

— *Иди к нам... — мёртвые. Всю свою жизнь, сколько себя помню, они звали меня. Они появлялись именно в тот момент, когда я теряла контроль над своим сознанием.*

— *Ты одна из нас, не притворяйся живой... — прошипел чей-то голос у меня над ухом.*

— *Ну же, не бойся, вернись к нам... — я больше не могла этого выдержать.*

— *Хватит! — прокричала я. Слезы подступили к глазам.*

— *Всё хорошо, — тёплая ладонь легла мне на плечо, — они не тронут тебя.*

Я не сразу поняла, кто это сказал, но когда открыла глаза, осознала, что по-прежнему нахожусь рядом с тем парнем.

Смерть ушла, но лишь с одной стороны. Я вдруг ясно ощутила природу своего нового знакомого. Если раньше всё было лишь сплошной догадкой, то те-перь я получила факты.

Я чувствовала, что он не был человеком. Не был вампиром, он был... Этого я не знала и не стремилась выяснить. Некоторая правда может привести к гибели.

— *И всё же, кто ты такой? И что ты тут делаешь? — наконец-то мой голос прозвучал достаточно твёрдо. Здравый смысл вернулся ко мне.*

— *Я здесь живу, — спокойно ответил парень, пожав плечами.*

— *Ты не можешь здесь жить, потому что здесь живу я!*

Я попыталась выдернуть свою руку из его. И когда моя попытка увенчалась успехом, и я уже обрадовалась своей маленькой победе, парень схватил меня за запястья. Он, казалось, вообще не прилагал каких-либо усилий, но мои руки были прочно зафиксированы в одном положении.

— *Ты живёшь прямо здесь? В саду? — в его голосе звучала насмешка.*

— *Отпусти меня! — наша с ним связь рушилась на глазах. Чему я была рада, потому что теперь она казалась мне извращённой и противоестественной.*

— *И не подумаю, — я остро ощутила его близость. Он всем своим телом впечатал меня в дерево, полностью лишив возможности двигаться. Я упрямо заглянула в глаза незнакомцу, желая, чтобы этот раунд нашей борьбы остался за мной. Я ничего уже не понимала. И, казалось, всякий страх лишиться жизни отступил. Наша борьба продолжалась недолго.*

— *Ладно, — прошептал он мне на ухо. Его дыхание щекотало кожу, — встре-тимся сегодня в восемь вечера возле главных ворот, — он быстро отпустил меня и направился в сторону противоположенную выходу из сада.*

— Почему ты так уверен, что я приду?!

— Потому что я отвечу на все твои вопросы, — сказал он, не оборачиваясь.

Я смотрела ему в след, прожигала его спину взглядом, думала о том, как избавиться от его общества. Желательно навсегда. Его присутствие грозило безо-пасности моих близких.

Эта борьба отняла у меня много сил. Сердце бешено колотилось.

Он был так уверен, что я приду. Но он не знал, что это я. А я всегда посту-паю по-своему. Тем более этот наглый тип вызвал во мне небывалое пре-жде раз-дражение. И хотя я знала, что играть с нечистью опасно, я не собиралась ему под-чиняться.

Ответы на вопросы. Что он мог знать о моих тревогах? Что он мог знать обо мне? Я понимала, что это всё всего лишь ловушка. И мне нужно было быть очень осторожной, чтобы не попасть в неё.

Я была смущена и растеряна. И решила все свои проблемы возвращением в дом. Там было безопасно. Там не было странных незнакомцев, там не было не-жити.

Я чувствовала себя настолько измотанной, что, войдя в свою комнату, про-сто повалилась на кровать и закрыла глаза. И тут...

Я стояла в какой-то мрачной пещере. Послышались шаги, и я обернулась, но никого не увидела.

— Ты должна сделать выбор, — слышался голос позади меня, — иначе ни-как. Останься со мной. Что тебе может дать он? Всё равно у тебя выбор не велик. Либо присоединишься к нам, либо умрёшь, — своего собеседника я разгля-деть не могла, так как в пещере лежала кромешная тьма. Я почувствовала, как кто-то схватил меня за шею. Горячее дыхание обжигало кожу, — выбери другую сторону. Услышь голос разума, когда мы победим, все твои друзья сгорят в огне.

— Отпусти, — прохрипела я.

— Ты мне потом ещё спасибо скажешь, сестра, — слышался шёпот и...

На этом моё видение прервалось, я открыла глаза и увидела обеспокоенное лицо брата. Я и сама была обеспокоена, раньше я за всем наблюдала со стороны, но на этот раз я сама участвовала в происходящем. Это было похоже на сумасше-ствие. И на минуту мне показалось, что я безумна.

— Что случилось? — спросила я.

— Это ты меня спрашиваешь? Ты кричала. Злата, что произошло? На тебе лица нет! — он так боялся за меня, что у меня сжалось сердце. Мне ни в коем слу-чае нельзя было говорить ему правду, нельзя делать его жизнь сложнее, чем она есть.

— Всё в порядке. Мне просто приснился страшный сон, — соврала я. Но Рома, похоже, мне не поверил. Да его не проведёшь, ведь он знает меня, как никто другой.

Возможно, он знает меня лучше меня самой, но никогда не понимает. Ему не знакомы мои чувства, а мне его. И это никогда не сделает нас по-на-стоящему близкими.

— И что же тебе приснилось? — поинтересовался он. Ну, в кого он такой по-дозрительный?

— Мне приснилось, что ты надел на себя розовое платье и пришёл в таком виде в универ, — попыталась пошутить я. И хоть шутка была так себе, брат от-влёкся. В его глазах появился знакомый мне блеск. Я знала, что он подыгрывает мне, и это злило. Я чувствовала себя уцербной ещё в большей степени, чем была на самом деле.

— Да, из-за этого стоит орать на весь дом, — сказал он и запустил в меня по-душку.

— Ах, так! — мы начали войну. Не знаю, сколько бы продолжалась наша возня, но

бабушка позвала нас завтракать.

Со своим братом я могла отвлечься, но никогда не забывала о другой стороне, о своей тайне. О том, что в мире так много интересного и опасного, обычный человек этого не увидит, но сможет почувствовать, если захочет. Это чуждо, но я сразу же хочу предупредить, что обратного пути не будет. Тот, кто хоть раз столкнулся с другой реальностью, уйти живым уже не сможет. Поэтому я так беспокоилась о брате и матери.

Иногда я думала о том, чтобы уйти. Уйти из их жизни, это дало бы им шанс на нормальное существование. Но каждый раз чувствовала себя слишком слабой, чтобы воплотить свой план в реальность.

После завтрака, я пошла в свою комнату. Сегодня мы должны были идти гулять, поэтому надо было выбрать одежду. Я надела обычное серое приталенное платье. Оно было довольно старым, но я всегда его любила.

Я хотела собрать волосы в хвост, но потом решила дать им возможность спадать по спине волнами. Так было привычнее.

На сборы у меня всегда уходило немного времени, а вот у моего брата...

— Ром, ты скоро!!! Хватит прихорашиваться, пошли! — спустя несколько минут спустился мой брат.

— Зачем так кричать, я не глухой, — брат соорудил гримасу. Я не смогла удержаться и показала ему язык. Словно на мгновения вновь вернулось детство.

Мы вышли на улицу, с Димой, Олей и Аней мы договорились встретиться возле нашего дома, но они опаздывали. Мы простояли минут десять. Рома не выдержал и пошёл в сторону дома наших новых знакомых.

Я хотела пойти с ним, но кто-то должен был подождать у места встречи. Так почему бы не мне?

Я чувствовала себя не уютно. Будто кто-то пристально смотрел на меня, разглядывал. Но в округе никого не было.

Это место навеивало странные мысли. И все они были тревожными. Я мысленно уговаривала себя, что бояться нечего. Мы все здесь в безопасности. Но на самом деле в безопасности не был никто.

Рома долго не возвращался, и я уже начала терять терпение, как вдруг меня кто-то окликнул.

— Эй, ты! — я оглянулась и увидела человека, который казался мне отдалённо знакомым.

На внешний вид я могла дать ему лет девятнадцать, но зелёные глаза казались старше, мудрее своих лет. Его волосы были чёрными, как смоль, густыми и непослушными. Чёрная одежда, татуировка на руке в виде черепа придавали парню дьявольский вид.

И хотя было в этом человеке что-то знакомое, голос в моей голове кричал: "Беги!" Но я поборола этот настойчивый призыв.

— Что тебе нужно? — я сказала это слишком грубо, резко. И мне мгновенно стало стыдно за себя.

— Ты новенькая? — ответил он на мой вопрос вопросом, таким голосом, словно ответ ему и не требовался, просто он забавлялся, играя со мной. Но я не понимала правил игры.

— Да, а кто ты такой?

— Забавно, что ты не узнаёшь меня, Злата, — я вздрогнула. Откуда ему было известно моё имя? Но, чёрт возьми, я не была уверена, что хочу это знать.

— А должна была бы?

У меня возникло ощущение, что происходит полное повторение утренних событий.

— Да... — выражение его лица стало мечтательным, — жаль, что ты сюда приехала. Я хотел дать тебе совет: никогда ни при каких обстоятельствах не ходи в лес. Это может плохо кончиться. Там водятся волки.

— Я всё поняла. Хорошо, что есть те, кто беспокоятся о безопасности других. Спасибо за предупреждение, — я надеялась, что мой голос звучит уверенно. И я надеялась, что этот парень мне верит. Но...

Своими словами он только разжёл моё любопытство. Лес притягивал меня. Что было в нём особенного? Почему люди так боялись его?

— Вот и хорошо. Меня зовут Ярослав. В нашем месте слухи распространяются невероятно быстро, так что будь осторожнее, — он протянул мне руку, и я смело пожала её.

Смело? Всё внутри меня дрожало от страха и любопытства.

— Ярослав, нам пора! — я не заметила, как к нам подошёл ещё один человек. Только взглянула на него, и всё в округ затихло. Я уже ничего не слышала и не видела, мы смотрели друг на друга немного удивлённо.

И всего на пару секунд мне действительно показалось, что нас всего лишь двое во всём целом мире. Что больше ничего не существует, всё и все растворились в вечности. Остались лишь я с ним.

Мой новый знакомый из сада. Опасный и таинственный, раздражающий и притягательный.

Меня не влекло к нему, как в любовных романах дам влечёт к незнакомцам. Он просто был мне любопытен, но страх пересиливал любопытство. Его природа предопределяла моё к нему отношение.

— Эрик, вообще-то я занят, — в голосе Ярослава звучало недовольство. И на минуту он показался мне жёстким и холодным, способным убивать и ломать людей.

— Но нас ждут, скоро собрание, — я смотрела на их спор со стороны и жаждала оказаться, как можно дальше. Эти двое пытались испепелить друг друга взглядом. Но их попытка уничтожить друг друга могла кончиться гибелью для целого мира.

— Значит, подождут! — глаза Ярослава зло сверкнули. Он смотрел на Эрика с неприкрытой ненавистью.

— Этот совет собирается по важному поводу, поэтому мы обязаны быть там во время, — Эрик был настойчивым, я уже поняла это. Избавиться от него было трудной задачей. Но если я хотела прожить эти три месяца нормально, не боясь за себя и за брата, мне нужно было придумать способ сделать нас незаметными для других.

— Злата!!! — к нам со всех ног бежал Дима, а за ним Рома, Оля и Аня.

Ярослав презрительно посмотрел на ребят и сказал мне:

— Я думаю, мы скоро снова встретимся, — и он ушёл. Эрик немного помедлил.

Он пристально смотрел на меня, а я на него. Но он больше не вызывал во мне тех чувств, что я испытала в саду. Я видела только красивого парня. Больше ничего. Оболочка, лишённая смысла.

Эрик улыбнулся мне своей особенной, нахальной улыбкой, будто мы с ним вдвоём знали какой-то секрет. Секрет, который может изменить всё, причём не в лучшую сторону.

Синие глаза говорили мне, что это только наша тайна. И ничья больше.

А затем и Эрик ушёл, оставив после себя странное чувство. С одной стороны, мне

хотелось догнать его, а с другой, больше никогда не видеть.

Теперь я знала его имя. Имя. Я всегда считала, что если ты знаешь его, то имеешь некую власть над человеком.

— Что он хотел от тебя? — голос Димы вывел меня из раздумий. Я ведь даже не заметила, когда они добежали до меня.

— Что случилось? — Рома снова беспокоился обо мне, будто я была ребёнком, неспособным что-либо сделать. И почему-то меня это разозлило.

— Сама не знаю, — произнесла я, перекрыв дальнейшие расспросы.

Мы гуляли несколько часов. Рома с Олей от нас отделились. Они были настолько сильно поглощены друг другом, что даже не заметили, что уже давно идут одни.

Я ревновала. Ужасное чувство, причиняющее боль. Вселяющее ненависть.

— Расскажи мне. Расскажи мне про лес? — попросила я Диму, чтобы хоть как-то отвлечься, чтобы заглушить тупую боль в груди. Просто хотелось услышать голос другого существа. Отчего-то мне казалось, что Диме тоже должно быть больно, ведь Оля его близнец, его вторая часть. Он тоже должен ревновать её. Или это только для меня мой собственный брат означает целый мир?

В Диме не осталось и следа вчерашней отчуждённости, холодности. Он весело взглянул на меня:

— Странные у тебя просьбы, — секундное молчание, а потом он добавил, — для девушки.

— А что же в этой просьбе странного?

— Не знаю. Оля, Аня, другие девушки... Ты слишком сильно от них отличаешься.

Я не стала дальше спрашивать его. На самом деле его фраза немного смутила меня, да и он сам смущал меня. Отличаться от других иногда не слишком весело.

Но я по-прежнему считаю, что человек должен оставаться собой, а не играть чужую роль.

Вчерашняя неприязнь исчезла. Мне казалось, что между нами рухнула стена, и теперь мы могли спокойно разговаривать. С ним было довольно интересно. Он был, пожалуй, умным и к тому же хорошо воспитанным, умел поддерживать беседу.

Он мог бы стать моим другом. Нет, не близким другом, а тем человеком, с которым, иногда, можно было весело поболтать, оставив все проблемы за дверью дома.

Мы остановились, и Дима начал рассказ:

— Когда-то давным-давно боги решили создать место, где будут соприкасаться разные миры. Это будет своего рода рай на Земле, там не будет боли и отчаяние. Люди, нечисть, животные и другие существа смогут существовать друг с другом, не причиняя себе и окружающим вреда. Так и было долгое время, пока не произошёл один случай.

Но все мы эгоистичны от природы. Однажды Хронус, бог мёртвых, создал себе в утеху новых существ. Они были быстрыми и сильными, но в то же время невероятно жестокими. И Хронус выпустил их в мир людей. Их было двое, двое братьев. Они выглядели, как люди, но это была лишь внешняя оболочка, скрывающая гнилую душу.

Их считали демонами, они были чем-то между вампиром и оборотнем.

Один из братьев влюбился в смертную девушку. А она ответила взаимностью на это слепое чувство.

И настолько сильной была эта любовь, что исцелила она больную душу, подарила настоящую жизнь. Чем человечней становился один брат, тем злее становился другой. Он

ненавидел всё живое. И в его голове созрел план. Видишь ли, он очень сильно боялся, что останется один. И потому решил убить возлюбленную своего брата, думая, что это снова вернёт всё на круги своя. У него снова будет брат, который будет любить его. Но он не думал, что его план уже давно не был секретом.

И так началась череда долгих поисков, и ненависть стала почти невыносимой. Рок настиг влюблённых рано утром. Сначала была убита девушка на глазах у своего возлюбленного, затем был убит и второй брат, к тому времени почти полностью ставший человеком. Но кровь не могла пролиться в этом лесу. Это противоречило его природе. И с того момента лес был проклят, осквернён. И больше не было рая, он превратился ад.

Все существа стали уходить всё глубже в лес, подальше от людей. Они считали, что именно люди стали причиной гибели. Ведь если бы один из братьев не полюбил смертную, ничего бы не случилось.

Лес долгое время спал, птицы перестали в нём петь, он стал мёртвым. Но для людей всё было в порядке. Они по-прежнему жили в нём.

Однажды среди богов случился какой-то раздор и тогда лес очнулся. И начал убивать.

Дима замолчал, а я была настолько заморожена его рассказом, что не могла вымолвить ни слова.

— Расслабься, Злата. Это всего лишь легенда.

Но я продолжала думать о ней и ночью. Лес манил меня ещё больше.

Я думала о ней, когда записывала свои видения в тетрадь. И это мешало мне сосредоточиться, связать всё воедино, разгадать смысл посланий.

Моё сердце сжалось от страха, когда глухую тишину разрезал пронзительный волчий вой. Он ворвался в мою душу и поселил в ней ужас.

Если я хочу выжить, мне нужно быть очень осторожной.

Отступление

подавлять чужую волю не самое его любимое занятие. Но эта девушка... Злата... С ней вряд ли можно по-другому.

Он даже не хотел с ней разговаривать. Он просто пришёл, чтобы увидеть её, рассмотреть, какой она стала.

Но, когда увидел, то не смог себя контролировать. Злата была такой нежной и манящей. Её шея казалась такой хрупкой, а кожа невероятно тонкой и мягкой.

Она испугалась его, он чувствовал, что она еле-еле контролирует страх. И тогда Эрик сделал то, чего не должен был делать. Он попытался подавить волю девушки, заставить её забыть о страхе, хотел утопить её в чужих, его собственных, чувствах. Но всё пошло не так, как он ожидал.

Злата могла сопротивляться, она сама не осознавала насколько сильна. Возможно, это было к лучшему. Иногда незнание лучше, чем знание.

Он вспомнил её глаза. И решил, что если бы всё пошло, как он запланировал, то Злата уж бы полностью принадлежала ему. Всецело. И никто бы не смог прикоснуться к его вещи, к его новой, прекрасной вещи.

Он так сильно хотел увидеть её своими человеческими глазами. И сегодня мечты его

сбылись. Она была действительно ангелом в этом поганом мире. Её волосы напоминали огонь, а кожа казалась фарфоровой. Но особенно совершенны были её глаза: один тёмно-зелёный, другой карий с вкраплениями зелени. Две прекрасные ловушки.

Эрика немного пугала та связь, что образовалась в саду. Она была непонятной, но прекрасной. И возможно Злата всё же смогла бы ему помочь.

Теперь у Эрика появилась надежда, и у этой надежды были удивительные глаза.

Для Ярослава всё складывалось, как нельзя лучше. Злата была рядом, он мог защитить её. Рядом с ним она была в безопасности, настолько, насколько это возможно, учитывая некоторые обстоятельства.

Его боялись, его уважали. Он стал почти богом, он стал, почти таким же, как его отец.

Если ты кого-то ненавидишь и мечтаешь его уничтожить, то стань таким же, как он. Подберись ближе, пойми, а затем уничтожь.

И правы же были те, кто говорил, что чувства всего лишь фальшь. Без них жить намного проще и легче. Ярославу хотелось избавиться от своей последней слабости. Злата. Она словно прореха в его идеально спланированной и созданной жизни. Пока она находилась за пределами этого мира, она подвергалась ужасной, каждодневной опасности. Она должна быть там, где была сотворена. Она должна делать то, для чего была сотворена. Как жаль, что такие возможности бесследно пропадают.

Кое-что изменилось, граница, так долго державшая тень в этом жалком подобии темницы, начала исчезать. Сначала исчезло сияние, а затем барьер начал слабеть. Никто из живущих никогда не смог бы почувствовать изменений, но тень чувствовала. Она была слишком сильно привязана к этому месту, к своей тюрьме. И когда решетка темницы начала исчезать, пришло чувство свободы. Это освобождение сопровождалось болью, но она была приятной. Потому что это означало только одно.

Тьма грядёт...

Глава третья. Лес

Я тону в этом сплетении безумия и страха. Тот, кто создал это место, явно был сильно болен. Здесь есть только зло. Чистое и первобытное. Всё вокруг поглощает каждую частичку света, этот мрак невозможно насытить.

Я проснулась на рассвете. Солнечные лучи били мне в глаза, лишая всякой возможности заснуть снова. Я любила солнце, но иногда то, что мы любим, может стать причиной нашей боли. Глаза мои не были железными и от яркого света на-чали болеть и слезиться. Я вспомнила прохладу розового сада, священную тень деревьев. Повинуясь порыву, я встала, оделась и пошла на улицу.

Глубокую тишину изредка нарушало красивое пение птиц. Солнце озаряло всё вокруг, придавая природе невероятный шарм. Густые кроны деревьев приобрели изумрудный цвет, небо казалось неестественно голубым, а все цветы в саду моей бабушки приобрели загадочный и в тоже время сказочный вид, словно они больше не принадлежали этому миру.

Неожиданно для себя я обрела покой, которого мне так не доставало в обычной жизни. И больше не боялась ни странных незнакомцев, ни своего дара, ни одинокого волчьего воя.

Я упала на мягкую траву, закрыла глаза. Весь мир теперь казался простым и понятным. Возможно, сон украл меня на некоторое время, либо я просто на-столько погрузилась в себя, что не замечала ничего вокруг. Но открыть глаза меня заставили странные звуки. Они доносились из розового сада. Словно кто-то пел древнюю песню, поверяя людям какие-то неизведанные тайны. Голос был краси-вым, но казался немного детским, и слов разобрать было невозможно. Казалось, что я всё ещё прибываю во сне, поэтому страх казался мне пустым и нереальным. Я пошла на голос, желая найти таинственного певца.

Розовый сад — место, где всё возможно. Настолько нереальными казались розы в нём.

Я подошла к розовому кусту. Пение становилось всё громче и громче. Го-лос всё больше завораживал меня... А потом неожиданно всё стихло. Я замерла. И вдруг из почти распустившейся алой розы выпорхнуло странное существо. Оно напоминало крупную бабочку своим размером и крыльями.

У него были тонкие почти прозрачные крылья, на которых красовался бледно-голубой узор. Тело у существа отдалённо напоминало человеческое. Кожа была цвета молока, а конечности казались настолько хрупкими и изящными, что можно было без труда сломать их.

Существо удивлённо смотрело на меня своими большими тёмными гла-зами, в которых, казалось, не было зрачков. А затем полетело прочь. И я, повиную-ясь зову в своей крови, бросилась за ним. Оно летело недостаточно медленно, что бы я могла догнать его, но всё же достаточно медленно, чтобы я могла не поте-рять его из виду. Неожиданно мне вспомнилась сказка "Алиса в стране чудес". В детстве я часто представляла себя главной героиней. И вот сейчас детская мечта сбылась, только я не Алиса, и вместо кролика меня ведёт существо, сильно напо-минающее фею.

А между тем я добежала до стены. Мне ещё не приходилось заходить так далеко, да и, судя по тому, сколько росло здесь сорняков, мало кто приходил в это место.

Там была брешь. Брешь в стене казалась мне ненастоящей, потому что брешь в такой

идеально-слаженной системе лично для меня была неправдоподобной ложью.

Существо проскользнуло туда, а я, не думая ни минуты, вбежала следом за ним.

Это было полнейшим безрассудством, но я словно была околдована. Мой поступок можно было оправдать той невероятной тягой к запретному лесу, кото-рая появилась тогда, когда я первый раз в своей жизни на него взглянула.

И, действительно было что-то магическое в этом лесу. В том, что ветки де-ревьев так плотно смыкались вверху, почти не давая солнечным лучам пробиться вовнутрь. Тот скудный свет, что всё же давало солнце, с трудом освещал дорогу. Тишина была пугающей. Не было слышно ни пения птиц, ни трепета крыльев. Ка-залось, что даже деревья застыли, боясь нарушить эту неестественную тишину. Ветер тоже молчал в этом гнетущем царстве неизвестности. Он не колыхал ли-ству, не ласкал кожу — его просто не было.

Я продолжала следовать за существом, но уже не так уверенно. Мой внут-ренний голос начал отчитывать меня за безрассудство.

И когда пелена с глаз спала, и пришло осознание, я бросилась бежать об-ратно по тропинке, подальше от этого заколдованного места.

Я бежала назад, но просвета не было видно. Тропинка привела меня в ни-куда. Я наткнулась лишь на стену из деревьев. Зато рядом, откуда не возьмись, появилась ещё одна тропинка. Она будто давала надежду таким заблудшим пут-никам, как я. Но и эта тропинка привела меня к тупику, правда рядом, как по волшебству возникла ещё одна такая же тропинка. Так я и бродила по множеству тропинок, ведущих в тупик. И, казалось, что я с каждым разом всё больше погру-жаюсь вглубь леса. В этот лабиринт без начала и конца.

Мне вспомнилась бабушкина фраза про лес, и я ринулась в самую его чащу, игнорируя новые тропинки.

Лес словно воспротивился моей попытке. Ветки царапали кожу и рвали одежду. Теплая струйка крови стекала по моему лбу. Царапины на руках и ногах не переставали саднить, пока я получала новые. Но ничего из этого не заставило меня остановиться.

Силы быстро покинули меня. И закончилось всё тем, что я попросту спо-ткнулась и упала на землю. Казалось, что кто-то высосал из меня всю жизненную энергию. И я из живого человека превратилась в тряпичную куклу, лишённую воли и всякого желания жить.

Я провалилась в некое небытие. Мир, такой огромный, безграничный, стал казаться маленьким и жестоким.

Всё моё существо растворялось в чём-то тёмном и неизвестном. Лес словно питался моими страхами.

Где-то на грани между сном и явью мне показалось, что деревья живые, что они тянут ко мне свои ветви.

Я видела тени мелькавшие, где-то высоко среди листвы.

Я исчезала... становилась частью тьмы, окружавшей лес.

Я всё ещё слишком смертна, слишком слаба и труслива.

Нужно бороться, нужно сражаться с трудностями несмотря ни на что.

Я открыла глаза и попыталась встать на ноги. Первая попытка была не со-всем удачной.

Ноги онемели, но мне всё же удалось подняться, преодолевая острую боль во всём теле и, отчасти, преодолевая своё нежелание бороться дальше.

Моё тело почти меня не слушалось. Но я продолжала идти, силясь найти выход, и проклиная себя за глупость.

Я подумала о том, что возможно никогда отсюда не выберусь и буду при-ведением

бродить среди этих зловещих деревьев, прячась от посторонних глаз. А потом я вспомнила маму и брата — единственных, дорогих мне людей. И мне не-вероятно сильно захотелось жить. Жизнь предстала передо мной во всех красках. Все её лучшие мгновения пронеслись передо мной. И то, как трогательно брат да-рил мне самодельные подарки на праздники, и наш первый отдых за границей, и то, как с братом мы делились секретами, и вспомнились мне глаза матери, всегда полные понимания и теплоты. Я любила их обоих возвышенной любовью, кото-рая могла дать силы жить дальше, бороться за свою жизнь.

Нельзя сдаваться.

Сильная, сводящая с ума жажда застала меня врасплох. Казалось, что в моё горло льют расплавленное железо. Жажда жгла меня изнутри, полностью уничтожая другие мысли и желания. Казалось, что если я не сделаю хотя бы одного глотка воды, то сойду с ума.

И лес теперь казался мне маленькой комнатой без окон и дверей, а потолок был настолько низким, что давил на меня в прямом и переносном смысле.

Не знаю, сколько бы длились мои мучения, но случай или судьба привели меня к небольшой пещере. От неё веяло необычной живительной прохладой, по-этому я зашла вовнутрь.

Она была, должно быть, старше всего того, что находилось в лесу. Воз-можно, пещера эта была старше и самого леса. То странное чувство, когда вы сталкиваетесь с чем-то необычным и таинственным, настигло меня. Я почувство-вала воодушевление, будто должно произойти что-то, способное навсегда изме-нить мою жизнь.

И когда мне на глаза попало маленькое озерце по середине пещеры, я, не задумываясь, бросилась к нему.

Его вода была кристально чистой, необыкновенного, совершенного цвета. На вкус она была изумительной. Но стоило мне сделать пару глотков, как ведение затянуло меня в свой омут.

Солнце уже почти село. Но молодой человек всё равно прятался в тени де-реьев, боясь, что кто-то из посторонних его заметит. Он смотрел куда-то вдаль, словно стремился познать грани неведомые человеческому уму.

Его волосы отливали золотом, когда последние лучи дня касались его го-ловы. В тёмно-зелёных глазах застыла грусть.

Он так глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил недавно подо-шедшую девушку.

Она напоминала только что распустившуюся розу. Её глаза были цвета тёмного шоколада, и когда она смотрела на тебя, ты не чувствовал себя одиноким. Это необыкновенное существо наполняло тебя тёплом, даря радость и спо-койствие.

Одета девушка была не броско. Дамы в её время одевались и более кра-сиво. Но она не стремилась привлечь внимание.

Её длинные каштановые волосы были распущены и красивыми волнами спадали до самой талии.

Она несколько минут смотрела на парня. А потом, лукаво улыбнувшись, громко кашлянула.

Парень резко обернулся, и на мгновение на лице его застыла блаженная улыбка. Он медленным взглядом окинул простенькое платье девушки, а затем посмотрел прямо ей в глаза, надеясь прочесть такие желанные и запретные мысли.

— Ты пришла, — он, словно констатировал факт, но в голосе его слышались

неожиданные, радостные нотки, которые не удалось скрыть.

Он подошёл к девушке и крепко обнял её, теперь нечто не омрачало его радости.

— Тише, тише, не удуши меня, из-за корсета я и так еле дышу, — прошеп-тала она ему на ухо, — я люблю тебя.

И эти слова оказались последней каплей. И они оба уже не сдерживали своих чувств, выливающих в страстном поцелуе.

— Значит, ты решила бежать со мной?!

— Да, — короткий ответ, который значил так много, — а если он найдёт нас?

— Не найдёт. Он никогда нас не найдёт.

И меня вышвырнуло из этого воспоминания.

Я лежала на холодных камнях с закрытыми глазами, пытаюсь прийти в себя. Что-то маленькое и холодное падало на меня, полностью покрывая тело. Я с трудом раскрыла глаза и увидела маленькие снежинки Они, кружась, падали от-куда-то с потолка пещеры.

Я была настолько поражена, что несколько минут пролежала без движения. Но потом на место удивления пришла паника, я быстро поднялась на ноги и вы-бежала из пещеры.

И только немного успокоившись и прижавшись к ближайшему дереву, я заметила, что что-то сжимаю в руке.

Это был небольшой кристалл ярко-синего цвета. Казалось, что он немного светится. Я представила, что его грани скрывают целый, невероятный мир. Не за-думываясь о последствиях, я спрятала кристалл в карман брюк.

Медленно опустившись на землю, я попыталась перевести дыхание. Должно быть, прошло много времени, но я по-прежнему не знала, как выбраться из леса.

И тут внимание моё привлекло что-то отдалённо напоминающее челове-скую руку...

Я решила подойти поближе, чтобы подтвердить или опровергнуть свои до-гадки...

Это действительно была человеческая рука, безжалостно оторванная от тела.

Мой крик разрушил глубокую тишину.

А потом я побежала...

Я бежала прочь от этого странного и жуткого места.

Резко затормозить меня заставил крутой спуск.

Я беспомощно стояла на краю пропасти, боясь сорваться. Я балансировала где-то на грани, когда кто-то схватил меня за ногу и потянул вниз.

Я почти не помню, как падала. Будто на это время меня вышвырнуло из собственного тела. Очнулась я лишь, когда оказалась в воде. Сначала я попыта-лась выбраться, но мои конечности словно онемели, и я камнем пошла на дно. Последнее, что врезалось в память — только, что начинавшееся видение. Но я по-теряла сознание, и видение тоже утратило своё значение.

— Что нам с ней делать?

— Она скоро умрёт. Даже жалко убивать, живучая, — тот, кто это сказал, рассмеялся. А я так и продолжала лежать в забытьи. Всё происходящее было не-реальным. Страшно мне уже не было, я не чувствовала ничего, кроме боли, а бо-лело у меня абсолютно всё. Прележав некоторое время, я всё же открыла глаза. Яркий солнечный свет ослепил меня, но через несколько минут глаза привыкли.

Очевидно, что я была совершенно одна. Неужели показалось? Я лежала на траве, неподалёку было озеро тёмно-синего цвета, похоже туда я и упала. Но кто меня вытащил? Людей здесь поблизости не было.

У меня остался ещё один вопрос: как мне отсюда выбраться? Я попыталась присесть, это стоило мне больших трудов. Теперь я могла всё осмотреть. Разно-образие трав и цветов, растущих на этой поляне, поражало воображение.

Я попыталась подняться на ноги, но тут перед глазами у меня помутнело, и я рухнула на землю. И снова видение.

Тьма и свет переплелись в одно. Большие не было чётких границ, отделяющих дурное от хорошего. Мир погрузился в хаос. Я видела всполохи огня и слышала крики людей.

Я закрыла глаза. Пожалуйста, пусть всё это быстрее закончится.

И где-то вдалеке одинокий голос повторял лишь одно слово: "Вернись".

Кто-то лизнул меня, я распахнула глаза и... увидела волка. Я закричала и попыталась подняться на ноги, но волк повалил меня на землю своей лапой. И пара зелёных глаз приковала меня к месту. Эти глаза... зелёные... такие знако-мые...человеческие. Как у Ярославла. Эта мысль промелькнула в голове мгно-венно, но не угасла.

И действительно, глаза были человеческие. Похоже, волк не собирался на меня нападать, он просто со снисхождением смотрел на мои жалкие попыт-ки подняться на ноги. Его чёрная шерсть блестела на солнце. Он был намного крупнее обычных волков и сильнее...

Я никогда не видела оборотней в их истинном обличии, но знала, что пе-редо мной не один из них.

Пока я изучала глазами "волка", меня окружили. Ещё восемь "волков" смотрели на меня, как на букашку, но никто не нападал. Все ждали чего-то. Я на-чала медленно ползти к озеру, но и "волки" не отставали от меня. Один из них перегородил путь к выходу, хотя я не больно то и надеялась спастись.

Один из "волков" завыл, а вскоре его подхватила и вся стая.

Я всё же поднялась на ноги

Волк не отводил от меня своих горящих глаз, а я, казалось, не могла пошевелиться. Страх сковал моё тело и лишил возможности думать. Мне хотелось закричать, но крик застрял где-то в горле.

Всё замерло. Волк, с чёрной шерстью, судя по всему был вожаком, он смотрел на меня, не моргая, а остальные ждали его приказа. Я слышала их рык и стук своего сердца, моё дыхание сбилось. Прошли секунды, минуты, часы, года, прежде чем я услышала голос:

— Идём со мной, если тебе дорога жизнь.

Голос казался мне смутно знакомым, хотя и немного искажён-ным. Но у меня не было времени копаться в воспоминаниях. Я испуганно взглянула на чёр-ного волка, надеясь, что найду ответ на свой вопрос. Как он мог разговаривать? Насколько я знала, оборотни не могли произносить слов, находясь в своём истин-ном обличье.

Я была настолько напугана, что до меня не сразу же дошёл смысл его слов. А когда я поняла, чего он хочет, то ответ сразу же пришёл ко мне.

— Нет, — я не знала, расслышал волк или нет моё бормотание. Но когда стая вокруг меня угрожающе зарычала, стало понятно, что все поняли мой отказ.

— Ты храбрая, но храбрость — это глупо. Она не поможет тебе выжить, она погубит тебя, так же, как и гордость.

Он не открывал рта, когда произносил слова. А потом я подумала, что его голос я слышу только в своей голове. Он говорил со мной мысленно.

— Правильно, Злата. Мой голос в твоей голове. Между нами связь, которую никто не в

силах понять.

Меня передёрнуло. Сама мысль о том, что я могла быть хоть как-то связана с кем-то из их мира, приводила меня в ужас.

Что мне делать? Что мне делать? Что мне делать?

Моё сердце бешено колотилось. Я понимала, что никто меня не спасёт, да и самой мне не справиться.

Закрыв глаза, я пыталась настроить себя на то, что скоро умру.

Соберись, все люди умирают. Надо принять это как факт.

Но, увы, я себя не убедила. Мысленно попрощавшись со всеми, я стояла в ожидании неизбежного.

Одна мысль пронеслась в моей голове. А может согласиться? Может так у меня появится шанс выжить? Но вдруг мне придётся стать такой же, как и они? Я не хочу убивать людей. Да, и вообще с чего я решила, что они пощадят меня?

Прошло несколько минут. Никто на меня не нападал, а я так и не решалась открыть глаза. Время тянулось мучительно долго.

Услышав волчий вой, я решила, что они сейчас нападут. Но ничего не происходило. Только рядом со мной раздалось дикое, утробное рычание.

Я ощутила, что кто-то пробежал рядом со мной.

Я распахнула глаза. И первым, кого увидела, был волк с чудесной, бело-снежной шерстью. Он был таким же, как те, что окружили меня, но в то же время другим. Ангел смерти пришёл за мной.

Подожло ещё двое волков. Серый и коричневый. Они встали впереди меня и зарычали.

Белый волк стоял рядом, не подпуская никого. В моей голове промелькнула судорожная мысль, что ещё чуть-чуть, и все они набросятся на нас. Странно, но я боялась не только за себя, но и за белого волка.

Он внимательно посмотрел на меня и словно пытался мне что-то сказать своими глазами.

Но нам не хватило времени, я не поняла его, а он не успел объяснить. Вся стая бросилась на нас.

Бессилие.

Тогда я ощутила его в полной мере. Я видела, как моего почти спасителя рвут в буквальном смысле на части его же сородичи, но ничего не могла сделать.

Но ещё хуже бессилия страх и подлость. Вся стая была настолько поглощена боем, что никто не обращал внимания на меня. Я огляделась вокруг. На принятие решения у меня были считанные секунды. Но я приняла его ещё до того, как слова обрели форму.

Человек в первую очередь почти всегда стремится спасти только свою шкуру.

Я побежала прочь, проклиная всё вокруг, моля бога о том, чтобы он помог мне выбраться и помог спастись белому волку.

Я уже почти добежала до деревьев, но кто-то повалил меня на землю. Острая боль пронзила висок, а потом что-то тёплое потекло по коже. Кровь. Перед глазами темнело.

Я перевернулась на спину, надеясь увидеть своего врага, пытаюсь сохранить крупицы разума и возможно, что-то сделать, чтобы спастись.

А ещё я сжимала в руке кристалл, который нашла в лесу...

Вожак стаи угрожающе нависал надо мной, я чувствовала его дыхание, а ещё ощущала, что мне нечего даже надеяться на то, что он меня просто так отпустит.

Мы смотрели друг на друга, а потом я ударила его кристаллом, его острой частью. Волк жалобно заскулил и немного отступил от меня. Этого было вполне достаточно, я бросилась бежать.

Я думала, что убегу недалеко, но за мной никто не гнался, а когда я оглянулась, то увидела, что вожак дерётся с белым волком.

Я продолжила свой путь. Прошёл час, а может больше, но я чувствовала себя полностью опустошённой. Просвета не было видно. И мне начинало казаться, что лес не имеет конца. Выход из него — это всего лишь игра воображения. Лес — это тюрьма, из которой невозможно выбраться. Но страх придавал мне сил, а стремление вновь увидеть близких не позволяло сдаться.

А между тем деревьев становилось всё больше и больше. Мне казалось, что я начинаю терять чувство времени.

Где-то вдалеке послышались крики. Всё внутри меня замерло, ожидая худшего. Волки, наверное, уже закончили сражение, следовательно, вожак стаи наверняка искал меня.

И поскольку он знал лес лучше, чем кто-либо, я не была в безопасности. Мне следовало бежать, уходить настолько далеко насколько могу.

Я продолжила путь, но надежда на то, что мне удастся выбраться, угасла. От моих размышлений меня отвлек жалобный крик какого-то животного. И прежде чем я успела всё обдумать, я побежала на зов в надежде помочь. Человек, безумно любящий животных и помогающий им насколько это возможно, во мне всегда побеждал. Именно поэтому я напрочь забыла о собственной безопасности.

Бежать мне пришлось недалеко.

Я увидела маленького оленёнка, попавшего в ловушку. Он, похоже, звал свою мать. Никогда прежде я не видела дикое животное настолько близко. Увидев меня, он испугался. Наверное, думал, что я пришла, чтобы причинить ему боль.

Его тело провалилось в какую-то яму, похоже, специально вырытую для того, чтобы такие вот животные попадали в неё. Но потом я заметила веревку, обмотанную вокруг шеи бедного создания. Другой её конец был привязан к ветке дерева.

Оленёнок вполне мог задохнуться.

Я подошла ближе, животное занервничало и начало дёргаться, он мог навредить себе. Я остановилась, давая ему возможность привыкнуть ко мне.

Он смотрел на меня своими большими, перепуганными глазами, потом начал принюхиваться. Мой запах не был ему знаком.

— Тише, — я сделала шаг вперёд, — я не причиню тебе боли, — я уже почти рядом, — всё будет хорошо.

Оленёнок вроде бы успокоился, но я знала, что пока нельзя делать никаких резких движений.

Я обдумывала, как мне лучше его вытащить и хватит ли у меня сил. Верёвку можно было перерезать кристаллом, как я уже убедилась, он вполне мог выполнить роль ножа. Самым опасным было то, что малыш мог испугаться. А страх мог навредить и ему, и мне.

Прошло около получаса, прежде чем я решила сделать ещё несколько шагов. Я была уже рядом с ним, но всё равно недостаточно близко для того, чтобы обрезать веревку.

В глазах оленёнка отразился ужас. Я протянула вперёд руку, чтобы он хоть немного ко мне привык и перестал бояться. Несмотря на свой юный возраст он уже знал, что люди это зло в чистом виде. Его научили бояться, я же хотела показать, что не все двуногие

причиняют боль.

Он сначала хотел отпрянуть, но потом любопытство пересилило страх, и он потянулся ближе к моей руке.

— Умница. Ты хороший ребенок, ты такой красивый, такой хороший, — говорила я тихим голосом. А животное рядом со мной поняло, что я не собираюсь делать ему ничего плохого. Когда он заметно успокоился, я подошла ближе.

Яма была не такой уж и глубокой, оленёнок мог бы самостоятельно выбраться, если бы что-то не удерживало его ноги. Для того, чтобы освободить его, мне самой нужно было спуститься.

Я погладила мордочку малыша, а затем аккуратно перерезала веревку, обмотанную вокруг его шеи. Он занервничал, когда увидел, что я так близко к нему поднесла какой-то незнакомый предмет.

Малыш начал дёргаться, а я испугалась, что он ненароком удушит себя, поэтому поспешила перерезать веревку.

Похоже, свобода тоже сильно пугала его. Не знаю, сколько времени он пробыл в этой ловушке, и как он в ней оказался, но вблизи он казался мне истощённым. Ребра сильно выпирали. Если не освободить его, то он точно умрёт от истощения.

Я аккуратно спустилась в яму. Вокруг ног оленёнка были обвиты корни растения. Я первый раз в жизни видела такое! Оказалось, что перерезать их было не такой уж и простой задачей. Мне пришлось помучиться, прежде чем освободить одну ногу. Дальше дело стало продвигаться намного быстрее. И вскоре оленёнок был свободен. Он попытался выбраться самостоятельно, но силы его были на исходе, поэтому я помогла.

Он выглядел испуганным, когда оказался на свободе и похоже совсем не знал, что ему дальше делать.

Настал мой черёд выбираться, и тогда поняла, что не могу сдвинуться с места, мои ноги обвили те же самые корни. Ловушка отпустила одну жертву, но взамен получила другую, похоже, именно так она и была устроена.

Я перерезала один корень, затем второй, и уже хотела было подняться, как снова оказалась в ловушке.

Если я хотела освободиться, то кто-то должен был прыгнуть ко мне и остаться тут вместо меня.

Прошло уже достаточно времени, но я оставалась на прежнем месте. Я перепробовала множество способов спасения, но не один из них не был действенен.

Оленёнок не уходил, он либо был мне так благодарен, либо просто не знал, куда ему идти. Я больше склонялась ко второму варианту.

— Мы с тобой, кажется, поменялись местами, — мой молчаливый собеседник наострил уши, услышав звук моего голоса.

Послышалось чьё-то пение, я решила, что рассудок сыграл со мной злую шутку.

В тени деревьев мелькнуло небольшое белое пятно, я занервничала, никогда ещё я не была настолько слабой и уязвимой. Моё тело было загнано в ловушку, и я не могла ничего сделать, чтобы избежать опасности. Мне оставалось лишь со странным спокойствием ждать конца, который должен был наступить с минуты на минуту.

Голос приближался ко мне. Туман не позволял разглядеть мне певца, но прислушавшись, я поняла, что возможно певших было несколько.

И тут я увидела существо из сада, именно оно и пело, а за ним летело ещё трое таких же

существ.

Они подлетели ко мне совсем близко и внимательно уставились на меня своими крупными, умными глазами. Теперь я могли рассмотреть этих странных созданий совсем близко. Мне казалось, что они не причинят мне вреда, по край-ней мере, опасными они не выглядели.

Цвет глаз у всех был разный: чёрные, голубые, зелёные и фиолетовые. Не-обычные и глубокие цвета. Цвета надежды и цвета боли.

Они перестали петь. Я посмотрела на оленёнка, казалось, он совсем не бо-ится странных созданий. Значит, он был хорошо с ними знаком.

Тот, что был от меня ближе всех, похоже, считался за главного. Он, что-то сказал своим товарищам на незнакомом мне языке.

А потом они дружно спустились ко мне в яму...

Всего лишь пара магических слов сорвалась с их губ, и корни дерева от-пустили мои ноги. Я поспешила выбраться из западни, боясь, что ловушка снова захлопнется.

— Спасибо, — прошептала я. Я не знала, понимают ли они мой язык, но смотря в их глазах, стало ясно лишь одно: неважно то, что мы говорили на разных языках, эти существа могли читать у меня в душе. И они знали, что я им благо-дарна.

Теперь, когда я снова была на свободе, мне нужно было выбираться. Ма-ленькие феи, так я их окрестила, зависли в воздухе и наблюдали за мной.

— Вы не знаете, как мне выбраться из леса? — их маленькие лица заметно по-грустнели, похоже, феи ждали от меня чего-то другого. Однако самый главный из них махнул мне рукой, как бы говоря "следуй за мной" и полетел в сторону противоположенную той, от которой я шла.

Я последовала за этой группой, надеясь, что они не собираются меня обма-нуть, я полностью доверила им свою жизнь. Олененок по пятам следовал за мной, похоже, он действительно не знал, куда ему идти.

Наше путешествие длилось не так уж и долго, вскоре я заметила знакомый проход. Проблеск света в мёртвом царстве.

— Я благодарю вас! — радостно крикнула я и побежала в сторону дома, в деревню. Рядом со мной был оленёнок, он, казалось, не верил в то, что освобо-дился и выжил. Да и я тоже.

Я не верила в то, что мне удалось выжить. Человеку так повезти не может.

Отступление

Так близко, но всё же невероятно далеко. Она единственное, что могло удержать свет в этом мире. И если бы всё на Земле исчезло, а она осталась, то жизнь не посмела бы угаснуть. Потому что она олицетворяла собой весь мир и всю жизнь.

Злата. Невероятная, добрая, невинная, светлая Злата. Девочка с чистым сердцем и тёмным происхождением. Она была настолько невинной, что рядом с ней он чувствовал себя монстром, который погряз в грехах, который не достоин находиться с таким чистым

существом, как она.

И одно доброе дело не смогло бы искупить всех его преступлений. Тем более за всем тем светом, что, наконец, появился в его душе, повсюду следует не-преодолимое желание. И оно никогда его не отпустит. Теперь это стало самой тёмной частью его души.

И он, уже, почти не мог с нею бороться. Так сладко бывает подчиниться соблазну.

Злата. Злата. Злата. Можно произносить её имя тысячи, миллионы раз, оно никогда не надоест. Это похоже на одержимость. Пугающую, но всё же невероятно притягательную одержимость.

Она никогда не отпустит, никогда.

Ярослав был очень зол. Ему хотелось крушить и уничтожать, сметать все на своём пути, не оставляя никого в живых. Всё из-за его глупости. Всё из-за того, что он любил играть в игры с жертвой. И даже сейчас не мог противиться со-блазну. Хотя Злата намного важнее любой жертвы.

И нужно просто забрать её у людей, пока они не внушили ей ложные идеи и желания. Она не создана для того мира, в котором живёт. Она совсем другое.

Сложно было объяснить это, но Ярославу казалось, что Злата похожа на него.

Он увидел её в сумерках...

Трескотня Оли надоела ему, он не понимал и половины из её слов. Ему хотелось увидеть Злату, сестру, она всегда его понимала лучше него самого.

— Рома, — голос Оли вывел его из размышлений. Девушка щелкнула пальцами у него перед носом, — ты совсем меня не слушаешь.

— Извини, я не видел Злату утром. Ты точно уверена, что она с твоим братом? Просто она ничего не сказала мне, и я волнуюсь.

— Ну, Дима мне так сказал. Господи, она не ребенок! Ей двадцать, Рома, прекрати её так оберегать! — она почти разозлила его, но он вовремя взял себя в руки.

Они встречались всего два дня, но Рома уже хотел сказать Оле, что всё кончено. Он почти произнес желанные слова, слова, которые могли освободить его навсегда, но он не мог этого сделать.

Рома никогда не отличался неуверенностью в принятии решений, но... с Олей всё было иначе. Она была нужна ему.

Оля не была пустышкой, как многие девушки из города, но зато она была самовлюбленной и избалованной любовью собственного брата. Дима ради неё был готов на всё. Между этими двойняшками определенно существовала какая-то связь, и Роме было интересно узнать, в чём она заключалась. Он хотел выяснить побольше об этом месте, чтобы знать от чего ему защищать Злату. Её защита — его единственный долг.

Наверное, он так безумно сильно любил её, что запросто умер, если бы она попросила его об этом. Злата — это всё его детство, он знал лишь то, что должен оберегать её. Он бы последовал за ней в ад.

— Так вот, что за событие растрясло это богом забытое место, — Рома оглянулся назад и увидел девушку. На несколько секунд он потерял дар речи.

У незнакомки были длинные, спадающие ниже колен волосы цвета снега.

Рома был настолько поражён её неземной красотой, что забыл надеть на лицо привычную маску безразличия и дружелюбия одновременно. Он рассматривал лицо девушки, стараясь найти изъяны на её фарфоровой коже, но всё в ней, казалось, было идеальным. Больше всего Рому поразили глаза незнакомки — они были большими и тёмно-

фиолетовыми

— Лина, — она протянула миниатюрную ручку.

— Рома, — он легонько, словно боялся сломать, пожал её.

— Было время, когда руку нужно было целовать. Но видно я опять ошиб-лась эпохой, — она засмеялась и пошла прочь, ничего не сказав на прощание.

Рома смотрел ей в след, его словно заколдовали, он не мог оторвать взгляда от девушки.

— Она сумасшедшая. В прямом смысле, — Оля дотронулась до его плеча, — идём.

Рома кивнул, но его мысли по-прежнему не покидала новая знакомая.

Глава четвертая. Омут

А давай сбежим, и ты расскажешь мне секрет, что связывает нас с то-бой. Узлы между нами становятся всё крепче, хотя мне и не понятна их суть. Но, может быть, ты расскажешь? Потому что я не знаю, что делать дальше. Но если весь мой мир будет уничтожен, я хочу знать правду. Прежде чем окунуться в этот омут.

Я отсутствовала дома около пяти часов. И мне долго пришлось объяснять близким, где я была. Конечно же, я сказала лишь часть правды, прикрыв ложью самую опасную и страшную главу. Ложь, словно красивая скатерть, которой за-крывают уродливый стол. Я не стыдилась собственного вранья.

Я не могла позволить кому-то волноваться обо мне. Ведь это такое беспо-лезное занятие.

Оленёнка определили в старый сарай, там я приготовила ему тёплое и чист-ое место. Мне нужно было придумать ему имя и найти подходящую еду.

Он перестал меня бояться, но к другим людям относился плохо. Они пу-гали его и заставляли нервничать: он метался и издавал жалобные звуки при каж-дом приближении незнакомцев.

Оленёнок остался без дома и семьи. И я чувствовала с ним связь. Словно он был моим родственником или близким другом. Мы оба были одиноки.

Я чувствовала ответственность за него, хотя даже не представляла, как нужно ухаживать за детёнышем дикого животного. Мне предстояло многому на-учиться.

В тот же день у меня случилось видение. Я видела, как мир поглощает огонь. Как умирают тысячи людей. У огня было имя, кто-то направлял его, но я не видела лица чудовища, способного сотворить такое.

Я плакала, когда ведение прекратилось. Моё тело била дрожь. Я понимала, что картина, увиденная мной, не разыгравшееся воображение. Это, скорее всего, произойдёт на самом деле. И тогда никто не спасётся.

Рома сразу же заметил моё состояние, стоило ему только ступить в мою комнату. Иногда мне казалось, что он чувствует меня на расстоянии.

Он не стал ничего говорить, спрашивать. Это всё был бы лишним и ненуж-ным. Он просто подошёл и обнял меня.

Рома гладил меня по голове, и это успокаивало.

Иногда мне хотелось, чтобы он всегда был рядом.

На следующий день я отправилась к подруге моей бабушки — тёте Оксане, у неё были коровы, и по утрам она продавала свежее молоко. Я поспешила: мне нужно было много, чтобы накормить оленёнка и оставить какое-то количество для нас.

Мне пришлось немного подождать во дворе.

Я смотрела, как резвятся маленькие дети, и меня охватила зависть. Я была лишена этого, я не могла просто так играть со своими друзьями (да и друзей у меня, кроме брата не было). Слишком много тайн хранило моё тело, слишком опасным было моё сознание.

А дети — эти беззаботные существа — бегали друг за другом, играя в какую-то

незнакомую мне игру, попутно мучая толстую, чёрную кошку.

Я думала о своём ведение, об огне. Неужели они все погибнут? Неужели не найдётся силы, способной остановить этот кошмар?

— Бери, дорогая, — тетя Оксана вышла из дому, — пусть твоя бабушка сего-дня ко мне зайдёт.

Я поблагодарила женщину и отправилась домой. Мне не хотелось возвра-щаться, поэтому шла я медленно.

Каждый здешний домик был достаточно стар, но при этом ухожен. Разва-лин здесь не было и в помине.

И хотя всё вокруг выглядело довольно мило, мне, по-прежнему, казалось, что мы застряли во времени, потерялись в пространстве.

— Злата! — я обернулась и увидела Эрика.

Первое, что я почувствовала, — страх, второе — волна холоднокровного уп-рямства.

— Ты не пришла вчера, — он подошёл ко мне на пару шагов поближе и за-мер. Его глаза, невероятные, невозможные глаза смотрели на меня с насмешкой. Как он смел так смотреть на меня? Мне хотелось отомстить ему, унижить, но я была... собой. Замкнутой, доброй, тихой девочкой.

— Я знаю, — мне хотелось бросить ему вызов. Заставить понять, что я не безвольная кукла, а сильная личность, способная противостоят ему и любому другому существу из его мира. Но чем больше я старалась, тем больше казалось, что я слишком слаба.

Уйти — это был единственный, разумный выход. Я так и сделала, но Эрик быстро догнал меня и схватил за руку.

Моя попытка вырваться из его стальной хватки не увенчалась успехом. Между нами завязалась безмолвная борьба. И пока было не ясно, кто из нас ока-жется победителем, а кто проигравшим.

Но Эрик никогда не играл по правилам. И я это поняла, когда он нежи-данно резко притянул меня к себе. Его попытка поцеловать меня вызвала лишь раздражение и злость. Я оттолкнула его и вlepила пощечину. Сама от себя такого не ожидала, да и Эрик, похоже, тоже.

Но мои эмоции на мгновение вышли из-под контроля, всё-то безумие, что я так отчаянно скрывала, вылезло наружу.

Он выглядел настолько растерянным, и я невольно усмехнулась. А пока он не успел очухаться, я направила в сторону дома.

Эрик снова нагнал меня, но на этот раз не дотрагивался. Похоже, он усвоил урок.

Я хотела сказать ему, чтобы он шёл своей дорогой, но он заговорил пер-вым:

— Не бойся, я всего лишь тебя провожу. Давай понесу.

Молоко я, разумеется, ему не отдала, такого доверия он ещё не заслужил.

— Знаешь, ты себя слишком сильно льстишь. Ты не такой уж и страшный, чтобы тебя бояться.

— Ты в этом так уверена? Так почему же тогда не пришла вчера?

— У меня были неотложные дела.

— Да ладно, я тоже вчера не пришёл, потому что был уверен в том, что ты отклонишь моё предложение.

Я удивлённо посмотрела на него, желая знать правду он говорит или нет. Но увидела лишь его глаза, которые полностью поглотили мою душу, которые могли погубить меня.

Я подумала о том, как этот парень связан с моими снами, что означало его присутствие в них?

Неожиданно пошёл дождь. Хотя почему неожиданно? На небе целый день гуляли тучи. Его крупные капли падали мне на лицо, заставляя забыть обо всех земных проблемах. Я любила дождь, особенно такой — тёплый и сильный. На ми-нуту я закрыла глаза. А когда открыла их, то увидела, что Эрик, словно заворо-жённый смотрит на меня. В его глазах было столько всего: безумие, жажда, неж-ность, интерес.

Я недоуменно уставилась на него, не зная, что мне дальше делать. Что ска-зать? А нужно ли говорить что-то вообще?

Я боялась того, что скрыто в этом человеке. Я была почти уверена в том, что он мог запросто кого-нибудь убить. Но распространялось ли это на меня? Жаждал ли он моей смерти?

Было что-то такое в Эрике, что-то роковое, неподвластное судьбе, именно это и манило меня. Опасность. Тайна. Понимание.

И тут всё разрушилось.

— Злата! — я повернулась и увидела, что ко мне со всех ног бежала Оля. Как же мне хотелось уйти, проигнорировать её. Но это было не вежливо.

На моём отношении к этой девушке сказывалась ревность к Роме. Я боя-лась лишиться брата, боялась, что в его жизни появиться кто-то, кого он будет любить сильнее, чем меня. Кто-то, кто заставит его покинуть нашу семью.

Она подбежала ко мне вся запыхавшаяся.

— Здесь был Эрик? — мне хотелось сказать ей, что он и сейчас здесь, но обернувшись, я поняла, что парень исчез.

— Да, а что? — я была в смятении. В полном, невероятном смятении. Выхо-дит, что кое-кто тоже не хочет, чтобы нас видели вместе.

— Чего он хотел от тебя? — Оля выглядела настолько высокомерной, что мне захотелось ей нагрубить. Но я сдержала в себе этот порыв. Ну, наполовину.

— Не твоё дело, — это всё что я сказала, прежде чем развернуться и уйти.

Я ещё немного бродила по улицам, наслаждаясь покоем и безопасностью. Возможно, безопасность никогда не была настоящей, но иногда приятно хотя бы на мгновение почувствовать себя защищённой. Можно было подумать о жизни за пределами этого мира, о той жизни, которую я так неожиданно потеряла на не-сколько месяцев. Можно было подумать о невероятном, притягательном парне, у которого секретов больше, чем у меня. И который опаснее, чем все опасности этого мира. А лучше запретить себе о нём думать. Он загадка, которую мне не стоит разгадывать.

Действительно ли Эрик и тот волк в лесу одно и то же существо? Или это всего лишь мои догадки и воображение сделали своё дело? Даже если всё это было правдой, вопросов от этого меньше не становилось. Те волки не похожи на обычных оборотней. Они были чем-то другим. И что пугало меня больше всего в этой жизни — они были очень похожи на меня. Между нами существовала связь иного рода, словно мы были порождениями одного начала и одного конца.

С такими мыслями я подошла к дому. Мне почти удалось открыть калитку, но еле заметное движение в тени деревьев отвлекло меня.

Я увидела человеческую фигуру. Присмотревшись, я поняла, что это был Эрик.

— Ты что, преследуешь меня?! — воскликнула я.

На моих губах заиграла глупая улыбка, словно я была рада видеть его. И пусть он думает, что так оно и есть. Игра, которую я собралась вести, требовала от меня массы усилий. Он должен поверить в то, что я не поняла, кто он.

— Мы вроде, как не договорили, — он тоже улыбнулся мне искренне и радостно. Похоже, не я одна хранила в себе талант к актёрской игре.

— Не надо было так неожиданно исчезать.

— Ты же не хочешь, чтобы на тебя собрали компромат. Так что я защитил твою честь.

— Так ты теперь рыцарь? — я подошла ближе. Теперь можно было разглядеть, что в глазах Эрика плясали смешинки. Должно быть в моих тоже. На какой-то момент, это был всего лишь небольшой миг, но мы являлись зеркальным отражением друг друга.

— Совсем нет. Напротив, я был бы не прочь сделать с тобой много самых разных вещей, которые рыцарю делать не стоит, — он тоже подошёл ближе.

— Хам.

— Но ты флиртуешь со мной. Значит, у меня есть шанс.

— Я... Нет... О чём ты... — пара слов и я полностью смутилась. Сначала не по-настоящему, а потом взаправду. Должно быть, краска нахлынула на моё лицо, когда я осознала, что Эрик прав. — О чём ты хотел поговорить?

Мне нужно было срочно перевести тему. Мы ступили на скользкую и опасную тропу, которая мне совсем не нравилась.

Эрик сразу же стал серьёзным. Он несколько секунд смотрел на меня, а затем произнёс:

— Не ходи больше в лес, — я старательно отводила взгляд. Не хотелось, чтобы он смотрел в мои глаза и видел, как я взволнованна. Но выходило у меня это плохо. Каждый мой жест говорил о сильном волнении.

Меня не удивили слова Эрика, напротив они подтвердили мои догадки.

— И как ты узнал, что я была там? — я подняла голову, и в моих глазах читалась непоколебимая решимость.

— Я думаю, ты и сама это знаешь, по крайней мере, догадываешься, — я кивнула. Можно было не говорить об этом напрямую, но мы оба знали правду.

— О боже! Что с твоей рукой?! — по его правой руке тела кровь. Алая, тёплая, прекрасная кровь текла по его мраморной коже.

— Всего лишь порезался, — он заговорщицки подмигнул мне, словно у нас с ним была общая тайна.

Я вспомнила, как набросились в лесу на белого волка его собратья. Если я права, то тот волк и был Эриком. Остальные раны на нём похоже зажили, но...

— Идём со мной, я перевяжу тебе руку.

— Мне послышалось или только что ты действительно пригласила меня к себе? — он выглядел удивлённым, да и я тоже была поражена своему поступку. Но забирать свои слова назад не собиралась.

— Идём, я два раза приглашать не буду, — парень покорно пошёл за мной.

Знаю, с моей стороны было глупостью звать его домой. Тем более Рома куда-то ушёл. И я оставалась с Эриком один на один, к тому же до сих пор не понимала, опасен ли он. Но это существо спасло меня, а это был весомый довод.

— Снимай куртку, — приказала я.

Он, похоже, хотел снова пошутить в своей манере, но я предупредила его взглядом.

Его рука выглядела ужасно. Я подавила в себе рвотный позыв, увидев та-кое количество крови. Те раны, которые мне приходилось обрабатывать раньше, никогда не были настолько глубокими.

Я аккуратно стирала кровь, стараясь не смотреть парню в глаза. Но Эрик не сводил с меня пристального взгляда. Он будто о чём-то размышлял. Возможно, над моим сегодняшним поступком, а может быть о чем-нибудь ещё. Не то чтобы я хотела знать его мысли, мне просто было интересно.

Время тянулось невероятно долго. Такова уж его особенность: когда чего-то ждёшь, он тянется долго, когда хочешь, чтобы что-то длилось вечно, то время протекает так, что не успеваешь ничего понять. Но оно никогда нам не помогает.

Близость Эрика пугала меня. То, что он не был человеком, приводило меня в ужас.

Пьянящий запах хвои, заполнил кухню. Запах леса и свободы.

Я облегчёно вздохнула, когда перевязка закончилась.

— Благодарю, леди. Может, встретимся завтра? — он с надеждой посмотрел на меня.

— То, что я перевязала тебе руку, не значит, что... — но он не дал мне закон-чить.

— Я знаю, но мы можем встретиться, как друзья. И я отвечу на твои во-просы, — он говорил таким завораживающим голосом, что я не могла не согла-ситься, — успокойся, ты не интересуешь меня ни в качестве жертвы, — он подошёл ближе, и я ощутила его горячее дыхание на своей коже, — ни в качестве девушки, — он провёл пальцем по моей щеке, — у тебя есть то, что мне нужно, Злата. Идём со мной, и я покажу тебе совсем другой мир.

С этими словами он ушёл. Он не стал дожидаться моего ответа, он пони-мал, что если я захочу с ним встретиться, то сама найду его. Эрик давал мне ил-люзию свободы выбора, и я была благодарна ему за это.

К тому же я мечтала узнать хотя бы часть правды.

К черту осторожность. Я должна рискнуть.

В доме никого не было, и я бесцельно шныряла по большим комнатам. Изучала этот удивительный склеп.

Пару раз брала мобильник в руки, набирала номер мамы. Но связи здесь действительно не было. Будто мы провалились в другой мир.

Я зашла в комнату бабушки, хотя знала, что это не вежливо. Но мне было интересно, какова жизнь моих родственников.

Нас ни разу не приглашал зайти сюда. Значило ли это, что там было то, что мы не должны видеть?

Нет, совсем нет. Некоторые люди считают свою спальню чем-то личным, и им неприятно, когда там находятся посторонние.

Но, тем не менее, я, наверное, нарушила тысячу правил этикета и зашла в комнату.

Она была просторной и мрачной. И холодной. Старый комод из красного дерева и большая кровать. Огромной зеркало в посеребрённой раме прислонено к стене. На комодe стояла фотография в рамке. Я подошла ближе. На чёрно-белой фотографии запечатлены две улыбающиеся девушки. Они были немного похожи друг на друга: улыбками, чертами лица. Только одна немного старше другой. И в той, что старше я признала свою бабушку.

Но кто же та вторая девушка? Сестра? Или другая родственница?

Мама никогда не говорила о том, что у бабушки есть (была) сестра.

Я вышла из комнаты с чувством пустоты. Клубок мыслей роился в моей голове, но ни одна из них не могла обрести ясной формы.

— Расскажи мне о нашей семье, — бабушка готовила ужин, а я помогала ей.

Я заметила, как она напряглась, всего на мгновение замерла.

— Что ты хочешь знать? — голос её звучал спокойно. Но моя просьба чем-то напугала её, либо обратила назад, в прошлое, причем не очень приятное.

— Мне интересно узнать, что-нибудь о нашей семье, о моём отце, есть ли у нас ещё родственники? — мама никогда не говорила бабушке, что я приёмная дочь. Однако Рома тоже ничего не знал о своём отце. Мама не любила о нём вспоминать.

— Твой отец... Я не знала его, твоя мать забеременела после того, как сбежала.

— Отчего она сбежала? — я придвинулась ближе, всё внутри меня предвкушало раскрытие очередной семейной тайны, но ответ моей бабушки был достаточно прост.

— От самой себя, от этого места. Она не хотела навсегда застрять в деревни. В месте, где нет никаких перспектив. Ты спрашиваешь про других родственников. У нас их нет. У меня была младшая сестра, но она умерла, очень давно, — я видела, как больно ей это говорить. Как в глазах её появились тени грусти, — впрочем, это было очень давно.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла вымученной.

Ночью мне приснился удивительный сон, так сильно похожий на реальность.

Я проснулась от лёгкого шороха. Я никогда не закрывала окно полностью, и прохлада прокралась в комнату.

В темноте я увидела чью-то фигуру, неожиданно оказавшуюся рядом со мной. Сумрак ночи скрывал от меня лицо незваного гостя.

Я хотела закричать, но незнакомец зажал мне рот ладонью.

— Это я, не бойся, — это совсем меня не успокоило. Напротив, я начала волноваться ещё сильнее. Но потом отчего-то решила, что всё происходящее всего лишь сон.

Эрик понял, что я успокоилась, и убрал руку.

— Что ты здесь делаешь? Это мой сон, — прошептала я, внимательно рассматривая Эрика. Во сне можно себе это позволить. Во сне ничего не страшно.

— И почему же я не могу быть в твоём сне?

— Тебя и так слишком много в реальности. Общество здесь не слишком разнообразно.

Мой ответ позабавил его. Он ухмыльнулся (до чего самодовольна была его ухмылка!) и погладил меня по голове. Я невольно сравнила, как совсем недавно Рома сделал то же самое. Но прикосновения моего брата были направлены на то, чтобы успокоить меня. А прикосновения Эрика на то, чтобы показать его власть.

Он склонился надо мной. Я чувствовала его дыхание на щеке.

— Прости меня, Злата, но я не могу больше ждать, — с этими словами его губы коснулись моей шеи. Острые клыки поцарапали кожу.

Я закрыла глаза в предвкушении чего-то. Силы покидали меня. И, в конце концов, я уснула, ощущая на своём теле его сильные руки. Меня затащило в омут. Но разве можно уснуть во сне?

Отступление

Жажда росла в нём с каждой минутой. Так сильно хотеть крови нельзя. Нельзя так желать. Он сходил с ума, не находил себе места.

В его горло словно лили расплавленное железо. Ему было больно, и хотелось кричать в голос от этого. Никогда прежде он не терял рассудок, но теперь Эрик оказался в опасной близости от черты. Перешагнув эту черту, он уже нигде не сможет вернуться назад.

Он прожил долгую жизнь, но всегда мог контролировать жажду. Конечно, он убивал, много убивал. Но жажда крови почти никогда не побеждала в нём.

Злату убивать нельзя, он знал это. Если верить пророчеству, то она может помочь, Но пророчества всегда туманны. И Злата может оказаться не той единственной спасительницей.

Тем более Ярослав сделает всё, чтобы помешать ей. Ему не нужно спасение, ему нужна она.

Ещё одна одинокая душа, не стремящаяся разрушить проклятие. Потому что он жил с ним всю жизнь, он не знал, что может быть иначе.

Жажда, любовь, кровь, родственные узы...

Как разобраться во всей этой путанице, если нет никакого способа проверить?

Быть может, стоит испить её крови?

Один укус, но можно ли будет остановиться? Как не сойти у ума, вкусив её крови?

И боль. Разве можно причинить Злате боль? Разве можно причинить боль настолько невинному существу? Он не желал этого. Стоило вспомнить, как трогательно она заботилась о нём, несмотря на то, что каждый раз, когда он приближался к Злате, в её душе вспыхивал гнев. Это не то, чувство, что он хотел вызвать в ней, но только оно пока было возможно.

Эрик хотел, чтобы Злата доверяла ему. Бесконечно. Возможно, он хотел её дружбы. Он хотел прикоснуться к тому свету, что таила её душа, чтобы отчасти смыть ту тьму, что всегда присутствовала в нём.

Он хотел поверить в то, что не все люди жестоки, что не все они продажны.

— Как же ты сейчас жалок, — Ярослав всегда любил появляться неожиданно.

— Шёл бы ты отсюда к чёртовой матери, — Эрику вовсе не хотелось воевать со своим вожаком.

— Эрик, ты стал почти что человеком. Снова вспоминаешь, какого это — чувствовать?

— Не твоё дело. Убирайся! — для Ярослава это всего лишь игра. Ему нравилось издеваться над другими. Тем более Эрик помешал его планам.

— Ладно, как скажешь, человек, — в его устах последнее слово прозвучало, как ругательство, — но знай, что Злата всё равно уйдёт со мной.

— Я так не думаю, — Эрик обернулся, ему удалось подавить гнев, — знаешь, чем всё закончится? Злата снимет проклятие, тогда я убью тебя, стая будет моей, а если наша милая спасительница будет жива, то она станет моей рабыней. Как тебе такой исход?

Он видел, как зол был Ярослав. И ожидал нападения, но ничего не произошло. Ярослав просто ушёл.

Конечно, Эрик блефовал насчёт Златы. Ему просто хотелось вывести вожака из себя. Как только всё закончится, он отпустит девушку.

Но сначала испьёт её крови, разрушит связь. Ему не нужны были привязанности.

Его удивила реакция Ярослава, он надеялся своими словами завязать хорошую драку, но ничего не вышло.

Они могли бы вечно пытаться убить друг друга, но никто из них не довёл бы дела до конца.

А вдруг он пошёл к Злате?

Злата...

Он мог бы спрятать её навсегда. И тогда все планы рухнули бы в пропасть. Ярослав мог даже убить её, чтобы навсегда стереть угрозу с лица земли.

Злата. Злата. Злата.

Ему нужно срочно увидеть её, убедиться, что с ней всё в порядке. Хотя разум и говорил Эрику, что это крайне глупо.

Но снова голос рассудка был заглушен странным влечением, которое рождалось в крови. С каждой минутой потребность увидеть Злату возрастала, он больше не мог находиться вдали от неё.

Эрик бросился в ночь. Он никогда не бегал так быстро. Неведомая сила вела его до дома Златы, он почти физически ощущал близость другого существа.

А вот и знакомый дом!

В несколько прыжков Эрик добрался до её комнаты. Ему повезло, что окно не было закрыто.

Злата была одна. Это радовало, потому что будь в комнате с ней ещё кто-то, он бы порвал его на части.

Девушка вполне себе мирно спала.

Эрик подошел ближе, всматриваясь в красивые черты лица. Интересно, ка-кая она? Такая же шлюха, как и все, или всё же чистый ангел? О чем она думает? О чем мечтает?

Нужно было быстрее уходить, но что-то держало его, не давало сдвинуться с места. Он всматривался в её лицо, надеясь увидеть то, что навсегда перечеркнут его жалость к ней.

Девушка чему-то улыбнулась во сне. Это вывело Эрика из оцепенения.

Он уже хотел уйти, когда она проснулась.

Между ними состоялся незначительный диалог. Похоже, девушка думала, что спала. Он не стал её разубеждать в этом.

Его сознание полностью затмили похоть и жажда крови. И он решил удовлетворить хотя бы одно из своих желаний.

Злата закрыла глаза, как раз в тот момент, когда Эрик склонился над ней. Он прошептал что-то, но слова были пустыми, лишёнными смысла.

Он клыками коснулся её нежной кожи. Но в последний момент остано-вился. Голос в голове умолял не перешагивать эту последнюю черту, после кото-рой не будет уже ничего.

Эрик покинул Злату, оставив после себя лишь холод и невысказанное обе-щание.

Глава пятая. Сновидения

Что значат эти сны? И можно ли предотвратить кошмар? Я буду искать ответы на эти вопросы, я сделаю всё, что в моих силах.

Ад на Земле. И это всё, что можно было сказать о происходящем. Люди гибли на глазах. И мои руки были в крови. Я кричала не своим голосом, но никто меня не слышал. Все люди шли на смерть. Их убивала неизвестная мне сила.

Из мрака выступила армия мертвецов. Это были те, кого я боялась всю свою жизнь. Те, чьи голоса звали меня к себе.

Их предводитель прятал лицо под жуткой кожаной маской. Он внушал ужас. Тот леденящий ужас, заставляющий всё внутри замирать в ожидании чего-то чудовищного.

Он крикнул что-то своим солдатам. И они начали резню. Людей, что ещё оставались живыми, рвали на части мёртвые. Они пожирали их внутренности, убивали всех без разбору.

Земля впитывала в себя кровь.

Казалось, что никто меня не замечает, я превратилась в тень. У меня был лишь один удел — наблюдать, как эти твари убивают невинных людей. Я была бессильна, меня сковал страх перед неизбежным.

Даже во сне я не могла никого спасти. Предводитель мёртвых встал передо мной. Мне казалось, что он видит меня. Оценивает, изучает.

Он снял маску. И я с ужасом себя. Другую себя.

Возможно, она просто на меня похожа. В моих глазах не может быть столько жестокости и холодности. Я не могу убивать.

Её руки были по локоть в крови, она смотрела на меня насмешливо, на губах застыла ухмылка.

— Уходи. Ты не я, — прошептала я, — оставь этих людей в покое.

— Ошибаешься. Взгляни на свои руки, — я непонимающе взглянула на своего близнеца, а потом посмотрела на свои руки. Они были перемазаны кровью. Я подавила крик где-то глубоко внутри себя.

Картина тут же изменилась. Я шла по изумрудной дороге в райский сад. Здесь магия заменяла всё, здесь был мир наших фантазий.

В конце дорожки стояло три трона. На центральном, украшенном руби-нами, восседал человек. Волосы его были чёрные как смоль, кожа бледная как у мертвеца. Тонкие синие губы растянулись в улыбке.

Я подошла к мужчине поближе.

— Займи, место подле меня, дочь моя, — я почтительно поклонилась ему и села на трон, украшенный изумрудами.

Только вблизи я заметила, что этот мужчина не человек, за спиной у него были сложены чёрные крылья.

Это существо смотрело на меня своими полностью чёрными глазами, в которых, казалось, не было зрачков.

Мне захотелось убежать прочь: это место не казалось таким уж рай-ским. Цветы

увяли. Вода превратилась в кровь. А изумрудная дорожка, стала чёрной как сама ночь. В небе разразились молнии. Я ощутила, как вершиться древняя магия.

Я побежала, но кто-то схватил меня и поднял в небо.

— Помоги мне, дочь моя! Выпусти из темницы!

Так вот что это такое. Темница. Темница, где заключено само зло. А я дочь зла.

Монстр уносил меня в ночь. Я смотрела на ад с высоты неба. Я видела, как горят дома.

Как армия мертвецов тащит ещё живых людей и кидает в вечное пламя.

Мы подлетали к замку.

Именно здесь вершилось само зло. Тёмная материя защищала всех, кто находился внутри.

Монстр полетел к самой высокой башне в замке.

— Это твой новый дом. Будешь сидеть здесь, пока не одумаешься, — произнёс он.

И монстр отнёс меня в темницу. Он кинул меня на каменный пол. В крошечной тьме нельзя было ничего увидеть.

Я сжалась в комок и тихо заплакала.

Я проснулась в холодном поту. Сон был настолько реальным, что ощущение, будто я в темнице, не проходило. Крики людей бесконечным эхом звучали у меня в голове. Я поморщилась, словно хотела избавиться от ужасных воспоминаний.

Я подавила в себе желание позвать Рому. Сама же сказала ему не приходить, но без него я не справлялась. Раньше я кляла свой сон, но он не менялся, он всегда был со мной. А теперь меня кидало из одного кошмара в другой.

Шея болела. Я встала с кровати и подошла к зеркалу. Вроде бы всё было как обычно. Никаких повреждений, никаких укусов. Значит, приход Эрика ко мне всего лишь сон?

Это порадовало.

На улице светало, и я решила вернуться в постель.

Я убеждала себя, что смогу самостоятельно справиться с кошмарами, расшифровать видения и спасти всех, если это понадобится. Но я ошибалась.

Возможно, лучше вовсе не спать.

Но стоило мне лечь в постель, как сон забрал всё моё мужество и все мои решения. Он не позволил мне сопротивляться, сломав разом все барьеры. И я очутилась в новом сне.

Поляна.

Закат.

Лучи солнца в последний раз касаются мира. Они отражаются в каждой частичке земли, согревая своим теплом. Озаряют собой даже беспроглядную тьму.

Я стояла посередине поляны, прижимая к груди букет полевых цветов. Моё платье было белым и длинным. Хотя и совершенно простым.

"Прямо, как невеста", — промелькнуло в голове.

Я ждала кого-то, чего-то. Этот сон был другим, я не хотела убежать из него, лишь желала остаться здесь навсегда.

— Любишься закатом? — это был Эрик.

У него удивительный голос, запоминающийся раз и навсегда. Как я могу описать его? Как какую-то редкостную пряность? Как ворох мыслей в моей голове и стайку мурашек, бегущих по позвоночнику?

Я не смогу передать тембра и всех интонаций, даже если употреблю все знакомые и незнакомые метафоры.

Я чувствовала его присутствие во сне. Между нами существовала связь, противоестественная и порочная, но манящая.

Я обернулась. Его глаза светились счастьем. Выражение лица не было, как обычно, самодовольным. Оно было... Всё в Эрике говорило об искренности.

— Да, прости.

— Ничего. Чего мы только не говорим, когда злимся, — Эрик одной рукой прижал меня к себе.

А потом его губы коснулись моих. Никто никогда не прикасался так ко мне. И, впервые, мне не хотелось, чтобы сон (или всё же видение?) заканчивался. Меня переполняла бесконечная, ослепляющая нежность. И тепло.

Поцелуй закончился. Эрик прижался своим лбом к моему.

— Но по-прежнему считаю, что Серафиму нужно изгнать, — моё дыхание сбилось.

— Мы обсудим с тобой это позже, — сказал он.

Я выскользнула из его рук и отошла в сторону.

На самом деле я снова оказалась в ловушке. Я, настоящая я, не могла ни-чего сказать. Я была в своём теле, я видела происходящее своими глазами, но говорила, совершала движения моя другая версия.

Эрик приобнял меня, и я удивилась, когда моё тело прильнуло к нему.

Я закрыла глаза.

— Я уже не верю в то, что жизнь станет полностью нормальной.

— Всё будет, Злата. Нужно только подождать.

Мой сон растаял. Я посмотрела на часы. Полдень. Много же я проспала.

Дверь открылась, и в мою комнату ввалился Рома. Как раз вовремя.

— Ты, наконец, проснулась, — в его голосе послышалось облегчение.

— Не так уж много я и проспала.

— Ты хоть знаешь, что ты проспала два дня, — брат присел на край моей кровати, — мы так беспокоились. К тебе даже приходил врач, но ничего путного он не сказал. Я пытался убедить всех, что тебя необходимо вести в город. Но меня никто не слушал. Все только переглядываются и шепчутся у меня за спиной. Тебе повезло, что ты пришла в себя. А то я уже изобрёл жутко глупый и коварный план по твоему спасению и отправки тебя в город

— Прости меня. От меня вечно одни проблемы, — я всхлипнула, прижалась к нему.

— Ну что ты, — брат крепко обнял меня, — тебе не за что извиняться. Ну ладно, — он аккуратно приподнял мой подборок и большим пальцем стер слёзы, — тебе надо поесть, — а потом он поцеловал меня в лоб долгим поцелуем, — ты же знаешь, что я пойду ради тебя на всё.

Отступление

Нет ничего прекраснее моря перед штормом. Тёмно-синие волны с рёвом разбивались о скалы. Эрик всегда любил наблюдать за страшным природным явлением, но сегодня его внимание привлекла девушка, стоящая на краю пропасти. Её рыжие волосы развивал ветер.

Она бесстрашно смотрела вниз. Падение было неизбежным.

Но Эрик не мог допустить её смерти. Сколько себя помнил, в этом сне он спасал незнакомку. Он должен был спасти незнакомку.

В один миг Эрик преодолел расстояние, разделявшее их. Он успел схватить девушку во время. Она была такой лёгкой!

Во всех снах, что были до этого, ему не удавалось рассмотреть её лица, но...

Но сегодня Эрик увидел, что сжимает в руках Злату. Такую маленькую и беззащитную.

Картина начала меняться. Теперь Эрик и Злата оказались в лесу.

Но это был не тот лес, который знал Эрик. Этот лес был мрачным. Омерзительные ветки, непокрытые листьями, тянулись к ним. Они пытались утащить Злату. Одна толстая ветка схватила за ногу бедную девушку. Но Эрик успел во время.

Природа восстала против них, против Златы.

Это был совершенно другой мир. Мир тьмы. Здесь уже давно не росли цветы. Хотя нет, здесь были кустарники, отдалёно напоминающие розы. Но до-тронешься до них, они моментально отравят тебя ядом.

Злата прижалась к Эрику. Но он не мог её спасти. Казалось, сама природа хотел убить девушку.

Никогда ещё Эрик не чувствовал себя таким беспомощным.

Тень призрачной луны повисла над лесом. Одинокая тень среди неба.

Эрик услышал рык. А вскоре появилось и существо. Глаза его были красными, а иссиня чёрная шерсть свисала клоками с мускулистого тела. Он не был похож ни на волка, ни на какое-либо другое существо.

— Приклонись передо мной, — Эрик не мог противиться приказу. Он поклонился, хотя всё его существо содрогалось от омерзения.

— Кто ты? — прошептала Злата. Её голос дрожал, Эрик слышал, как бы-стрел колотится её сердце. Но почему он так беспомощен? Почему не может спасти девушку?

— Я твой отец. Идём со мной дитя моё, — зверь протянул Злате когтистую лапу. Девушка робко коснулась её.

Ангел и смерть. Вот как они выглядели вместе.

На огненно-рыжие волосы Златы упал лунный свет, и всё вокруг озарило свечение жизни.

Девушка в последний раз взглянул на Эрика. Её лицо омрачила грустная улыбка, а на глазах выступили слёзы.

— Помоги мне! — взмолилась Злата.

Но Эрик ничего не мог сделать. Его тело сковала невидимая цепь. Наверняка это сделал монстр! Дабы Эрик не смог спасти Злату.

Чудовище гадко улыбнулось. Когтистыми лапами он обхватил талию Златы.

Эрик почувствовал, что цепь, сдерживающая его, исчезла. Он хотел освободить девушку, но монстр расправил свои крылья. Эрик отступил на шаг назад.

— Прощай, — прошептала Злата. Её лицо было мокрое от слёз.

— Нет!

Эрик бросился к ним, но было уже поздно. Монстр уносил Злату в ночь.

— Нет! — сон кончился, но Эрику всё равно казалось, что Злату забрали, а ему так и не удалось её спасти.

Ещё минут пять он убеждал себя, что это всего лишь сон...

Ярослав в очередной раз расправлялся со своей добычей. Но охота больше не приносила ему радости.

А всё из-за того, что ему не удалось обратить Злату, да и Эрик ушёл из стаи. Всё это могло плохо сказаться в будущем.

А ещё эти странные предчувствия. Ему всё время казалось, что что-то очень злое пробуждается ото сна.

— Ярослав, — он и не заметил, как к нему подошёл Алексей. Хотя тот всегда был излишне тихим, возможно, так сказывалось на его поведении тяжелое дет-ство. Но на него всегда можно было положиться.

Алексей был по-своему привязан к Ярославу и исполнял любые его поручения.

Вожак обернулся. Он внимательно посмотрел на своего помощника и от него не ускользнули тень беспокойства и учащенное дыхание.

— Что случилось?

— Я нашел тело человека.

Ярослав ждал продолжения, убийства здесь были не редкостью, к тому же, больше половины совершала как раз стая.

— Никто из наших там не охотится. И никто так не издевается над телом жертвы.

Серые глаза Алексея отливали серебром во тьме, и в них Ярослав уловил страх. Такое странное и непривычное чувство для тех, кто живет вечность.

— Словно кто-то совершил тёмный ритуал. Я не знаю, что происходит. Но то, что грядёт, не сулит ничего хорошего. Ни нам, ни людям.

А в это время тень прислушивалась, внимала каждому слову. Важным было увести их со своего следа, важным было показать, что все в безопасности. А потом, когда все забудут, можно будет нанести удар. Отомстить и вернуть себе былое величие.

Глава шестая. Рассвет

Разве ты не видишь, как мы с тобой похожи? Эта связь удивительна и ужасна. Я вижу в твоих глазах все грехи, что ты совершил. Несмотря на всё это я прощаю. Жаль, что сам ты застрял в прошлом и из-за этого ты лишь тень себя прежнего.

Целых два дня мне запрещали выходить из дому. Боялись, что мой недуг опасен. Ведь если человек спит целый день, не просыпаясь, значит с ним что-то не так. Хотя, ко мне вряд ли можно применить это правило: сон часто уносит меня в свой мир после долгих видений. По-настоящему я никогда не болела, кроме того раза. Одного раза, когда моя жизнь перевернулась... Но об этом мне больно вспоминать.

Если ведения длились слишком долго, я теряла свои силы.

Ко мне приходил местный врач. Он вынес свой вердикт — девочка совершенно здорова. Просто упадок сил, но дом мне пока лучше не покидать.

Все эти долгие дни я развлекала себя тремя вещами: во-первых, я рассматривала кристалл, во-вторых, заботилась об оленёнке, и, в конце концов, думала о своих снах-видениях.

Эти сны никак не могли оказаться будущим. Лучше, просто выкинуть их из головы, но я не могла этого сделать. В моей памяти то и дело всплывали отдельные моменты. Но самым ярким был тот, где я убивала людей. Это просто дурацкий сон, он ничего не значит, убеждала я себя. Но как оказалось напрасно.

Иногда моя жизнь казалась одним длинным сном.

Рома не покидал меня все те дни. Он выглядел испуганным, но не задавал вопросов. А я не пыталась его успокоить, сказав, что со мной всё хорошо. Потому что это не было правдой. И доказательством этого был беспробудный сон.

Я почти не обращала внимания на своего брата, размышляя о том, что мне дальше делать. А он вёл себя как обычно, и я окончательно успокоилась, списав все те странности в его поведении на собственное больное воображение.

Я была поглощена собой и видениями. Казалось, что в жизни меня беспокоит только будущее, а настоящее осталось за бортом. Я не замечала очевидного, пряталась в собственном мире, где всему земному не находилось места.

Одна вещь огорчала меня: я давно не разговаривала с собственной матерью, мы с братом были полностью отрезаны от внешнего мира.

Дима, Оля и Аня приходили ко мне, пока я спала. Они звали нас с братом купаться на озеро, но поскольку я была немного не в форме, нашу вылазку перенесли.

Когда я покинула дом, то ощутила свободу. Было что-то в этих древних стенах, напоминающее о кошмаре, смерти, холоде. Я чувствовала, как мельчайшие крупички истории смешиваются с реальностью, дабы повториться в будущем. Дома хранят в себе намного больше, чем показывают.

Когда мы вышли за ворота, я ощутила тревогу.

Было жутковато возвращаться в лес. Конечно же, не в ту часть, где побывала я, по дороге мы встречали и других людей, и животных. Но что-то внушало мне тревогу, а я

доверяла собственным чувствам.

— Это не далёко, — сказал Дима. Он был нашим проводником: уверенно шёл вперёд, пока мы плелись позади.

Впервые в жизни я не чувствовала никакой магии. Это было приятно и ужасно одновременно. Приятное заключалось в том, что я могла расслабиться. Но, а ужасным было то, что я и магия были неразделимы. И я не была уверена в том, сколько ещё продержусь.

До озера действительно было не далёко: всего каких-то двадцать минут пешком.

Мы вышли из леса, и моим глазам предстал удивительный пейзаж. Именно такие места любят изображать художники в своих картинах. Настоящая, дикая природа, где люди не успели отметить своего присутствия.

— Мы могли бы остаться здесь на ночь. Палатки у нас есть, а взрослых я предупредил, — произнёс Дима.

— Нет, я не могу, мне нужно кормить олененка...

— Бабушка это сделает, она нашла с ним общий язык... — Рома внимательно посмотрел на меня. — Можем ли мы хоть раз в жизни нормально отдохнуть с друзьями?

Он винил меня в чём-то. На самом деле я всю жизнь где-то глубоко в душе ждала момента, когда меня обвинят в том, что я испортила им жизнь. Я сожалела, но не могла иначе. Слабая и эгоистичная, цепляющаяся за своих родственников, за ведения и магию.

Я была согласна с обвинением. Из-за меня Рома часто прогуливал школу, из-за меня не мог долго гулять с друзьями (вдруг с его сумасшедшей сестрой что-то случится?).

Рома в упор смотрел на меня, и во взгляде мелькнула враждебность. Я должна была уступить.

За одну ночь ничего страшного не произойдёт, а если я почувствую приближение видения, то попытаюсь уйти в безопасное место.

Пока мальчишки ставили палатки, мы с Олей и с Аней готовили еду.

Мне везло: даже с Олей мы не устраивали перебранку, а очень даже мило общались. У нас был шанс стать подругами, и я не хотела его упускать.

Ребята пошли купаться, а я осталась на берегу читать книгу. Но слова про-ходили мимо меня, я не могла сосредоточиться и вникнуть в суть истории.

Я не хотела читать. Голову заполнили ненужные мысли и мешали отды-хаться. Я закрыла глаза в надежде освободиться от всего плохого и стать свободной.

Только как я могла быть свободной, будучи человеком?

Парить в небе птицей. Почувствовать на коже ветер. Разве нужно что-то большое?

Кто-то дотронулся до моей ключицы. Я распахнула глаза и откинула от себя руку незнакомца. Я взглянула на того, кто вальяжно расселся рядом со мной. Незваного гостя нисколько не смущало отсутствие приглашения.

— Ты? — Эрик приподнял бровь. В его глазах горело веселье.

И потом, чтобы показать храбрый:

— Я уж испугалась, — мне следовало бояться его. Эрик мог причинить вред, мог убить. То, что он спас мою жизнь, не значило ничего.

— Ты очень нервная, тебе нужно немного расслабиться.

Его глаза были неестественно яркими. Они гипнотизировали, подчиняли, завораживали. Я начинала их ненавидеть.

— Дима сказал, что ваша компания тут не бывает. Так что тебе нужно?

— Ну, во-первых, я иногда здесь бываю, во-вторых, я искал тебя, в-третьих, мы вроде

как друзья, — привёл он последний довод. Я нахмурилась.

Мне хотелось сказать ему, что дружбы между нами не было и быть не может.

— И зачем же ты искал меня?

— Во-первых, я хотел тебя увидеть, во-вторых, наша встреча отменилась, и я пришёл назначить новую.

— Ммм, — только и сумела произнести я.

Он пальцами коснулся моей шеи, очертил линию сонной артерии. Я не отстранилась, не закричала, лишь наслаждалась странными ощущениями. Они рождались внутри меня и создавали мир, полный запахов, вкусов, желаний, прикосновений.

Эрик склонился надо мной, и я в полной мере ощутила его близость.

Наши дыхания смешались, и я пьянела от незнакомых прежде чувств. Я желала коснуться Эрика: его кожи, волос, губ. Но остатки здравого смысла не позволяли мне этого сделать. По всем законам логики я должна была бы оттолкнуть его, а ещё лучше накричать, но вся моя строптивость испарилась.

Мою волю отобрали, меня сломили. Мелькнула мысль, что Эрик сделал со мной что-то. Но вот что именно?

Между нашими лицами осталось расстояние в несколько миллиметров. Я закрыла глаза, предвкушая прикосновение.

— Так-то лучше, — прошептал Эрик. И его шёпот прокрался мне глубоко под кожу.

И спустя мгновение я поняла, что Эрик отстранился. К злости примешалось разочарование. Я распахнула глаза.

Мои щеки залила предательская краска, стоило только вспомнить о своих желаниях. Я бросила на Эрика презрительный взгляд и поднялась на ноги.

Всё прошло: я могла говорить, язвить, кричать. Эрик не был властен над моими мыслями. Я должна была разрешить эту загадку, пока не стало слишком поздно.

— Думаю, нам лучше сразу же всё уяснить, — я посмотрела на Эрика, — если тебе, что-то нужно от меня, то говори сразу. Твои игры бесполезны и совсем меня не впечатляют. Ты только тратишь моё и своё время.

— Не мне беспокоиться о времени, — он ухмыльнулся и весело взглянул на меня, — а что хочешь, чтобы я играл по-другому? Только тебе это вряд ли понравится, — на его лице появилось почти мечтательное выражение.

Неожиданно его пальцы крепко обхватили моё запястье. Одно молниеносное движение, я даже не заметила его. Не мне тягаться с нечистью.

— Ты такая хрупкая, Злата, от того играть с тобой в двойне интереснее...

— Что здесь происходит? — никогда прежде я не была настолько сильно рада видеть Диму.

Однако появление нового лица не заставило Эрика отпустить меня. Ему нравилось видеть злость и ненависть других, мне казалось, что этими чувствами он компенсировал недостаток доброты, любви, нежности. Где-то глубоко внутри Эрика по-прежнему жил человек, стремившийся к чему-то большому. А потом этот человек неожиданно лишился всего, и все прежние стремления обратились в ненависть. Чужая боль, чужое унижение стали доставлять радость.

Я понимала и не понимала этого, чувствовала жалость и презрение одновременно.

— Я думал вы тут не оживаетесь, — в голосе Димы сквозила ненависть. Он всегда держал свои чувства под контролем, но броня лопнула. И то, что копилось годами, вылезло

наружу.

Но Эрик ни как на это не отреагировал. Его голос по-прежнему был спо-коен, и глаза ничего не выражали:

— Чего не сделаешь, ради тебя, Злата, — он подмигнул мне, а затем под-нялся на ноги и как бы невзначай коснулся моей спины. Я дёрнулась в сторону в попытке избежать прикосновения.

— Убери от неё свои грязные лапы!

Казалось, ещё немного и Дима бросится на Эрика. Этого я допустить не могла. Я не могла допустить гибели моего друга от руки нечисти.

— Прекратите это! — я встала между Димой и Эриком.

Если бы Эрик решил напасть, то я не стала бы серьёзной помехой. Но он не нападал, он вёл себя совсем как человек. В нём не было хищности, что присутст-вует в вампирах, и дикости, что бывает у оборотней. Он был другим. Его присут-ствие не влияло на мой щит. Если бы не тот случай в саду, то я бы никогда не уз-нала, кто Эрик на самом деле.

Он снился мне, мы должны были встретиться. Но вот для чего? Для чего я видела его глаза в своих снах? Для чего я становилась им?

— Дима, мы с Эриком просто разговариваем. Мы друзья... — смех парня прервал меня.

— Друзья? У него нет друзей. Он использует тебя! — Дима перестал сме-яться. — Лучше держись от него подальше, Злата, а то потом тебе уже ничто не поможет...

— Хватит! — Эрик отодвинул меня в сторону. — Ты говоришь вещи, которые тебе нельзя говорить. Или мне нужно сказать старейшинам, что ты нарушаешь закон, смеешь перечить мне, смеешь перечить нам.

Дима сразу же сник, лишь в его глазах горел вызов. Эрику не нужно было применять силу, чтобы усмирить кого-то. Ему просто нужно было напомнить чу-жое место.

— Я уйду, но только сегодня, — он снова переключил своё внимание на меня, — до скорой встречи, Златослава.

Эрик ушёл, а мы с Димой остались один на один. Я была зла. Ведь Дима наверняка знал о сущности Эрика и так нагло провоцировал его, словно ему жить надоело.

Если бы Эрик вышел из себя, то мы все могли пострадать. Рома... Его ги-бели я допустить не могла.

— Какая муха тебя укусила! Ты что ненормальный?!

— Он опасен, пойми ты это, наконец!

— И чем он опасен? Может, объяснишь уже, наконец?! — и вот я задала глав-ный вопрос. Вопрос, который меня мучил долгие дни.

— Я не могу тебе сказать. Но ему нельзя верить. Я беспокоюсь о тебе, пойми, — он протянул ко мне руку, но я отступила на шаг назад. Я всегда избегала чужих прикосновений. И в это раз сработали мои инстинкты. Мне показалось, что Дима обиделся.

Я хотела одиночества. Мне нужно было о многом подумать.

— Я могу сама за себя постоять, если что. И Эрик спас мне жизнь. И я бла-годарна ему, — я сама не ожидала, что скажу ему об этом.

— Что он сделал?

— Спас меня. Больше я ничего не могу тебе сказать, — я скопировала тон Димы.

— Надо собрать сухих веток в лесу, — Рома подбежал к нам. Я облегчёно вздохнула. Не хотелось оставаться с Димой наедине.

— Я этим займусь, — я не стала дожидаться чьего-либо разрешения и напра-вилась в

лес.

— Подожди, кто-нибудь пойдёт с тобой! — крикнул мне брат вслед.

— Я и сама справлюсь.

Мне вовсе не хотелось срывать зло на брате, но так уж получилось.

Рома вёл себя иногда так, словно я была инвалидом. Это избаловало меня, он всегда брал на себя всю работу.

Наконец-то я смогла насладиться одиночеством и свободой. Только крыльев мне не хватало, чтобы взмыть в небо. И никогда... никогда больше не возвращаться на землю.

Я медленно шла по лесу. Мне не было страшно находиться одной. Я могла без труда найти дорогу назад. Тем более далеко заходить я не стала. В памяти был свеж недавний опыт.

Многие вещи, что происходят со мной в последнее время, связаны с Эри-ком. Возможно, он и есть источник моих проблем. Но только он может дать мне ответы на мои вопросы.

Казалось, я забыла, зачем пришла. Но, опомнившись, стала собирать ветки.

Солнце пробиралось сквозь густые кроны деревьев. Оно играло со мной, заставляло щурить глаза. Я наслаждалась этими мгновениями. Мгновениями моей жизни, настоящей жизни. Мне было приятно становиться частью природы. Я чувствовала связь между собой и миром другим, пока неведомым мне.

Я никогда не любила города: скопление людей и мусора, обид и негодований, похоти и ненависти. Одна большая помойка, где правят люди. В лесу же царят другие законы. Здесь нет места злу. И это был мой мир. Место, где бы я могла существовать вечно.

Я собрала нужное количество веток, но возвращаться всё равно не хотела. Я вдыхала воздух полной грудью. Такого воздуха, как в лесу, не бывает нигде. И нужно было наслаждаться, пока у меня была возможность.

Мы весело проводили время. С Димой я старалась не разговаривать, хотя Рома всячески старался свести нас. Я избегала такой возможности.

Мне казалось странным, что мой брат так отчаянно пытается подружить меня с кем-то. Обычно ему доставляло удовольствие то, что он мой единственный друг. Но что-то изменилось. У него словно был план, который вряд ли бы мне понравился.

Этот день предоставил мне отличную возможность подружиться с Олей. Она уже не казалась мне такой стервой, как раньше. Странно, что я совсем не ревновала Рому. Всё прошло так быстро, толком не успев начаться.

День клонился к вечеру. Я смотрела на заходящее солнце. Небо окрасилось в свой цвет: смесь оранжевого и красного. У заката всегда были особенные краски. Время, когда солнце в последний раз касается земли своими лучами, прежде чем уступить свой трон красавице луне.

Мы разожгли костёр и рассказывали друг другу истории. И нашим единственным слушателем было звёздное небо.

Мы легли спать далеко за полночь.

Они снова зовут меня. Я чувствую запах смерти. Он повсюду. Мне некуда бежать. Они идут за мной. Я чувствую, что они близки к моему миру, но я не могу бежать. Это зло должно быть уничтожено, несмотря ни на что. Оно не должно прорваться в мой мир. Я не могу этого допустить.

Я бегу вперёд. Ветки деревьев тянутся ко мне. Они кажутся живыми. Они хотят

схватить меня: царапают мою кожу, не дают пройти вперёд.

Кто-то играет со мной. Кто-то испытывает меня. Я больше не могу сопротивляться. Я падаю на землю и закрываю глаза.

Слышу плеск воды. Это так знакомо. Ветер ласкает моё лицо. Преодоле-вая слабость, встаю на ноги. С закрытыми глазами подхожу к тому месту, от-куда доносится всплеск.

— Злата! Проснись! — чьи-то крепкие руки держат меня за плечи, но я ни-чего не вижу, я не в силах открыть глаз.

Но этот голос требует, чтобы я проснулась. И я повинуюсь.

Первое что я увидела это синие глаза Эрика. В ночи они излучали свет. Значит, голос, звавший меня, принадлежал ему. Но самое важное заключалась в том, что находилась я не в палатке. Я стояла на утесе, а он находился достаточно далеко от нашего пристанища.

— А я и не знал, что ты лунатик, — Эрик первый нарушил тишину. В его взгляде я уловила тень беспокойства. А может, мне просто показалось.

— Я не лунатик, — пробормотала я. Мой голос утратил былую уверенность.

— А как ты тогда объяснишь то, что прошла от вашей палатки полкило-метра с закрытыми глазами. И если бы я не поспел во время, то ты бы упала с утёса.

— Спасибо, — я постепенно приходила в себя.

— Не за что, — он, по-прежнему, держал меня за плечи.

— Может, ты меня всё-таки отпустишь, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, — со мной уже всё в порядке.

Я не понимала причину его отношения ко мне. С чего эта забота? Я ему никто.

— Что? — Эрик не расслышал моей просьбы, но его взгляд упал на свои руки, сжимающие мои плечи. И он отпустил меня. — Прости.

Он выглядел юным и безобидным, и если бы я не знала, каким он может быть, я бы была им немного очарована.

Интересно кто-нибудь заметил, что я ушла? Хотя это вряд ли. Аня и Оля спали как убитые, а я ещё и лежала ближе всех к выходу. Я не думала, что хоть кто-то будет меня искать до утра.

Плечи по-прежнему горели от того, как Эрик вцепился в них. Если бы не это, то я вряд ли бы проснулась. А ещё голос. Неужели я так сильно боялась Эрика, что его голос мог привести меня в чувства?

Но я готова поклясться, что тогда в лесу я не чувствовала страха. Если бы он хотел убить меня... У него было столько возможностей, а он наоборот спасал. Он не хотел моей смерти.

Значит, ему что-то от меня нужно? Но почему он тогда не говорит прямо? Связь, образовавшаяся между нами, должно быть дала ему понять, что я знаю часть правды о нём, и играть в игры со мной бесполезно.

— Ты же вроде обещал Диме уйти? — не то, чтобы меня это очень волно-вало, но было интересно, что он ответит.

— Не помню, что бы давал такого обещания.

— Эрик, я одного не понимаю, что за игру ты ведёшь? Иногда мне кажется, что ты меня будто бы знаешь. И всё это забавляет тебя...

— Не думай, что я тебя не знаю. Я понимаю тебя намного лучше, чем кто-либо, — он уводил разговор в другую сторону. Мне было интересно, встречались ли мы до этого в жизни, а не его познание обо мне, как о личности.

Эрик провёл пальцем по моим губам. Затем подошёл ко мне ближе. Он об-хватил

ладонью мою шею. Мне показалось, что ещё немного, и он меня удушит. Но нет, он просто смотрел мне в глаза. Второй рукой гладил мои волосы.

— И почему же ты понимаешь меня больше, чем другие? — мои мысли разбредались в разные стороны. И я не могла собраться. Лучше бы он перестал дотрагиваться до меня так, как никто другой никогда ко мне не прикасался.

Никто, кроме Ромы. Но его прикосновения никогда не сводили меня с ума.

— На этот вопрос я затрудняюсь ответить.

Эти прикосновения казались неправильными, будто они могли разрушить щит, отделяющий меня от внешнего мира. Я не могла стать уязвимой. Но столько соблазна, когда рядом со мной Эрик, — стать слабой. Почувствовать себя нужной и защищенной. Жаль, что эти чувства не вечны. Жаль, что потом может прийти разочарование.

Но его глаза лишили меня возможности думать, я не могла пошевелить и пальцем.

Этот парень завораживал меня. Он был опасным, он был хищником, а я потенциальной добычей. Но это беспокоило меня меньше всего. Незначительная вещь, определённно.

Эрик отпустил меня и отошёл в сторону, а я ощутила странную пустоту.

Я боялась того, что не могла отвести глаз от него. Он пробудил во мне любопытство, и оно вытеснило страх.

Эрик посмотрел на звёздное небо.

— Зачем ты делаешь это? — я пыталась собраться. Пыталась избавиться от чар, которыми он околдовал меня. Но это было всё равно, что пытаться свернуть гору голыми руками. Бесполезно.

— Делаю, что? — его голос стал ещё более притягательным. Он искушал меня. И это было так соблазнительно, поддаться искушению. Меня так и тянуло забыть о том, кто такой Эрик. Пустить свою жизнь на самотёк. Но я понимала, что никогда не сделаю этого

— Ты пытаешься меня соблазнить, а это дохлый номер.

Парень бросил на меня пронизательный взгляд.

Он явно обдумывал свой ответ. А когда, наконец, слова полились из его рта, я почувствовала холод.

— Знаешь, я бы не советовал тебе говорить таких слов. Мы здесь совершенно одни, и я могу сделать с тобой всё, что мне вздумается, — он неожиданно оказался слишком близко, я ощутила опасность, исходившую от него.

— Я думаю, что ты давно мог бы причинить мне самый настоящий вред. Если ты такой крутой и бесстрашный, то почему медлишь? Быть может, потому что в тебе больше человеческого, чем тебе хочется признать? Или быть может, потому, что тебе что-то от меня нужно? — я явно перегибала палку. Глаза Эрика горели мрачным огнем, когда его пальцы сомкнулись на моей шее

— И что теперь думаешь? Я могу изнасиловать тебя, а потом убить. И никто мне ничего не сделает, твоего исчезновения, даже никто, кроме твоего брата, не заметит...

Тогда я испугалась. Он говорил так... В общем, я сразу же поняла, что он был способен убить меня.

Чудовище. В них нет ничего человеческого. Всё, что я могла принять за каплю доброты в нём, было ложью.

Эрик отпустил меня. Я с жадностью хватал ртом воздух, никак не веря в то, что осталась жива.

— Ты разочарована во мне, Злата?

— Как я могу разочароваться в тебе, если ничего от тебя не ожидала?

— Тебе повезло, что я ещё не потерял рассудок. Я не причиню тебе вреда, сегодня, так что расслабься.

Его слова не успокоили меня. Я еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Но мысль о том, что кто-то увидит мою слабость, привела меня в чувство.

— Искупаемся? — меня показалось, что его голос дрогнул. Хотя, если он и сожалел о случившемся, то всячески скрывал это. Извинений мне было не дожидаться.

Его предложение застало меня врасплох. На самом деле мне очень хотелось окунуться в воду, почувствовать её власть над собой. Плавание всегда успокаивало меня.

Но одно присутствие Эрика теперь пугало. В голове промелькнула мысль: а уж не собирается ли он утопить меня в озере?

— Ты серьёзно? — как же я надеялась, что он пошутил.

— А почему бы и нет? — он вопросительно поднял бровь.

— Знаешь, я одета как-то не для купания, — парень окинул взглядом мою одежду. Мне стало не по себе от того, как пристально он меня рассматривает, будто оценивает. Я вся съёжилась, и отчего-то почувствовала себя полностью голой.

Прекрати тарашиться на меня, иначе опять стукну.

Даже поразительно, откуда в моей голове берутся иногда такие мысли.

— Сойдёт, — сказал парень. Не знаю только, что он имел в виду: мою одежду или меня саму.

— Но знаешь, как-то это всё странно, — заключила я.

— Что? — моя фраза озадачила его, а я подавила смешок. И этот человек утверждал, что понимает меня лучше, чем другие?

— Ты угрожал мне всего лишь несколько минут назад, — рассудок всё же иногда подавал свой голос.

— Так возвращайся в безопасное гнёздышко, я тебя не держу, — он выжидающе посмотрел на меня.

И правда, что меня здесь держит? Он ведь действительно не пытается меня остановить. Нужно уходить. Не делай глупостей, Злата.

- Я согласна. Почему бы и не искупаться?

Лицо Эрика озарила улыбка, он словно выиграл спор с кем-то. Хотя мне кажется, он знал, что я соглашусь. Каким-то чудесным образом он предугадывал все мои действия.

Это пугало...

И одновременно притягивало.

Эрик начал раздеваться, а я отчего-то смутилась. Возможно, я недооценила влияния его внешности на меня. Но именно тогда я поняла, какую власть она имеет надо мной. Эрик был слишком привлекателен, и это смущало.

Я спустилась с утёса, затем стянула с себя футболку брата, в которой спала, и, оставшись в одном темном нижнем белье, стала подходить к озеру, пока всякие глупые мысли окончательно не затуманили мою голову.

Лунный свет озарял всё в округ, и из-за него озеро приобрело мистический облик.

Вода была прохладной, но я, смущаясь взгляда Эрика, быстро запрыгнула в озеро. Только когда всё моё тело было спрятано, я вновь почувствовала себя одеждой.

Холод унёс усталость и страх. Знакомая лёгкость заполнила тело.

У меня осталось только одно желание — плыть вперёд. Я нырнула. Надо было

подождать, пока тело привыкнет к температуре, но я не могла сдерживать себя. Моё тело знало, что делать. Каждое движение в воде давалось мне с лёгкостью. Я скользила. Вода подхватывала меня, помогала плыть, и я была счастлива.

Я вынырнула — хотелось посмотреть, где же Эрик.

Он быстро нагнал меня. Плавал он превосходно. А в прочем чему удивляться? Он не был человеком и обладал невероятной силой.

Но Эрик не хотел меня обгонять, он плыл рядом со мной. Мы словно были единым механизмом: плыли одинаково, копировали движения друг друга. Но делали это не специально. По крайней мере, я.

Мы с Эриком были слишком похожи. И даже разница между нашими мирами не делала нас врагами.

Мы заплыли достаточно далеко, но я не хотела возвращаться и Эрик тоже.

Вода успокаивала меня, придавала сил. Я не чувствовала усталости, я была свободна.

Доплыв до середины озера, я снова с головой ушла под воду. Эрик сделал то же самое.

Мне хотелось всё изучить, но мои глаза были плохо приспособлены к темноте. Для меня всё казалось тёмной массой. Повезло же Эрику с его прекрасным зрением. Я впервые позавидовала немертвому, и тут же отругала себя за это.

Мне нужен был воздух, легкие сдавило, и я поняла, что больше не могу находиться под водой. Поэтому мне пришлось покинуть свой приют.

— Плывём обратно? — Эрик вынырнул у меня за спиной. Его голос раздался неожиданно близко, я вздрогнула.

— Нет, я хочу ещё плавать, — заупрямилась я, и поплыла от парня в противоположенную сторону.

— У тебя уже губы синие, — крикнул он мне вдогонку и поплыл за мной следом.

Для меня это не было весомым аргументом. Когда я была ребенком, мама могла выманить меня из воды только угрозой, что выкинет все мои книги.

Я устала. Зря, мы заплыли так далеко.

Перед глазами помутнело, тело обмякло. Я знала, что у меня сейчас будет видение. Так не вовремя! Вода попала мне в рот — я задыхалась, я умирала, но меня там уже не было.

Яркий свет ослепил меня. Казалось, эта комната сделана из самого солнца.

Это место было мне не знакомо и знакомо одновременно. Я совершенно точно тут не была, но всё казалось таким знакомым. Если бы почти все мои сны не были одинаковы, то я бы решила, что видела его во сне.

Весь зал казался золотым. Стены сверкали, они были украшены драгоценными камнями. На полу и на потолке кто-то начертил причудливые рисунки.

Я внимательно осматривала помещение, запоминала каждую деталь.

— Подойди, — голос раздался у меня в голове. Снова я была участником, а не наблюдателем.

Я повиновалась требованию. Хотя и не знала куда идти, моё шестое чувство говорило, чтобы я шла вперёд к столу, на котором стояли разные кубки.

Каждое движение давалось мне с трудом. Даже дышать было тяжело.

Когда я дошла до стола, моё внимание сразу же привлёк кубок, украшенный сапфирами. Внутри него была налита какая-то жидкость.

— Пей, — снова приказал голос у меня в голове.

Я аккуратно взяла кубок. Было ли мне страшно? Не знаю. Был ли у меня выбор? Нет

совершенно точно нет.

Кубок был на удивление лёгким. Очень медленно я поднесла его к губам.

Всего лишь нужно отпить из него. Но алая жидкость в нём не вызывала у меня доверия. Она была слишком похожа на кровь.

— Пей, — приказал голос.

Одно маленького глотка мне хватило для того, чтобы понять, что на-лито в кубке. Оказывается, я не ошиблась, когда решила, что в нём...

— Это же... кровь... — прошептала я, и зал заполнил чей-то безумный смех.

Я очнулась. И с удивлением обнаружила, что нахожусь не в воде. Эрик вы-тащил меня и укрыл своей курткой. Я стала искать его самого. Он был неподалёку.

Эрик подошёл ко мне, и его глаза сияли подобно сапфирам на кубке.

— Как ты? Ты меня так напугала, — он присел рядом со мной.

— Со мной всё в порядке. Спасибо, что вытащил меня.

Мои глаза закрывались. Я очень сильно хотела спать.

— Что с тобой случилось?

— Обморок, обычный обморок. Со мной часто так бывает.

— Хорошо, что я успел во время, — Эрик облегчено вздохнул. А я обрадовалась, что он не стал меня расспрашивать о припадке. И я искренне надеялась на то, что он не догадывается обо всех моих странностях.

— Скоро рассвет, — сказал он, и я взглянула на небо. И, правда, начинался рассвет. Сколько же времени я пробыла с Эриком?

Я любила смотреть, как солнце поднимается на горизонт, как день сменяет ночь.

Всё моё сонное состояние, как рукой сняло. Я не могла пропустить этого рассвета.

Я укуталась в куртку Эрика. Она была тёплой и пахла хвоей.

Эрик сидел рядом со мной, и мы оба смотрели на небо.

Было в этом рассвете что-то мистическое, он словно связал нас клятвой. Навеки.

Отступление

Впервые за много лет он о чём-то сожалел. Та игра, что он затеял, не привела ни к чему хорошему. Она лишь пугала Злату, и Эрик ощущал это. Он не хотел этого. Не хотел пользоваться девочкой, как какой-то вещью, играть с ней, как с шахматной фигурой.

Новые чувства захлестывали Эрика. Казалось, что в его жизни появился барьер, запрещающий ему двигаться дальше. И имя этому барьеру — Злата.

Её сущность, её невинность разрывали его на части, ломали кости и переполняли клетки, лишая душевного равновесия. И между тем дарили неожиданную радость. Проще отрезать себе голову, чем совладать с такой гаммой чувств.

А ещё была кровь. Мерзкая, желанная кровь.

Испытание становилось невозможным. Он уже не понимал, чего именно хочет от девушки.

Чем больше ты сопротивляешься, тем сильнее я тебя желаю.

Лина смотрела на серебряную луну и придавалась удивительным воспоминаниям. Вспоминая самые яркие моменты своей жизни, она чувствовала себя опустошённой.

Они с Эриком расстались достаточно давно, но неуместное чувство ревности всё равно присутствовало. Словно она была маленьким ребёнком, у которого отобрали любимую игрушку. Но Лина не была ребёнком, она даже не была человеком.

И ей хотелось причинить боль всем: и Злате, и Эрику. Отомстить, чтобы почувствовать себя живой.

Она не испытывала отвращения даже к самым жестоким методам, но больше всего Лина любила использовать других людей. Кого Злата любила больше всего на свете? А кого боялась больше всего на свете?

Когда Рома проснулся, на улице стояла кромешная тьма. В лесу царила прохлада, и спальник не спасал от холода, проникающего под кожу.

Ему приснился кошмар, в его сне Злату разорвали волки. Он просто стоял и смотрел, как дикие звери набросились на его сестру, он хотел спасти её, но не мог пошевелиться. Злата умирала. Рома проснулся.

Ему редко снились сны, да если и снились, то никто в них не умирал. Он был достаточно суверен, как и их мать, поэтому придал своему ночному кошмару особое значение.

Я теперь буду оберегать Злату намного лучше, я больше не буду отвлекаться на кого-либо и оставлять её одну на долгое время.

В его душе отныне поселилось беспокойство за сестру, его сердце наполнилось кровью, когда он вспомнил её разорванное тело.

Он снова попытался уснуть, но желанное спокойствие не приходило.

Злата...

Злата...

Злата...

Рома решил проверить сестру, дурное предчувствие поселилось в его душе. Он вышел из своей палатки и направился к другой. Злата спала, правда как всегда беспокойно, она ворочалась во сне, но хотя бы не плакала и не кричала. Почти всё было в порядке.

Рома успокоился и уже пошёл к себе, как заметил среди деревьев чью-то тень. Он решил подойти ближе, хотя понимал, что нужно было разбудить Диму, ибо одному в этом месте не стоит проявлять неосторожность. Это место должно быть безопасным, но незнакомцы, разгуливающие по ночам в лесу, точно слегка не в себе, если они конечно люди, а если нет, то... Следовало бежать отсюда.

Тень исчезла из поля зрения Ромы, а потом снова появилась. На этот раз она не исчезала, силуэт был женским. В кромешной тьме Роме удалось разглядеть белые волосы, длинное белое платье и слегка светящиеся глаза.

Он остановился, казалось, девушка тоже замерла. Она смотрела на него и как бы сквозь него.

Лина.

Сначала он хотел окликнуть её, но потом передумал. Рома сделал ещё шаг вперед, под его ногой треснула сухая ветка. Этот звук казался слишком громким для ночной тишины, именно он вывел Лину из её странного оцепенения.

Она выглядела удивленной и, казалось, что Рому она заметила только что. Несколько секунд она стояла и просто смотрела на него, а потом побежала прочь. Рома не бросился за

ней, хотя какая-то его часть хотела догнать девушку и задать вопросы, но он просто смотрел ей вслед, не отрываясь. Она была приведением, луной, миражом, который засел в его мыслях. И от которого он должен был как можно скорее избавиться.

Глава седьмая. Убийство

Я вижу смерть, и самое ужасное заключается в том, что я не могу ничего изменить. Научи меня сопротивляться, изменять мир. Вокруг и так слишком много боли. Если я смогу спасти хотя бы одну жизнь, то это уже будет счастье.

— Мне кажется, что ты меня боишься? — Эрик появился неожиданно, как раз в тот момент, когда я срезала себе красную розу. Но я уже привыкла к его ма-нере подкрадываться. Я почти смирилась с тем, что почти каждый день он находился рядом. Куда бы я ни пошла, я везде натыкалась на него. А сегодня он, похоже, упростил себе задачу.

Было солнечное воскресное утро, бабушка разрешила мне ухаживать за розами в саду, и я с радостью принялась за свои новые обязанности. Всегда любила цветы, даже как-то изучала правила садоводства.

Я повернулась к Эрику лицом. Его глаза были спокойны и прекрасны. Я сглотнула. Он слишком красив, слишком.

Нельзя смотреть ему в глаза слишком долго, я рискую потерять себя.

Его голос помогал мне забыть обо всех земных проблемах. Сердце то бешено билось от страха, то замедляло свой темп, когда я понимала, что бояться мне нечего.

Моим инстинктом было остерегаться таких, как он.

Но как я могла держаться от него подальше, если он постоянно сам меня находил?

— Я не боюсь тебя, — твёрдо произнесла я. — С чего ты взял?

Он подошёл ближе. Это напомнило мне наше знакомство. Оно произошло здесь, и тогда Эрик смотрел на меня так же. Его взгляд. Мне никогда не забыть его взгляда. Словно он пытался заглянуть мне в душу.

А я хотела снова оказаться в его мыслях. Но это было опасно. С тех пор, как мой сон оставил меня, я чувствовала пустоту. За десять лет вошло в привычку видеть каждую ночь одно и то же.

Та ночь (о боже, как неправильно это звучит!) сблизила нас отчасти.

Я по-прежнему боялась Эрика, но к страху примешалось ещё и любопытство.

Хоть Эрик и не делал ничего предрассудительного, я не могла доверять ему полностью. Находится рядом с ним, всё равно, что быть запертой с тигром в одной клетке.

— Никогда не лги мне, Златослава, — Эрик говорил серьёзно. В его словах я почувствовала скрытую угрозу, — у тебя всё равно не получается.

Неужели он может чувствовать ложь? А хотя чему я удивляюсь? Он даже не человек.

— И что же меня выдаёт? — поинтересовалась я, смело смотря ему в глаза.

— Твои глаза, — Эрик подошёл ко мне ещё ближе, — и твоё сердцебиение.

Я снова ощутила тягу к нему. Его голос словно пробрался мне под кожу. Эрик был ядом, смертью...

Надо было что-то делать, пока я не повторила своей ошибки. Нельзя поддаваться эмоциям.

— Мне надо идти, — мой голос звучал неуверенно, — мне определено надо идти.

Я попыталась обойти Эрика, но он схватил меня за руку.

Моё несчастное тело сотрясла дрожь. Я сама не ожидала от себя такой реакции на его прикосновение. Одно незначительное прикосновение.

— Меня знобит, мне надо домой, — сказала я, но Эрик не собирался меня отпустить.

— Тебя знобит, только когда я к тебе прикасаюсь? — от его взгляда мне захотелось стать невидимой.

— Прости, мне надо покормить Фреда (моего оленёнка), — я вырвала руку и со всех ног понеслась в сторону дома.

Я чувствовала себя последней душой, но я боялась погибнуть, стать жертвой потустороннего мира. Это было правдой, но было кое-что ещё. Иной страх.

Я боялась самой себя: своих чувств, желаний, мыслей. И власти Эрика надо мной.

Он был ураганом, он сметал все мои преграды, он делал меня слабой.

Заперев дверь в комнату, я потихоньку приходила в себя. Дыхание выровнялось, сердцебиение успокоилось, но кожа по-прежнему горела от его прикосновения.

Я делала разную работу по дому. Ни бабушки, ни дедушки, ни Ромы не было.

Около четырёх часов дня Оля и Аня позвали меня гулять, и я согласилась. С недавних пор мы стали почти подружками.

С ними было приятно общаться, да и мне нужно было развеяться. Древние стены дома давили на меня, я ощущала свою беспомощность и бесполезность, думала о вещах, которые не в силах изменить.

Так или иначе, я была рада любой возможности побыть с кем-то, покинуть дом.

Мы болтали о разной ерунде. Я так соскучилась по этому. По простым людским темам.

Никаких тайн, никаких монстров, никаких опасностей!

Но наша прогулка закончилась. Оля и Аня пошли к своему дому, а я поплелась в сторону своего.

Идти было недалеко, но почему-то каждый шаг давался с трудом. Я еле-еле переставляла ноги. В воздухе повисла тревога. Всё внутри меня замерло от ожидания чего-то зловещего. Знакомое чувство — обычно оно предвещало трагедию.

Будто что-то должно случиться.

И словно подтверждая мои мысли, ночную тишину разрушил крик. Человеческий крик. Крик ужаса и боли.

Не знаю, какие чувства и мысли мной руководили в тот момент, но я побежала на крик. Я даже не знала, что буду делать, когда добегу. Но понимала, что мне необходимо бежать туда.

К тому времени, как я добежала, крики стихли. Это место оказалось не далеко. В проулке между нежилым домом и каким-то зданием, назначение которого я не знала.

Проулок был серым и зашарпанным.

В воздухе перемешались тревога и спокойствие. Но обычно такое спокойствие предвещает лишь беду. Лёгкий туман, окутывающий всё вокруг, начал рассеиваться.

Первой я увидела кровь. На секунду я подумала, что всё происходящее лишь часть спектакля. Или чья-то шутка. Может, кто-то пошутил? Разлил красную краску? Может кто-то специально решил свести меня с ума? Но я уже чувствовала в воздухе запах крови и смерти.

А потом я увидела это...

Я не смогла сразу же понять, что передо мной человеческое тело. На-столько оно было

растерзано.

Человек не мог такого сделать. Человек не смог бы так разорвать другого человека. Даже животное не могло сотворить такое. Это была нечисть. И я была в опасности. Людей поблизости не было. Никто кроме меня не прибежал на крики.

Но в переулке я была одна. Убийцы не было поблизости.

Всё происходило как в полусне.

Я снова взглянула на труп. Тошнота подступила к горлу, ещё чуть-чуть и меня вывернуло бы наизнанку. Ко всему прочему я начала задыхаться. Голова кружилась так, будто я была на карусели.

Кровь. Теперь это казалось мне ещё более ужасным. Мои пальцы тоже были в крови. Я даже не заметила, как испачкалась.

Ноги перестали меня держать, и я упала на колени перед телом. Мне казалось, что ещё немного, и сумасшествие, которого я так долго пыталась избежать, достигнет моё сознание. Мне нужно было уходить отсюда, позвать на помощь, но моё тело словно окаменело. Животный страх охватил меня, воспоминания, спря-танные глубоко внутри, ожили.

Я слышала чьи-то быстрые шаги.

Тёплая рука коснулась моей руки. А потом эти же руки оторвали меня от земли.

— Злата, дыши. Всё хорошо. Тебе ничего не грозит, — голос был мне знаком.

И я понимала, что обладатель этого голоса и мог быть убийцей.

Я открыла глаза и увидела обеспокоенное лицо Ярослава. Его зелёные глаза излучали заботу. Он смотрел на меня так, будто я очень важна для него.

Я слышала, как сбегаются другие люди.

— Что здесь произошло? — спросил кто-то, но я не могла вспомнить обладателя этого голоса. Я снова проваливалась во тьму. Но почему-то с Ярославом я чувствовала себя в безопасности. Это было непривычным для меня: быть в безопасности, защищённой.

— Я не знаю, я прибежал на крики. И нашёл здесь Злату в полубморочном состоянии и этот труп. Похоже, кто-то совершил нападение, — голос Ярослава на минуту вернул меня в реальность, но всего лишь на жалкую минуту, — я отнесу её домой.

Ярослав решил, что я полностью отключилась. Он не пытался сохранить свой секрет. Он передвигался с огромной скоростью.

А я, в конце концов, потеряла сознание.

— Ты должна умереть, — прошипел чей-то голос, — идём со мной.

Я стояла в огромном зале. Пол зала был чистым отражением потолка. Те же причудливые символы.

Полная луна заглядывала в окно, излучая серебряный свет. Только он и освещал комнату.

Одна стена зала была полностью увешана зеркалами. Я увидела собственной отражение.

На мне было платье лунного цвета. Длинной оно было до пола, украшенное жемчугом и золотой нитью. Мои плечи были обнажены. На шее у меня красовался кулон с изумрудом и такие же серёжки в ушах. Волосы спадали красивыми волнами. И весь образ дополняла диадема, главным украшением которой был большой изумруд.

— Ты прекрасна сегодня, Диана, — снова проговорил голос, пока я рассматривала себя в зеркале.

— Я не Диана, — мой голос звучал недовольно. Я повернула голову в сторону

говорящего. Но в том месте царил тьма. Я никого не смогла разглядеть.

— Злата, дорогая, Диана и ты одно и то же. Диана твоё истинное имя, — этот голос напоминал мне шипение змеи.

— Я не понимаю о чём ты.

— Ты скоро всё поймёшь, Диана.

— Я не Диана! — прокричала я во тьму.

— Убийства не прекратятся, пока не поймёшь, — эти слова вернули мне способность рассуждать здраво.

Это был не просто сон. Это было послание. Или я окончательно сошла с ума.

— Ты убил того человека?

— Всё возможно, — от этого голоса у меня разболелась голова, — идём со мной.

Существо протянуло ко мне свою руку или лапу, но я бросилась прочь из зала. В длинном платье бежать было неудобно. И я не была уверена в том, что незнакомец не догонит меня. Но он не гнался за мной. Он смотрел, как я убегаю, и смеялся мне в след.

Я проснулась в холодном поту. Было странно обнаружить, что я нахожусь в собственной постели, а не в том зале.

Чтобы хоть как-то успокоить себя я достала синий кристалл, и снова стала рассматривать его. Я каждый раз находила что-то новое.

Как оказалось, крики слышали только мы с Ярославом. Это придавало со-бытиям ещё более таинственное начало.

Отступление

Полночь. Вся стая была в сборе. Это случалось не часто. Только когда про-исходило что-то чрезвычайное. И сейчас это "что-то" наступило.

— Я не знаю, кто это сделал, — заключил свой рассказ Ярослав. Он был встревожен, хотя внешне и оставался спокойным, но в его душе бушевала целая буря.

— Ты же знаешь, что никто из стаи не мог. Все были в лесу, — проговорил рыжеволосый юноша.

— Все? — переспросил Ярослав. Он надеялся найти какую-нибудь зацепку, улику. Что-то, что прояснит ситуацию.

— Кроме тебя и Эрика, — снова ответил рыжеволосый.

Эрик потупил взгляд. Он знал, что его первым будут подозревать, а опро-вергнуть обвинения он не мог.

— Эрик, где ты был? — в голосе Ярослава прозвучало какое-то странное торжество. Он ещё не изгнал из своего сердца ревность к Злате и надеялся всяче-ски принизить Эрика.

— В деревне.

— И что же ты там делал? — очередной вопрос, на который не было у Эрика ответа.

— Гулял. А что есть проблемы? — парень соскочил со своего места. Он зло оглядел стаю.

— Да нет, просто, — Ярослав сделал паузу, — думаю, ты мог быть убийцей.

— И зачем мне это нужно?

На это ни у кого не нашлось ответа. Ведь Эрику действительно не зачем было убивать того человека. Если только он окончательно не потерял себя. Если только он не стал помешанным на крови монстром.

Эрик не знал, что ему делать. Он помнил, что хотел вернуться в лес, но потом что-то произошло. И он будто выпал из времени и пространства. А когда очнулся, было уже поздно. И теперь душу его терзали странные сомнения, вдруг он и есть убийца.

На самом деле его не сильно беспокоило, что на руках его кровь, он раньше убивал и делал это без особых угрызений совести. Но на территории де-ревни такая шалость могла привести к непоправимым последствиям.

И если он на самом деле убил того человека, то это могло навсегда разрушить ту хрупкую нить доверия, что совсем недавно образовалась между ним и Златой.

Злата.

Тьма сгущалась над этим местом. И все события вдруг начали сходиться на одном человеке. Злата.

До её приезда всё было относительно спокойно. Но теперь все обитатели леса чувствовали, что вокруг творятся страшные вещи. Что-то глубоко древнее и тёмное начинало пробуждаться ото сна. Даже Эрик, с его начинающимся безумием, чувствовал, что лес наполняет тьма.

Существо скользило по земле. У него ещё не было плоти и имени, но оно уже примеряло на себя роль живого. Оно слишком долго наблюдало за людьми, чтобы так легко сдаться. Теперь, когда его силы возросли, можно было начинать действовать.

Тьма окутывала его, скрывая призрачный облик, делая незаметным для других.

И существо отправилось в самый центр жизни, чтобы сеять смуту и страх. Вершить возмездие.

Глава восьмая. Танцы

В языках пламени мы танцуем, оставляя позади смерть и боль. И если я когда-нибудь покину тебя, то буду помнить этот момент. Ведь именно он заставил меня понять многое, отпустить прошлое и отправиться навстречу тебе.

Прошло три дня с того момента, как я обнаружила труп. Мне казалось, что я сплю. Вот только сон мой затянулся.

Я боялась, боялась смерти, призраков. Боялась того, что никто не отвечает на мои вопросы. Но страшнее всего было безразличие. Умер человек. Мужчина. Он был чьим-то сыном, другом, братом, мужем, защитником. Но смотря на лица других людей нельзя было уловить и капли боли. Никто не скучал, не плакал. Такое безразличие пугало меня, словно убийства здесь происходили каждый день, и люди просто привыкли к этому.

Может быть, живи я здесь с детства, то не считала бы смерть трагедией, непоправимым деянием. Но меня растили по-другому, меня учил ценить жизнь любого живого существа...

И любой, кто отнял чью-то жизнь, должен быть наказан. Вот только убийцу здесь искать никто не собирался. Я попыталась расспросить Рому, но он ничего толком не сказал. Лишь покачал головой и намекнул на то, что всё это не моё дело.

В его словах была правда, но во мне всегда жило невероятно сильное чувство справедливости. И оно побеждало все другие чувства.

Я много думала о том, кто мог бы убить. Стая Ярослава, к примеру, любой из них опасен. Но моя интуиция подсказывала, что никто из них этого не делал.

Я искренне верила в невиновность Ярослава. И эта вера пугала меня.

Он же спас меня, унёс от туда. Ему ведь проще было убить и меня тоже.

Или же он просто стремится втереться ко мне в доверие. Как Эрик. Та-кую игру сразу же видно.

А ещё существо, человек из моего сна. Реален ли он? И если да, то, что мне делать? Что происходит вокруг? Кто убийца? И что я должна понять?

Почему мои мысли и знания настолько ограничены? Я хочу разрушить этот барьер и овладеть бесконечностью. Но, увы, это невозможно.

Временами я просто зря забивала себе голову. Мои видения было сложно толковать. Иногда они полностью отражали реальность, а иногда приносили сим-волы и образы.

Я записывала их в тетрадь, пыталась вывести закономерности. Но не находила ничего. Разные дни, разные фазы луны, разные послания.

Расшифровать — значит почувствовать видение сердцем, ощутить его, про-пустить через себя. Вот только это всё становилось сложнее с каждым разом. Я и мой дар начинали существовать по отдельности.

И у этого была причина. Эрик. Он занимал большую часть моих мыслей, вызвал и страх, и тягу одновременно. А ведь я не должна была думать о нём, эти мысли были опасными и запретными.

У каждого человека в жизни есть черта, через которую он не может пере-ступить. Такой чертой для меня стал Эрик. Меня тянуло к нему с какой-то страш-ной, тёмной силой.

Именно эта сила ломала меня изнутри и лишала возможности думать. Она убивала меня каждый день, медленно, смакуя мои мучения.

— Сегодня праздник, — сказал Рома, когда я вышла из сарая. Фред рос ни по дням, а по часам. — Ты придёшь?

— Какой праздник?

— День Ивана Купала.

— Это что местная традиция устраивать праздник после чьей-нибудь смерти? — язвительно спросила я.

— На него напало животное, — Рома спокоен, его взгляд устремлен на меня. Первый признак лжи у моего брата. С детства так пытался скрыть обман.

— И какое позволю узнать?! Какое животное может сделать такое? — я прошептала последний вопрос, и, возможно, подошла слишком близко к Роме, по-тому что он затаил дыхание. Я тут же исправила свою ошибку.

Он понял, что я не отступлю от своего. Рома посмотрел на меня грустными глазами.

— Не впутывайся в это дело, Злата, — так легко произнести эту фразу. Ино-гда мне кажется, что её придумали для того, чтобы утешить людей, которые уже в чём-то погрязли, — это не наше дело.

Сколько лет живу, а люди для меня остаются загадкой. Они так стремятся избежать проблем, что забывают помогать другим.

Если ничего не предпринимать, то, что будет тогда? Неужели мы должны лишь плыть по течению, натываясь на препятствия, разбиваясь об них. А как же борьба? Попытка избежать рока!

— Сказал бы ты мне эти слова неделей раньше, — я направилась в сторону дома, не став дожидаться ответа брата.

Моё жёлтое платье казалось слишком простым, но я решила надеть именно его. Мои приготовления в общей сложности заняли десять минут.

Мне не хотелось никуда идти после случившегося, но моему брату удалось меня уговорить. Он привёл весьма весомый аргумент (если шантаж можно называть аргументом).

Ещё пять минут и Рома постучится в мою комнату, спросит, готова ли я. Не нужно было становиться экстрасенсом, чтобы знать это.

Пять минут прошло. Стук в дверь. Мой брат никогда не дожидался ответа. Рома бесцеремонно вошёл в комнату, посмотрел на меня угрожающим взглядом, но угроза быстро сменилась почти детским восторгом. Прошла минута, прежде чем он решился что-то сказать:

— Ты готова? — я просто кивнула. Не было сил отвечать на вопросы.

Он подошел ближе, обхватил моё лицо ладонями. Мне сразу же захотелось отстраниться, но я боялась его обидеть. Странно, что я ничего не почувствовала. Ничего.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Рома отпустил моё лицо, и я облегчённо вздохнула.

Я прикусила губу. Что же я наделала? Что происходит между нами? Неужели та странная граница стёрта? И вот я уже собираюсь сказать ему, что всё это большая ошибка, что нужно вернуться к тому моменту, когда всё было просто. И если понадобится, я уйду из его жизни, уничтожу болезненную связь, потому что понимаю, что ни к чему хорошему это не приведёт.

Но я так и не произнесла этих слов. Страх одиночества не позволил этого сделать. Я

лишь криво улыбнулась и последовала за Ромой.

В моей груди безумно сильно колотилось сердце, и всё, что я могла сделать, это сосредоточиться на этом глухом звуке. Где мне найти силы, чтобы защитить Рому от меня самой?

Я ведь любила его, любила его как брата. И то, что происходило с ним пугало меня. Неужели он попался в ловушку моей внешности. Милая венерина мухоловка. Твой удел одиночество.

Как же хотелось сбежать! От проблем, от всего, от Эрика. Или вернуться в детство, в тот момент, когда мы были почти счастливы.

На улице нас ждали Дима, Оля и Аня.

Рома сразу же подошёл к своей девушке. Он вёл себя с ней отстранённо, и всё время бросал на меня странные взгляды. Оля вцепилась в его руку и сразу же о чём-то начала говорить. Я удивилась, что не чувствовала ревности, как раньше. Когда же настал тот миг, когда Рома перестал быть для меня всем миром.

Оля выглядела как чудесное существо из другого мира: её голову украшал венок из полевых цветов, её платье было цвета палых листьев. Девушка походила на нимфу.

Аня же была по-детски невинна, словно ангел.

— Злата, ты сегодня потрясающе выглядишь! — воскликнула Оля. — Правда же, Дима?

Дима внимательно посмотрел на меня, молча кивнул и отвернулся. После нашей короткой ссоры на озере нам так и не удалось поговорить. И мне казалось, что Дима таит в себе обиду.

— Спасибо, ты сегодня тоже великолепно выглядишь. Но я, кажется, на-прочь забыла, что нужно плести венок из цветов.

— Да, мы с Аней так и подумали. Поэтому, — Оля выдержала театральную паузу, — мы сделали его для тебя сами.

Аня протянула мне венок, сплетённый из ромашек и колокольчиков. Я была заворожена его простой и хрупкой красотой.

— Спасибо вам, — я улыбнулась от всего сердца, меня переполняло тепло, — он прекрасен.

Стайка ребят примерно Анниного возраста подбежала к нам, они звали Аню пойти с ними. Девочка жалобно посмотрела на своего брата, тот кивнул, и Аня побежала к своим друзьям.

Я понимала, почему Аня не хотела идти с нами. Я бы и сама сбежала, если бы была возможность, но у меня её не было.

По пути мы не разговаривали, только Оля с Ромой весело щебетали о чём-то. Со стороны казалось, что они действительно были увлечены друг другом. Но я слишком хорошо знала своего брата, чтобы понять его притворство. И с ужасом для себя признать, что я была слепой всё это время.

На небе появлялись первые звёзды. Я считала, что глупо устраивать праздник ночью, когда нечисть покидает свои укрытия. Но жители деревни, похоже, думали иначе.

Первое, что бросилось в глаза, — костёр. Он отбрасывал искры, отчего праздник, казался, мне всё более зловещим.

Было несколько небольших костров, через них прыгали дети и некоторые смелые девушки. Я бы никогда не рискнула этого сделать, слишком велик шанс обжечься.

В середине самого большого костра стоял шест, на нём было укреплено горящее

колесо. Символ солнца.

Немного подвыпившие сельчане пытались облить новопришедших грязной водой, но им это удалось сделать лишь пару раз. Меня от подобной вольности защитил Дима.

Старинная музыка, под которую самая старая статья совершать обряды и посвящения, доносилась издалека. Она магическими нитями обволакивала людей, погружая их в донныне неисследованный мир. Несколько девушек пели старинные песни, их голоса сливались с голосом природы, музыкой и треском костра.

Пламя отбрасывало тени на лица знакомых и незнакомых. Кто-то позвал меня по имени, но я, не отрываясь, смотрела на недавно пришедшую компанию: Ярослав, Эрик и вся их шайка...

Мне хотелось подойти к Эрику, почувствовать, что он рядом, заговорить с ним. Но я не могла этого сделать. Эту привязанность надо было вырвать с корнем из моего сердца.

Ты врунья, Злата. Нельзя совладать с собственными чувствами, как бы сильно ты их не боялась.

Дима словно был моим надзирателем. Он знал, на кого я смотрю. Он следил за каждым моим шагом, словно подозревал в каком-то постыдном деянии.

Оля и Рома танцевали. Они были в своей Вселенной. Смотря на них вполне можно было подумать, что Рома влюблён в свою девушку. Я... Я так надеялась, что он сможет полюбить кого-нибудь сильно-сильно. Но то, что произошло сегодня, полностью опровергло такой вариант развития событий.

Ко мне подбежала Аня и схватила меня за руку, увлекая за собой в хоро-вод. Я не стала противиться.

Мне хотелось стать частью этого праздника, стать частью их мира хотя бы на одну ночь. Моё тело знало, что нужно делать. Каждое движение давалось с лёгкостью. Я скользила, я была частью целого механизма. И, казалось, сама природа была со мной согласна. Откуда не возмись, прилетело множество бабочек. Они не были изысканными красавицами, но было в них что-то очаровательное. Они садились мне на волосы. Всё вокруг приобрело необычное сияние. И я сама сияла, отдавая свой свет другим.

Я сама была бабочкой, которой, возможно, суждено погибнуть от красоты пламени. В своём простом жёлтом платье я отражала саму сущность природы. Мне уже ничего не было нужно, никто не смог бы вытеснить из моей души тягу к жизни. Я всегда стремилась именно к ней — к жизни. Никто не отберёт её у меня.

Я кружилась вместе со всеми, но, казалось, что я задаю свой собственный ритм.

Кто-то вклинился между мной и девушкой справа. Я повернула голову и увидела Эрика, почувствовала, как его тёплая ладонь сжимает мою. Мои губы расплылись в улыбке.

Чувство бесконечности охватило меня. Время не было властно над нами. В конце концов, цикл жизни чем-то похож на хоровод вокруг костра. Мы движемся, нам кажется, что всё меняется. Но на самом деле всё является лишь часть огромного круга жизни, и движение происходит вокруг одной точки. И остаётся лишь бесконечность.

Мы долго водили хоровод вокруг большого костра, а затем все разошлись прыгать.

Я смотрела, как это делают другие и немного завидовала. Но никакая зависть не заставила бы меня преодолеть этот страх.

Эрик, до этого молча стоявший рядом, вдруг сказал:

— Мы могли бы сделать это, — а через несколько секунд добавил: — вместе.

— Я не смогу, я слишком боюсь.

— Злата, — позвал он. Я повернула голову в его сторону. — Ты мне веришь?

Неожиданно для себя я кивнула. Я верила ему.

И мне захотелось испытать себя, преодолеть очередной страх. Эта ночь казалась волшебной, а это значило, что всё возможно. Даже прыгнуть через огонь.

А потом я просто взяла *его* за руку, и мы направились к костру.

— Но если что, пинай на себя, — проворчала я, на что Эрик только ухмыльнулся.

Он приобнял меня. Я чувствовала его сильные руки на своём теле, и страх немного отступил.

Мы разбежались, я зажмурилась и закусил губу.

Прыжок был похож на полёт. Мне казалось, что я лечу. Было страшно чувствовать жар костра. И, наверняка, я бы не смогла сделать этого без Эрика. Но это было прекрасно!

Всё закончилось слишком быстро. Мы приземлились на землю, Эрик придержал меня, тем самым уберегая от падения.

Я засмеялась, радуясь своей маленькой победе.

— Да, я совершенно точно верю тебе.

Эрик улыбался. Он был слишком сильно похож на обычного парня. Если бы так было всегда, я смогла бы влюбиться в него.

Когда настало время парных танцев, Эрик был рядом со мной. Мы старались не касаться друг друга, сохраняя целомудренное расстояние. Никаких прикосновений, лишь предвкушение этого.

Как же здорово было, хоть на какое-то мгновение забыть, кто он и кто я!

Мы так слажено двигались в танце, словно были одним существом. И меня это не пугало. Я почувствовала, что нахожусь на своём месте.

К нам подошла Оля, она прокашлялась, но никто из нас не обратил на неё внимания.

— Злата, — позвала она.

Мы остановились. Я почувствовала лёгкое разочарование. Вся магия иллюзии нашего единства исчезла.

— Что?

— Мы с девчонками идём к реке, избавляться от венков. Ты с нами? — она улыбнулась.

Мне не хотелось идти, но я не могла отказать Оле.

Я бросила взгляд на Эрика:

— Я пойду, ладно? — я не знала с какого момента нашего знакомства, мне вдруг понадобилось его одобрение.

— Конечно, — и он ушёл. Ни слова прощания, ничего. Просто вернулся к своей стае.

— Я даже не буду спрашивать, что происходит между вами, — голос Оли звучал приглушённо, — и не буду говорить тебе, что он не лучший кандидат.

Я последовала за Олей. Мы говорили с ней о всякой ерунде и замолчали, когда приблизились к воротам. Там нас ждали ещё восемь девушек.

— Так, — проговорила Оля, — где же Аня? Она хотела пойти с нами.

Через несколько минут подошла и Аня. Она была такой счастливой!

— Злата, мы пойдём к реке. Там рядом есть поле, ни в коем случае не ходи туда, чтобы не случилось, — Оля говорила серьёзно, и я сразу же задала свой любимый в последнее время вопрос.

— Почему?

— Просто там много змей.

Мы шли по совершенно незнакомому мне пути. Но я полностью довери-лась другим людям. Ведь иногда можно доверять.

Шли мы недолго. И вскоре я увидела небольшую речушку.

— Подумай о человеке, на которого гадаешь и опусти венок, — тихо прого-ворила Аня.

Первой это сделала Оля, но её венок потонул всего за несколько секунд. Кажется, это было плохим знаком. Я лично не придавала большого значения по-добным гаданиям, но Оля едва сдерживала слёзы. Венок следующей девушки, кажется, её звали Катя, почти сразу же прибило к берегу. Венок Ани расплелся и распался на отдельные цветы.

У Алины, Даши, Кристины венки тоже потонули почти сразу же. Настала моя очередь.

Чьё же имя мне загадать? У меня не было возлюбленного, мне даже никто не нравился.

Но в самый последний момент в моих мыслях поселился Эрик. Совер-шенно случайно. Я не хотела о нём думать, я не могла о нём думать.

Но течение подхватило венок, и тот поплыл вдаль наперекор всем препят-ствиям. Он не тонул, не распадался, лишь плыл, и вскоре мы потеряли его из виду.

— Поздравляю! — крикнула Катя.

Я улыбнулась. Поздравлять то было не с чем.

Следующей венок должна была пускать Лена, но...

— Злата! — голос Эрика разрушил ночную тишину, но, казалось, что никто кроме меня его не слышал.

— Извините, я сейчас вернусь, — пробормотала я, но другие девушки были слишком поглощены ритуалом, чтобы заметить мой уход.

Магия этой ночи затуманила мне голову, и всякая мысль о возможной опасности исчезла. Я просто шла на зов. Изредка мне попадались люди, соби-рающие травы (ведь в эту ночь они обладали волшебной силой!).

Вскоре я вышла к полю. На мгновение мою ослеплённость разрушило вос-поминание, в котором Оля предупреждала меня об опасности.

Но стоило мне вновь услышать голос Эрика и... я погрузилась в странный транс.

Я вышла на поле. Зов стих, был слышен лишь шорох травы.

В нескольких метрах от меня возникла невысокая человеческая фигура, облачённая в длинный тёмный балахон. Я не видела лица незнакомца, но в моей душе поселился страх.

А потом оно подняло глаза...

На тёмном лице горели яркие, жёлтые кошачьи глаза. Существо вновь за-говорило голосом Эрика.

— Злата, подойди ко мне, — оно протянуло ко мне свою когтистую руку. Я хотела отступить на шаг назад или вовсе убежать, но моё тело словно окаменело. Я не могла пошевелиться.

— Злата, не бойся. У тебя такое красивое имя. А твои жизнь и кровь навер-няка прекрасны на вкус, — его обескровленные губы растянулись в улыбке, обна-жая клыки.

Я хотела закричать, но не могла.

Существо подошло ближе и взяло меня за руку. Я ощутила противоестест-венный холод, исходящий от него.

— Когда же придёт Укрут? Вечно опаздывает, да ещё и приходит без до-бычи, — ворчало существо.

Я пыталась напрячь память и вспомнить мифологию. Но нужное название ускользало от меня. Я даже не знала, кто передо мной, как же я могла спастись?

— Ырка, прочь! — я снова услышала голос Эрика. Но теперь не верила себе. Вдруг это очередной трюк этого существа.

Неожиданно я обнаружила, что снова могу двигаться и говорить.

Таинственный ырка переключил своё внимание на нового участника, разворачивающихся событий. Его голос изменился, теперь он был скрипучим, древним и жутким.

— Юный демон? Что тебе нужно? Не мешай мне развлекаться с добычей, — ырка снова обратился ко мне. Его кошачьи глаза приковали меня к месту. — Да. Злата? Ты же тоже хочешь, чтобы он ушёл?

— Она моя! Никто не имеет права трогать то, что принадлежит мне, — Эрик наступал на ырку, подавлял его.

— А где доказательства? Слуги Хронуса любят врать.

— Ты тоже слуга Хронуса.

— Теперь нет. Но если он вернётся, то я с радостью примкну к нему.

— Я надеюсь, что он не вернётся. Иначе нам всем придётся плохо. Отпусти девушку.

— А что я получу взамен? — ырка похоже решил поторговаться.

— Возьми себе любую другую девушку, а эту отпусти, — я удивилась той жестокости, что прозвучала в голосе Эрика. Хотя, в конце концов, мне не стоило забывать, кем он является. Уж в его-то жизни точно были горы трупов. Для таких, как они человеческая жизнь всего лишь разменная монета.

— Нет. Мне нужна лишь она, — ырка мечтательно закатил свои кошачьи глаза, — её жизнь так ярка, а кровь так сладка. Я просто не могу устоять.

Эрик ухмыльнулся, а затем неожиданно сделал выпад в сторону ырки. Монстр отвлёкся от меня, и я снова ощутила свободу.

— Злата, беги! И ни в коем случае не оглядывайся назад! — а затем Эрик обратился в волка и бросился на ырку.

Я бежала вперёд. Из всех сил стараясь не оглядываться, хотя меня и преследовали крики ырки. Я слышала голос Эрика, но понимала, что это всего лишь очередная ловушка.

Когда я покинула поляну, крики стихли. Мне хотелось вернуться назад, узнать, всё ли в порядке с Эриком. Но я не могла. Это поставило бы под удар и меня, и его.

Мне удалось найти Олю, Аню и других девушек. Они ждали возле берега реки. Вместе мы отправились в деревню, там наши пути разминулись: они продолжили праздновать, а я отправилась домой.

Отступление

Она кружилась в этом дьявольском хороводе вместе со всеми. И на лице её играла улыбка.

Кажется, сама природа завидовала её красоте. Бабочки кружили возле неё стаями, одна из них села Злате на волосы. Птицы пели рядом с ней. Весь мир наполнился сиянием этой удивительной девушки. Не было больше границ между мирами. Неведомая магия соединила

всё живое неразрывными цепями.

Ему хотелось подойти к ней, танцевать вместе с ней. Но он был так очарован, что не мог пошевелиться.

Эрик смотрел на ангела и мечтал только об одном...

Ему хотелось, чтобы она всегда была с ним. Он бы защищал её, он стал бы её другом. И они были бы вместе вечность. Она бы освещала его путь, только его. Она бы принадлежала только ему одному, любила бы только его одного. И плевать на все проклятия мира. Если бы у него была она, он бы смог забыть о том, кто он. Он бы смог вычеркнуть ту часть своей жизни.

Но это было лишь минутным желанием. Он был уверен, что наваждение спадет, когда наступит рассвет. Просто в эту ночь сила Златы возросла во много раз.

И словно подчинённые неведомой силе он подошёл к ней, вклинился в чёrtов хоровод.

Он боялся. Боялся её реакции, боялся увидеть страх. Но когда она повернула голову, в её глазах он узрел лишь отражение собственных чувств. Возможно, эти чувства были не настолько сильны, но они были так похожи на его!

Он не знал, сколько это длилось, но молился, чтобы это никогда не заканчивалось.

Прыгать через большой костёр было, несомненно, глупой идеей. Но он буквально физически почувствовал, что для Златы это было важным. Что это был ещё один её чертов страх, и его не обходимо было преодолеть.

Он помнил, как она взяла его за руку. Её тепло... это ощущение сложно забыть. Её глаза... разве могут цвета быть настолько красивыми?

Он взял на себя ответственность, он поклялся, что ни в коем случае не даст ей обжечься. И они сделали это. Для Эрика перепрыгнуть костер было сущим пустяком, и он бы не стал тратить на это время, если бы не Злата. Факт того, что они сделали что-то вместе, делал этот момент особенным.

А затем всё было похоже на сон. Он помнил её улыбку, полные счастья глаза.

И они закружились вместе в танце. Их тела почти не соприкасались, лишь его пальцы сжимали её. Они сохранили между собой целомудренное расстояние в пару сантиметров. Неизвестно для чего, но им обоим казалось, что невинное соприкосновение может погубить их обоих. И теперь свет озарял две этих фигуры, словно прожектора освещают актёров на сцене.

И самым прекрасным для него было то, что он держал её руку, ощущал, как кровь пульсирует в её венах, чувствовал её легкое дыхание. Она была источником эмоций и чувств, вкус которых так по-запретному сладок — напряжение, страх, радость, кокетство, невинность. Он не мог уже отличить тепло её тела от тепла своего. Её стройность, её мягкость, её черты лица — всё это уничтожило его мир и воссоздало новый.

Не было сегодня пары более красивой, чем они. Вместе они представляли собой единое целое. И многие люди смотрели с завистью на сложившееся совершенство. А многие с осуждением — они ждали своего часа перемолоть новой парочке кости.

Он ощущал, что в его душе разгорается пламя. Злата губила его, но он жаждал этой гибели.

Ярослав всегда был лишь сторонним наблюдателем: он наблюдал, подмечал, откладывал в памяти. Потому что знал, что любая мелочь может пригодиться в будущем.

Но сегодня внимание его привлекла новая пара: Злата и Эрик. Они словно были созданы друг для друга. Будто две половины одного единого механизма.

И все смотрели на них: кто с завистью, кто с ужасом и недоверием.

А Ярослав в тот момент понял, что эти отношения нужно обрубить на корню. Пока всё не зашло слишком далеко.

Глава девятая. Секреты

И я понимаю, что не все секреты можно узнать. Они похожи на тёмные узоры, украшающие некогда совершенно чистый лист. Я лишь хочу знать, какие из этих узоров связаны со мной.

Тошно. Отвратительно. Мы танцевали, я прикасалась к нему, позволила быть так близко ко мне.

И я чуть не погибла из-за своей глупости, поддавшись совершенно неуместным чувствам. Мою жизнь могло прервать существо из их мира. Вновь.

Хотя Эрик и спас меня, но это ничего не меняло. Он был монстром, и об этом не стоило забывать.

Моё тело трясло от отвращения. Я не могла забыть правды, не могла представить Эрика обычным человеком. Я заплакала, словно слёзы могли смыть всю ту грязь, что лежала на мне.

Демон. Так сказал ырка. Ни оборотень, ни вампир. Демон. Понятно, почему ему так легко удалось выбить меня из равновесия, заставить сомневаться.

А ведь тогда...

Память беспощадно отбросила меня на четырнадцать лет назад.

Мне шесть лет. Я спокойно играю на детской площадке. Мама куда-то отошла, но я знаю, что она скоро должна вернуться. Так иногда бывало. Она либо полностью доверяла мне, либо ей было всё равно. Мне было одиноко: Рома простудился и остался дома, а другие дети всегда избегали меня. В обычные дни он был моим единственным товарищем по играм. Чтобы хотя как-то развлечься я рассматриваю незнакомцев.

Люди часто боятся выделяться среди себе подобных. Они одеваются в серую, повседневную одежду и сливаются с массой. Но я вижу незнакомца. Он будто появился из сна. Редко встречаются настолько красивые люди.

Я удивляюсь, когда его тёмные, как ночь глаза смотрят на меня. Он улыбаётся мне странной и жуткой улыбкой. Но я больше не чувствую себя, словно кто-то руководит мной. Я иду следом за странным незнакомцем, не обращая внимания ни на что вокруг.

Я знаю, что детская площадка осталась далеко позади. И мама уже на-верняка вернулась. Она, наверное, уже начала паниковать. Но всё это кажется пустым и далёким.

Незнакомец останавливается. Мы с ним находимся одни в каком-то тёмном переулке. Впервые, мне становится страшно. Он медленно поворачивается. И когда я вижу его глаза, всё моё существо сжимается от страха. В его глазах горит красный огонь, и я осознаю, что передо мной вовсе не человек. Тени шепчут мне лишь одно слово: "смерть". Я не знаю, что мне делать: бежать, кричать или драться. Вместо всего этого я словно приросла к одному месту. И, кажется, меня уже ни чем не сдвинуть. Незнакомец снова улыбается, и на этот раз я вижу его белые клыки. Я не могу отвести от них взгляда. Но в какой-то момент ужас помогает мне очнуться, и я отступаю назад.

Чудовище бросается на меня. Я вытягиваю вперёд руки, кричу, а затем наступает тьма.

Медленно я вернулась в настоящее. Дыхание сбилось, я, словно пережила всё заново.

Забавно, что окончание истории мне так и не удалось вспомнить. Я не знала, что произошло после того, как вампир бросился на меня. Я словно провалилась во тьму, а очнулась уже в больнице. Все говорили, что я подцепила какой-то грипп, у меня поднялась температура, и я потеряла сознание. С тех пор мама относилась ко мне менее халатно.

В самом начале пути, до того как мне исполнилось шесть лет, она не слишком сильно меня любила. Нам потребовалось время, чтобы наладить отношения друг с другом. И ещё немного времени, чтобы полюбить.

Именно из-за этого случая я так сильно боялась Эрика. Все существа другого мира вызывали у меня отвращение. Это чувство было у меня в крови, и оно отравляло все мои мысли и эмоции. Оно было сильным, не позволяло просто так через него перешагнуть.

Теперь как будто существовало две Златы: одна я плакала и рвала своё платье, другая думала, что нашла себе чудесного друга.

Через несколько часов в мою комнату вошёл Рома. Он сразу же заметил моё заплаканное лицо, подошёл ближе. Поднял меня с пола и отнёс на кровать. Нащупал в темноте застёжку платья, расстегнул её, аккуратно стянул этот по-рванный клочок ткани с меня.

Я словно лишилась воли, позволила ему делать со мной всё, что ему заблагорассудится. Он лёг рядом со мной, его ладонь покоилась на моем животе.

— Ты меня не любишь, я знаю. Ты хочешь, чтобы рядом с тобой кто-то был, — я хотела возразить, но Рома прервал меня, — я не против.

Я закрыла глаза. Пусть всё идёт своим чередом.

И через спокойствие настойчиво пробивалось отвращение.

Одно я знала точно: этот узел нужно разрубить раз и навсегда.

— Я... — но тут я всё же нашла в себе силы, подала голос:

— Забудь, Рома. Не произноси этих слов. Ты брат для меня и только. Я хочу сделать многое для твоего счастья. Но то, что ты просишь, невозможно.

Он поднялся с кровати, бросил на меня уничтожающий взгляд.

— Ты... Впрочем, неважно.

Он вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. А я осталась наедине со своими мыслями.

Утром все мои сомнения развеялись. И я решила вести себя, как обычно: буду приветливой со всеми, буду оказывать помощь каждому, кто попросит, но я не буду сближаться с Эриком. Он не должен был стать моим другом. Пусть наши отношения останутся на том уровне, на котором они сейчас.

Обычно я всегда читала книги по утрам, но жизнь в этом странном месте выбила меня из колеи. И когда этим утром я решила начать чтение какой-нибудь книжки, то меня ждало неприятное открытие: все книги, которые я взяла с собой, были давно уже прочитаны. В нашем новом доме книг тоже не оказалось. Но ба-бушка утешила меня, сказав, что в деревне есть небольшая библиотека. Поэтому после завтрака я сразу же направилась туда.

Отыскать её было не трудно. Она находилась в самом центре деревни. Это было небольшое одноэтажное здание с белыми стенами, а на окнах были резные ставни. Казалось, оно появилось из другой Вселенной. Маленький, сказочный до-мик среди груды старья.

Наверное, минуту я стояла возле двери, не решаясь открыть её. Сердце билось быстро в ожидании чего-то, будто открыв эту дверь, что-то навсегда изменится в моей жизни.

А потом, легонько толкнув дверь, я вошла вовнутрь. На меня сразу же обрушился запах

книг. Знаете, старые книги пахнут всегда как-то по-особенному.

На моих губах застыла блаженная улыбка, когда я увидела стеллажи заби-тые книгами.

Женщина средних лет спросила меня, чем я интересуюсь, и предложила помочь. Но я вежливо отказалась. Мне нравилось самой копаться в книгах. Выби-рать их — ответственное задание.

Книги были расположены в алфавитном порядке — я начала с буквы "А".

Трудно описать словами восторг, который я испытывала в тот момент. Но я не замечала ничего вокруг. Не было ничего удивительного в том, что я не заме-тила, как ко мне кто-то подошёл:

— Тебе чем-нибудь помочь? — от неожиданности я выронила книгу. А вот Эрик стоял, как ни в чём не бывало, облокотившись на книжные полки. Только его глаза, казалось, смеялись. Он наблюдал, как я неуклюже поднимаю книгу с пола.

Эрик всем своим видом пытался искусить меня, но я оставалась собой. Я чувствовала страх, хотя он и не был слишком сильным. И влечение, которое я почти научилась подавлять.

— Я и сама справлюсь, — и снова существовало две Златы. Одна хотела, чтобы он быстрее ушёл, другая жаждала, чтобы он остался. Я понимала, что по-ступаю грубо, и, возможно, веду себя, как ребёнок.

А ещё я знала, что так больше продолжаться не может. Мне осталось здесь жить не так уж долго. А после в моей жизни не будет никого из здешних знако-мых. Я снова вернусь к спокойствию, уюту. Возможно, найду себе постоянную работу, сотру прошлое, начну новую жизнь без ошибок, сожалений и боли.

Поэтому я решила быть более мягкой по отношению к Эрику:

— Хотя, ты не мог бы посоветовать мне книгу по истории? И... что ты здесь делаешь?

Не то, чтобы меня сильно интересовала история, но это первое, что пришло в голову.

— Я здесь работаю. Иногда.

— Так сильно нужны деньги? — я не могла удержаться от сарказма.

— Я делаю это не ради денег.

— А ради чего? — мне действительно стало интересно.

Эрик взглянул на меня с удивлением:

— Мне нравится эта работа. Здесь я могу быть собой.

Он охотно согласился помочь. Мы провели время, копаясь в книгах. Эрик, как и я, был одержим этим, он прочитал так много книг и знал столько всего ин-тересного, что это не укладывалось в голове. Литература — его страсть. И моя. Эта странная страсть отражалась в глазах и объединяла нас.

Я увидела в этом порождении тёмного мира родственную душу. Стало вдруг так легко представлять, что Эрик всего лишь человек.

Ни Рома, ни мама не любили книги. Они читали их только в случае необ-ходимости, поэтому обсуждать прочитанные истории мне было не с кем.

И тут вдруг на моём пути возник идеальный собеседник. Помимо каких-то общих историй, тайн, у нас появился общий интерес.

Зачастую нам нравились одни и те же книги, но на некоторые ситуации мы смотрели по-разному. Я чётко разделяла, где добро, а где зло, для Эрика этих по-нятий не существовало вовсе, казалось, он мог оправдать даже самого нелицепри-ятного персонажа. Мы спорили, мы почти кричали друг на друга во время спора. И в итоге каждый из нас всё

равно оставался при своём мнении. В этом месте время для нас текло по-другому, и не существовало больше никаких различий между нами. Было лишь двое людей, безумно любящих книги.

Но пришло время расстаться, и иллюзия рассыпалась в прах. Теперь мы снова были по разные стороны баррикады.

— Ещё увидимся, — Эрик ушёл, а я ещё немного решила побыть в этом священном месте.

Странно, что я по-прежнему чувствовала его присутствие, словно какая-то его часть осталась со мной. Что-то изменилось между нами, но я не понимала что именно: будто сломалась та стеклянная перегородка, отделявшая нас друг от друга. За маленький промежуток времени мы стали почти что друзьями.

Он вторгся в мой мир, не спросив разрешения, и не собирался покидать меня, как бы отчаянно я не сопротивлялась, в моей жизни появился кто ещё помимо Ромы и мамы, и этот кто-то пытался занять в мире, принадлежавшем только мне, определённое, прочное место. Он — ураган, он ломал мои кости изнутри, разрушая все мои принципы и мою веру.

Я уже собиралась уходить, когда моё внимание привлекла книга с историей деревни. У неё была ничем не примечательная обложка зелёного цвета. Я провела пальцами по корешку, ощутила холод. Всё же решила открыть первую страницу. Меня сразу же привлёк изображение белого волка с человеческим взглядом. Под картинкой кто-то сделал красивую подпись: "Судьба". На следующей странице было стихотворение:

*В лесу судьбу мы сотворили,
И тьму из света оживили.
Теперь среди зверей в лесу,
Судьба там воет на луну.
И плачь мы слышим в темноте,
Но тьма и в сердце, и в душе.*

Я перечитала стихотворение несколько раз. Было в нём что-то такое, что оживляло память. Но воспоминание ускользало вновь и вновь.

— Можно с тобой поговорить? — звонкий голосок вывел меня из размышлений. Я подняла голову и увидела Лину. Никогда мне не приходилось видеть эту девушку вблизи, Рома говорил, что у неё очень необычные глаза, и я теперь поняла почему. Я первый раз в жизни видела глаза такого цвета: они были миндалевидной формы, а их насыщенный фиолетовый цвет притягивал к себе внимание.

— О чём ты хотела поговорить?

Было что-то странное в этой девушке: она была невероятно красивой, но в каждом движении сквозило что-то смертоносное. Казалось, она в любой момент может свернуть кому-нибудь шею.

Я чувствовала её природу кожей, ощущала страх и холод её смерти. А так же силу её жажды крови.

— Держись подальше от Эрика, — прошипела она.

Мы уставились друг на друга, словно вели невидимый бой. Я пыталась понять, что она имела в виду под своими словами. Ведь я ещё ни разу не искала с ним встречи по собственному желанию, он сам находил меня. И если бы было возможным, я бы хотела вообще никогда его не видеть.

А ты, однако, лгунья, Злата.

Нет, просто мне интересно, кто он. Но этот интерес может привести меня к гибели.

— Я бы рада, да он сам меня находит, — хотя мой голос и звучал спокойно, про себя я молилась. Лина не спускала с меня пристального взгляда. Я знала, что она не могла прочитать мои мысли, но мне всё равно стало страшно.

Я хотела уловить момент для того, чтобы сбежать. Но при первой же попытке Лина ухватила меня за локоть. Её острые когти больно впились в мою кожу, и я закусила губу, чтобы не закричать.

— Ну, уж, нет, маленькая ищейка. Даже не думай, сбежать. Думаешь, я не знаю, что ты уже пронюхала, кто я? — в каждом её слове был яд. Она ненавидела меня настолько сильно, что, казалось, могла убить взглядом.

— Убьёшь меня?

— Заманчивая идея, но не сегодня, — она отпустила меня, — беги, Злата. Беги.

Меня не надо было долго упрашивать. Я взяла выбранные мною книги и выбежала из библиотеки.

Я сбавила шаг лишь, когда оказалась на улице и могла спокойно поразмышлять над всем, что со мной произошло.

Стоило ли мне дальше копаться во всём этом? Всё становилось таким опасным... Эрик увлёкся мною неспроста. Ему что-то от меня нужно... но вот что?

Как же мне защитить Рому? Как же мне самой спастись? О чём думала наша мать, когда отправляла нас сюда?

Неожиданно я приняла решение. Мы просто должны сбежать, пока ещё у нас есть время. Плевать, что подумают другие, главное выбраться из этого змеиного клубка. Мы должны уйти сегодня же.

Моё внимание привлекла одна картина: Эрик помогал двум маленьким ребятам снять котёнка с дерева. Он залез на дерево в считанные секунды. Я впервые видела, чтобы кто-то так быстро лазил.

Маленький котёнок не испугался парня, наоборот он обрадовался, что кто-то хочет его спасти. Эрик не стал тратить времени на спускание с дерева. Он просто спрыгнул оттуда. Если учесть, что дерево было достаточно высоким, то обычный человек переломал бы себе все кости. Но с Эриком ничего не случилось, он просто приземлился на две ноги. Меня удивило, что он совсем не скрывал своей сущности. Значит, все здесь знали правду? Это многое объясняло. И это ещё больше убедило меня в том, что мы должны бежать.

Эрик очень нежно обращался с детьми, а они, похоже, любили его. Спрятавшись за деревом, я наблюдала, как они играли. И моё сердце потихоньку оттаивало. Я никогда не думала, что Эрик способен о ком-то заботиться.

Как он мог быть таким разным? Жестоким, властным, надменным, но в то же время заботливым и добрым?

— Следишь за мной? — в одно мгновение он оказался возле меня.

— Нет, я просто... — я смутилась, а Эрик рассмеялся. Его смех был настолько искренним, что я невольно почувствовала теплоту к этому человеку. Я улыбнулась, сама не заметив этого. Радость от чего-то неизвестного охватила меня.

Я чувствую свет внутри себя, он переполняет меня.

Я шутливо пихнула парня в бок, и мы оба рассмеялись чему-то, что было ведомо только нам двоим.

— Я могу проводить тебя? — он произнёс это таким тоном, что я просто не могла ему

отказать:

— Думаю, что да, — мы смотрели друг другу в глаза, и, казалось, оба наслаждались этим мигот. Если я хотела сбежать, то могла сегодня побыть с ним, узнать его. И мне нужно было задать ему вопросы.

Эрик попрощался с ребятами. Они выглядели огорченными, но он пообещал поиграть с ними на следующий день.

Он не обратил ни малейшего внимания на мои возражения и забрал у меня пакет с книгами.

— Идём, — Эрик протянул мне свободную руку. И как ни странно я приняла её. Наши пальцы переплелись, и я ощутила правильность всего происходящего.

До моего дома мы шли, болтая о всякой ерунде. Сначала разговор у нас не клеился, но потом Эрик взял инициативу в свои руки, и слова полились из наших ртов потоком.

Я и не заметила, как мы подошли к моему дому. Храбрость покинула меня, нужно было спросить, но я просто молча смотрела на Эрика.

— Ну, я пошёл? — он неуверенно отпустил мою руку и сделал шаг назад.

— Нет, — я удивилась твёрдости, прозвучавшей в моем голосе, — нам нужно поговорить. Подожди здесь, — я зашла в дом за едой для Фреда. Мне нужно было время, чтобы собраться с мыслями, хотя я и боялась, что Эрик просто уйдёт.

Но когда я вернулась, он стоял на том же самом месте. Я жестом показала ему следовать за мной. Он шёл чуть позади меня, медленно, словно опасался чего-то.

Мы зашли в сарай. Фред обрадовался, увидев меня, но запаниковал, когда в поле его зрения появился Эрик. Он чувствовал его природу, он знал, какую опасность представляет мой гость.

— Так вот твой знаменитый питомец? Я всё гадал кто же такой Фред: пёс, кот, жеребец, птица... Оказался он оленем. Да, Злата, ты умеешь удивлять.

Эрик протянул олененку руку, тот принялся и начал пятиться назад.

— Тебя не очень-то любят животные, — сказала я. Не слишком хорошая фраза, чтобы начать серьёзный разговор, я мысленно себя отругала.

— Чувствуют, что я не могу быть их другом, — он замолчал, как бы давая мне шанс, сказать что-нибудь, но я молчала, поэтому он продолжил: — тут ему не место, Злата. Я знаю одно место, я мог бы увести его туда, и он бы вырос среди себе подобных.

— И где это место? Примут ли его обратно его же сородичи?

— В лесу, там есть один человек, он заботится о диких животных.

— Кто этот человек?

— Женщина, она раньше жила в деревне, — он замялся. — Бог мой, Злата, ты что думаешь, что я хочу убить его?!

Возможно, такая мысль и промелькнула в моём воспалённом мозгу, но она была одной из многих — результат природной подозрительности, я — жертва собственных страхов. На самом деле я сама понимала, что Фреду не место здесь.

А Эрик, казалось, обиделся и собрался уже уходить, но я остановила его.

— Подожди, — он замер, а я замолчала, пытаюсь подобрать правильные слова, — извини. Я думаю, что ты прав. Ещё раз извини, мне трудно доверять другим людям.

— Почему? — один единственный вопрос, ожививший во мне множество воспоминаний.

— Это... сложно, — Эрик не стал настаивать. Мы оба застряли в неловком молчании.

— О чем ты хотела поговорить?

— О том, чего ты от меня хочешь? Ты ловко уклоняешься от расспросов, но я хочу знать правду.

Я заглянула ему в глаза и между нами началась невидимая борьба, я пони-мала это. Я выиграла, Эрик сдался. Он опустил взгляд и сказал:

— Мне нужна ты, то есть твоя сила. Я хочу, чтобы ты сняла с меня прокля-тие.

— Я не могу, — я была ошарашена его признанием. Неужели он не мог ска-зать мне этого раньше, зачем нужно было юлить и втираться ко мне в доверие?

— Это я уже давно понял. Но для меня по-прежнему остаётся загадкой, по-чему ты никогда даже не пыталась развить свои способности? Ещё вопросы? — да, чёрт подери, я хотела узнать, что за проклятие на нём лежит. Это я и спросила, но Эрик сказал, что это тайна, а поскольку я ничем не могу помочь, то посвящать он меня в неё не будет.

— Мы встречались раньше?

— Да, — и у меня тут же появился целый список новых вопросов.

— Где?

— Я не буду отвечать на этот вопрос, это личное, — я была зла, а Эрик раз-дражающе спокоен. Как так могло быть, что всего лишь пару мгновений назад я не могла представить себе собеседника лучше, чем он?

— Но...

— Не спорь, — он поднял руку, как бы защищаясь от моих расспросов.

— Если ты хотел, чтобы я помогла тебе, то почему хотел укусить? Я ведь знаю, что это был не сон.

— Это... Тебе не понравится мой ответ, — он смущено замолчал. И мне пока-залось, что он больше всего на свете желал, что бы я отстала от него со своими расспросами.

— И всё же? — но теперь я не была так уверена. Эрик подошел ближе, и ко-гда он заговорил, я проклинала и себя, и свою настойчивость.

— Я хотел тебя. Да что там, я всё ещё тебя хочу — твою кровь, твоё тело. Я думал, что если уж не смогу снять проклятия, то хотя бы развлекусь вдоволь.

Я снова его боялась, по моей коже побежали мурашки. А Эрик ушёл, оста-вив меня со своими страхами один на один.

Когда я вошла в дом, то сразу же побежала в комнату Ромы. Нам нужно было бежать срочно.

Я постучалась, но ответа не было. Тогда я открыла дверь и зашла. Мой брат лежал на кровати с закрытыми глазами. На секунду мне показалось, что он умер. Сердце сжалось от страха. Все кошмары, преследующие меня в видениях, вдруг ожили.

Но подойдя ближе, я поняла, что Рома всего лишь спит.

На его шее я заметила неаккуратно прилепленный пластырь. Меня охва-тила паника, я протянула руку, чтобы дотронуться до него, но тут Рома про-снулся.

— Ты чего, Злата? — он заметил, что я пристально рассматриваю его шею, улыбнулся, как бы давая мне понять, что беспокоиться не о чем. — Представляешь, какой я неудачник? Хотел отрезать нитку на рубашке, отвлёкся и попал себе по коже, — я не верила ему, ни единому его слову.

— Не ври, — я подошла к нему, чтобы помочь подняться, — здесь был вам-пир?

Я внимательно осмотрела комнату: окно распахнуто настежь, но никаких следов вторжения нет.

— У тебя мания, сестрёнка, — он попытался пошутить, наверное, чтобы скрыть тревогу. Но я слишком хорошо его знала и чувствовала, что он что-то не договаривает. А ещё я ощутила жуткое желание мести за него, я была готова уничтожить любого, кто посмеет причинить ему боль.

Со мной нечасто такое случалось — в моей крови рождалась ненависть, она текла по моим жилам, сводила с ума.

— Кто? — прошипела я.

— Злата, здесь никого не было, — он схватил меня за плечи, — просто верь мне, — он наклонился ко мне, — верь мне, как я верю тебе.

— Мы должны бежать отсюда, Рома, как можно скорее. Это тёмное место, оно погубит нас, — я дотронулась до его щеки, как делала в детстве, когда хотела сказать ему что-нибудь особенно важное, — мы убежим сегодня же, — но теперь он воспринял этот невинный жест несколько иначе.

Я убрала его руки с моих плеч и отошла в сторону. Гнев ушёл, словно его и не было вовсе.

— Злата, что ты со мной сделала? — он схватился за голову. — Я не понимаю. Мы ведь выросли вместе... Это похоже на помешательство. Я всегда любил тебя, как сестру, у меня были девушки. Но теперь я ни на кого смотреть даже не могу. Меня словно прокляли, — он замолчал, что-то обдумывая, а потом посмотрел на меня и сказал, — мы уйдем, но ты...

Он не договорил, запнулся на полуслове, словно сам испугался своих мыслей. В его глазах появился странный лихорадочный блеск.

— Я твоя сестра и твой друг, — как же отчаянно я стремилась сохранить ту хрупкую нить, что ещё связывала нас. Но мне не удалось понять лишь одного: я спасала себя от кошмаров, а его бросала в пропасть.

— Нет. Пойми, наконец, что мне этого всегда будет мало!

Я думала, размышляла. Важным было лишь уйти отсюда, сбежать из проклятого места, а когда мы будем в безопасности, то я поговорю с ним и объясню всё или просто исчезну.

— Да, я понимаю, — мой голос звучал тихо и надломлено.

Я не выдержала, что-то сломалось глубоко внутри меня. Защитный механизм вдруг перестал срабатывать. Я пустила в свой мир слишком много новых людей.

— Что ты творишь, Рома?! Что вас всем от меня нужно?! — я не плакала, но была на грани истерики. Мой голос сорвался до крика, будто я надеялась этим привести Рому в чувства, объяснить всё, что хотела.

Дождаться его ответа мне не хотелось, я выбежала из комнаты. Дверь с грохотом захлопнулась.

Неужели даже ты будешь пытаться меня сломить, разрушить то, что мы так долго создавали. Иллюзию покоя.

В гостиной стояло старое красивое пианино, я умела играть и хотя делала это не слишком хорошо, но мне нужна была музыка.

Когда все нормальные дети играли на улице со своими друзьями, я играла на пианино. Музыка всегда успокаивала меня, а покой — это всё что нужно времени.

Мелодия лилась из под моих пальцев — чарующие звуки — я не собиралась играть что-то уже созданное. Я сама придумывала сюжет: он рождался у меня в голове, а мои пальцы рассказывали его. Музыка была, то нежной и изящной, то грубой и неумелой. Я понимала, что никогда не смогу повторить её, я не запомнила: в тот момент она родилась, но ей было

суждено умереть в скором времени, и даже создатель не будет её помнить. Трагично, жестоко, но необходимо.

Весь зал наполнила музыка, она была в каждом тёмном углу, она побеждала мрак, пронизывала его и приносила свет.

Вечером к нам зашёл Дима, я удивилась его хорошему настроению. Обычно угрюмый и осторожный, в этот вечер он был своей полной противоположностью. Рома вышел из своей комнаты, поздоровался с гостем и бросил на меня парочку злых взглядов.

А потом Дима предложил мне прогуляться, и я охотно согласилась.

Мы помирились, и снова стали почти друзьями. Как и в первую прогулку, я попросила его что-нибудь рассказать.

— Ладно, что бы ты хотела услышать?

— Просто, расскажи что-нибудь. Мне нравится, как ты рассказываешь.

— Надеюсь, ты любишь страшные сказки?

Отступление

Произошло что-то странное, необъяснимое. *Злата*. Он часто произносил её имя вслух, словно старался распробовать на вкус. И каждый раз её имя вызывало улыбку на губах и неожиданную радость. Конечно, эта радость не была сравнима с той радостью, когда он видел её. Жажда крови постепенно ушла на второй план, и он почти чувствовал себя человеком. Но всегда присутствовало это мерзкое слово *почти*. Именно оно всё портило. Почти друг, почти человек.

Злата. Эрик видел её в каждой девушке. Она была частью всего мира. Именно той частью, которую нельзя убрать. Казалось, она была сердцем жизни. Она и была самой жизнью.

Ему нравилось быть рядом с ней. Хотя было одно большое но. Она была ангелом, а он рядом с ней чувствовал себя истинным дьяволом.

Эрик помни её ещё ребёнком. Он обязательно расскажет ей всю правду, но не сейчас. Ещё слишком рано. Если бы он рассказал сейчас, то нанёс бы Злате удар. А он не хотел вредить своему новому другу.

Весь мир горел, и только *она* могла его спасти. Эрик никогда не мечтал встретить кого-то вроде Златы, он просто хотел снять проклятие. Но у судьбы были другие планы. И теперь Эрик мечтал лишь о том, чтобы не потерять странную девушку с красивыми глазами. Судьба вела нечестную игру, она заставляла испытывать слишком сильные и противоречивые чувства.

А ещё Эрик понял, что её глаза — единственная надежда в этом мрачном царстве.

Для Ярослава всё было проще. Он не стремился к свету. Его уделом была тьма. Он сам стал тьмой. Он разрушал, а не создавал. Но в этом мире было существо, о котором он заботился. Заботился по-настоящему. Он знал, что даже, если ему пришлось бы сжечь весь мир, то Злата была бы в безопасности. Это было его мантрой. Его личной клятвой, которую он дал сам себе. И которую он намерен был исполнить любой ценой. Он был уверен, что в

этом мире не было ничего святого, но Злата была иной. Если и есть в этой жизни что-то хорошее, то Злата олицетворяла это. Всем своим существом. Она была светом, который охраняла тьму.

И Ярослав понимал, что нельзя оставлять Злату в неведение. Потому что оно и есть главная опасность.

У Оли было много недостатков. Но среди всего этого множества один выделялся ярче других. Она не умела хранить секреты. Роме почти не пришлось прилагать никаких усилий, чтобы услышать желаемое. Оле посвятила его во все тайны их мира.

Он знал, что использовать девушку эгоистично, но при этом не испытывал ни капли жалости к ней. Она напоминала ему избалованного ребенка, который ни в чем не знал отказа.

Её общество тяготило его, от её долгих речей он чувствовал себя измотанным.

Он придумал какую-то глупую отмазку, чтобы избавиться от девушки.

Дома никого не было, Злата ушла в местную библиотеку, а это значило, что Рома не увидит её ещё пару часов. Его сестра и книги — отдельная история.

Ему так хотелось поговорить с ней, но её не было рядом. Между ними существовала глубокая психологическая связь, и в трудные времена именно эта связь позволяла Роме сохранять рассудок.

Он зашёл в свою комнату и заметил, что окно было распахнуто настежь. Рома точно помнил, что, когда уходил из дома, окно закрыл.

Он аккуратно, не создавая лишнего шума, прикрыл дверь. Вряд ли кто-то решит пробраться в дом таким путём, проще влезть через кухонное окно, ведь оно было почти всегда открыто. Вполне логично, что либо Злата, либо бабушка открыли окно, но Рома всегда был насторожен. Мать учила его подмечать любые изменения.

— Твоя сестра скоро придёт, — он услышал знакомый голос где-то справа от себя, а позже и увидел его обладательницу.

Лина. Девочка с фиолетовыми глазами и снежно-белыми волосами. Сумасшедшая.

— Мы встретились с ней в библиотеке, знаешь она такая грубая, невоспитанная. Вашей матери следовало лучше следить за вами.

Рома не знал, что ему делать, он на какое-то время лишился дара речи и просто смотрел на сумасшедшую девчонку в его спальне.

— Как ты здесь оказалась?

— Надо же! Каменная статуя, наконец, ожила! — на её лицо появилось притворное удивление. Девушка подошла к письменному столу. — "Повесть о двух городах"? — она взяла в руки книгу, которую недавно Рома начал читать. По правде сначала он просто хотел произвести на Злату впечатление, но книга на самом деле увлекла его. — Серьёзно? Не думала, что нынешнее поколение, а тем более парни, такое читают.

— И чем же плоха эта книга?

— Книга отличная, вот только люди уже не могут по достоинству оценить её.

— Ты не ответила на мой вопрос, — Рома, наконец, обрёл былую уверенность, но всё равно отчего-то чувствовал себя загнанным в ловушку.

— Надо закрывать окна, тогда в доме не будет незваных гостей, — Лина улыбнулась какой-то хищной улыбкой несколько не сочетающейся с её невинным видом, — опасных незваных гостей.

Казалось, девушка изменилась, в ней появилось что-то опасное. В лучах заходящего

солнца её красота была дикой и неправильной.

Несмотря на летнюю жару в комнате вдруг стало холодно.

— Зачем ты здесь? — голос прозвучал тихо, Рома ощутил страх. Но было ещё другое чувство, оно возникает, когда человек стоит на пороге удивительного открытия.

Лина неожиданно оказалась слишком близко.

Рома ощутил её теплое дыхание на шее, по его коже побежали мурашки.

— Передай своей сестре, что она должна знать своё место. Если же и снова будет мне перечить, то, — и она укусила его. Он ощутил острую боль и попытался оттолкнуть девушку, но она неожиданно оказалась сильнее его.

Он не мог пошевелиться, а вскоре все попытки спастись сошли на нет. С каждой каплей крови боль медленно сменяло наслаждение, а за наслаждением следовало забвение. Рома даже не понял, когда всё закончилось.

Глава десятая. Всё изменится

Наше прошлое может хранить страшные секреты. И эти секреты способны погубить тебя.

В тот вечер Дима рассказал много красивых легенд. И я будто была не-много зачарована. Время остановилось, и я не заметила, как на улице стемнело. Ночь подкралась незаметно и украла то чувство безопасности, что даровал день.

Дима проводил меня до дома. Он ушёл, а я осталась стоять возле дверей, не решаясь войти. Странное предчувствие полностью завладело мной. Это так знакомо: предчувствие события, которое навсегда могло изменить текущий ход вещей.

Я вытащила кристалл из кармана кофты. Он придавал мне какую-то странную уверенность в том, что всё будет хорошо, и я почти перестала с ним расставаться. Он был источником силы, которая могла меня защитить.

Я уже готова была войти в дом, когда увидела тень, мелькнувшую в саду.

На ночном небе не было ни одной звезды. Луна взошла совсем не давно, поэтому трудно было что-либо разглядеть. И я, движимая каким-то странным любопытством, пошла в сад. Возможно, в итоге я совсем потеряла чувство самосохранения или же любопытство было моим главным пороком. Я никогда не считала себя храброй, наоборот излишняя трусость всегда сопровождала меня, но жизнь в этом странном месте изменила многое, в том числе и меня. В лучшую сторону или худшую известно не было, но я знала, что уже никогда не буду прежней.

Я надеялась... Хотя не знаю, на что я надеялась. Возможно, на то, что таинственной тенью окажется Эрик. Но Эрика в саду не оказалось. Зато там был кое-кто другой — тот, чьё присутствие внушало лишь страх.

Ярослав прислонился спиной к яблоне и не сводил с меня пристального взгляда. Я подошла достаточно близко, чтобы разглядеть его необычайно зелёные глаза. Они, казалось, горели зелёным огнём, это притягивало, и я была не в силах отвернуться.

А потом что-то случилось: я лишилась и воли, и свободы. Настоящую меня словно закрыли в ловушке, и моё тело превратилось в безвольную куклу. Тихий голос манил за собой. Я шла вперёд, не замечая ничего. Всё вокруг окутал густой туман.

И снова всё утратило значение: я не понимала, где нахожусь и сколько времени иду. Не было разницы между одной секундой и одним годом.

Голос приказал остановиться, и я подчинилась. Пелена спала, и я обрела зрение, слух и собственную волю. Я озиралась по сторонам, должно быть, с не-много глупым видом. Мрак, ночная прохлада, высокие деревья помогли понять, что я нахожусь в лесу, а рядом со мной, привалившись к дереву, стоял Ярослав.

Я огляделась вокруг и поняла, что не зашла слишком далеко, медленно начала пятиться к выходу. И на секунду Ярослав исчез из моего поля зрения, а когда я обернулась, то увидела его рядом с собой. Он ухмыльнулся, заметив мою растерянность.

— Привет, сестрёнка, — радостно произнёс он. Я молчала. Мой мозг не мог придумать ничего, и мне осталось лишь принять безвыходность своего положения.

Глаза Ярослава поразительно быстро меняли оттенки. Они становились, то салатового, то тёмно-изумрудного цвета. Его глаза были отражением странного мира, и посторонним вход туда был закрыт.

Я начала обращать внимание на детали, и обнаружила, что многие черты его лица похожи на мои. У нас были одинаковые носы, глаза, губы.

Теперь фамильярное обращение Ярослава приобрело для меня особый смысл. И страх невольно сковал сердце. Я была не уверена, что хочу знать правду. Потому что одна догадка не давала мне покоя: что, если я и Ярослав — родственники?

Моим первым порывом было убежать, но Ярослав предупредил меня взглядом. Мне не сбежать, не спрятаться. Он меня не отпустит никогда.

— Зачем торопиться? Я думал, что мы поговорим, — его голос звучал лениво, но я уловила нотку угрозы.

Во всём его поведение было что-то от большого ленивого кота, которого не стоило недооценивать. Вот он просто стоит и разговаривает с тобой, а в следующую секунду впивается в горло.

— Нам не о чем говорить.

— Разве? — он вопросительно поднял бровь, и на губах его застыла ухмылка. — А я думал, что ты хочешь меня кое о чем спросить, сестрёнка.

Неожиданно я поняла, чего он добивается. Он цеплялся за слово "сестрёнка", как за спасательный якорь. Ему хотелось, чтобы я сама начала разговор, чтобы я задавала вопросы. И мой главный порок — любопытство — почти усмирил страх, но даже любопытство не могло победить раздражения.

— Не называй меня так! — мне не хотелось слышать это слово из его уст, мне, казалось, что смысл, который он вкладывает в него, не сулит ни кому ничего хорошего.

— Сестрёнка, почему же? — он аккуратно дотронулся до моей щеки пальцами. — Боишься правды, Злата? Идём со мной, и я расскажу тебе, кто ты есть.

— Нет, — я изо всех сил начала мотать головой в знак полнейшего отрицания.

— Но правду всё равно услышать придётся, — он сделал паузу, а потом заговорил мягким и тихим голосом, — ты моя сестра. Сестра по крови и по духу. У нас с тобой один отец и одна мать, а души наши слеплены из одной материи.

— Нет. Этого не может быть.

В крошечной тьме единственным источником света оставались его глаза. Мне бы хотелось, чтобы он солгал. Потому что ложь в этот раз принесла бы облегчение. Но, смотря в его глаза, я знала, что он говорит чистую правду. Я понимала, что после этого разговора, уже ничто не будет прежним. И я больше не смогу быть прежней.

— Ты же сама понимаешь, что это правда, — он смотрел на меня с удивлением, и в голосе его я неожиданно услышала тёплые нотки, — и, по-прежнему, пытаешься отрицать? Мы не так уж и различны, хотя ты всё время цепляешься за это. Ты думаешь, что я жесток, но и ты не так уж и невинна. Ты тоже убийца, Злата, хотя и не по своей воле. Я прав?

Его слова разбудили во мне воспоминания, которые я всеми силами старалась стереть.

Я понимала, что Ярослав говорит правду, но не могла полностью её принять. Большинство из нас мечтает об идеальной репутации, но её ни у кого никогда не будет. У каждого есть пятно в биографии, а у меня оно слишком большое.

— Я не уверена, что хочу знать.

Наступило молчание. Долгое гнетущее молчание, которое, казалось бы, не кончится

никогда. Ярослав смотрел на меня, я смотрела на него. И всё это напомидало борьбу. Мы боролись друг с другом, но я заметно проигрывала. Новость, которую он сообщил мне, выбила меня из колеи, лишила возможности бороться дальше. Мне, казалось, что я смотрю какой-то странный фильм, будто всё происходящее лишь вымысел режиссера. И хотя фильм был интересным, мне хотелось, чтобы он быстрее закончился.

Тишина становилась почти невыносимой, но неожиданно её разрушил пронзительный женский крик. Я вертела головой во все стороны, пытаюсь понять, откуда доносится звук. Но, казалось, кричал сам лес.

У меня заболела голова. От этой боли нельзя было спрятаться, скрыться, она поглощала целиком. Я обхватила руками голову, пытаюсь усмирить её, но всё было тщетно. А потом я потеряла сознание.

Знаете, чтобы я не говорила до этого, я верю в то, что в мире нет совершенного зла. Никто не рождается плохим. Зло растёт в нас со временем, и чаще всего мы создаём его сами. Нельзя говорить, что люди жестоки от природы. Они иногда глупы, иногда легковёрны и часто подвержены страстям. Я тоже была такой, но один человек перевернул мой мир навсегда.

Я не знала, сколько времени провела без сознания. Мир превратился в сплошное чёрное полотно. Когда я открыла глаза, то поняла, что что-то изменилось. Моё зрение стало иным.

И, наверное, именно тогда я увидела лес так, как его видят лесные обитатели. Идеально изогнутые ветки деревьев словно изображают сказочных животных. Листва невероятно зелёного цвета шумела от малейшего колебания ветра. Лесной туман больше не выглядел зловещим, он просто скрывал это чудесное место. Он просто не позволял людям разрушить дом существ, обитающих здесь.

Ярослава не было видно, но я знала, что он где-то поблизости. Так же, как я знала то, что он сказал мне правду.

Мне не пришлось долго ждать его появления. Я заметила, как тень проскользнула среди деревьев. Затем тень оказалась у меня за спиной.

— Боишься?

— Не очень.

— А стоит. Я не намерен отпускать тебя назад.

Я обернулась. Мне нужно было скорее бежать прочь, но я просто смотрела на своего внезапно объявившегося брата. На моём языке крутилась тысяча колкостей в его сторону, но ни одна из них не слетела с моих губ.

Я думала: как такое могло произойти? Как моим братом мог оказаться тот, кто убивает людей?

Ярослав что-то говорил, но я его не слушала. Лишь отдельные слова долетели до моего воспаленного сознания: кровь, жертва, убийство, боги, сестра.

Смысл этих слов ускользал от меня. Ярослав, должно быть, понял, что я его не слушаю. Он прервался на полуслове и резко схватил меня за руку.

— Ты даже не представляешь, чего мы сможем достичь вместе, — в его глазах загорелся безумный огонёк. И на мгновение мне показалось, что Ярослав и сам далеко от этого места. Он жил в своей Вселенной, так далеко от людей.

— Я не буду убивать. И ты знаешь это, — мой голос слишком громкий для ночной тишины. Мои слова, словно крик отчаяния, разрезавший спокойствие леса. Но ничего не изменилось. Лес продолжал жить своей собственной жизнью. Возможно, на определённое

время он решил оставить меня одну. Быть одной — значит неминуемо погибнуть.

Ярослав снова начал раскрывать свои планы. И какая-то крохотная часть меня не считала его идеи безумными. Она соглашалась с ним во всём.

А потом меня резко швырнули в реальность. И огляделась вокруг, и по-няла, что это идеальная попытка сбежать. Ярослав заметно расслабился, видя, что его речи произвели на меня впечатление. И даже не зная пути, я ринулась бежать. Мне было всё равно, что со мною будет. Я знала лишь одно — лучше умереть, чем стать кем-то вроде Ярослава.

Убежать мне удалось недалеко. Ярослав схватил меня достаточно быстро. У него была стальная хватка, она не давала шанса вырваться вновь. Я кричала и сопротивлялась, но на Ярослава это не произвело впечатления. Ни один мускул на его лице не дрогнул, когда он волоком тащил меня куда-то.

В итоге я выдохлась и сдалась.

Я никогда не отличалась особой твёрдостью. Я знаю, что на земле есть люди намного сильнее и упрямей меня. Я надеюсь, что вы не будете меня осуждать... чтобы не случилось дальше.

Ярослав больше ничего мне не говорил, да и я не проронила ни слова. Разговоры в такой момент казались глупыми.

Всю дорогу я прислушивалась к своим мыслям и чувствам, даже пыталась молиться, чтобы хоть как-то скоротать время. Потом я решила досчитать до ста, но сделала это слишком быстро. В моей памяти стали всплывать стихи, которые я когда-то учила. Я произносила их про себя с чёткостью и выражением. И в итоге мне стало смешно от того, как глупо я себя веду. Смех — мой способ усмирить страх. Возможно, он не слишком действенен. Страх никогда не уйдёт, но можно спрятать его поглубже. А это уже неплохо.

Ярослав остановился и опустил меня на землю. Он знал, что я больше не побегу, и это пугало меня. Даже Рома никогда не был уверен в том, что взбредёт мне в голову.

Мы стояли посреди каменных развалин. Я заметила, как Ярослав бережно берет старинный кубок и направляется в мою сторону. В моей памяти всплыло ведение.

— Если ты думаешь, что сможешь заставить меня выпить это, то ты глубоко ошибаешься, — ко мне неожиданно вернулась твёрдость.

Я стояла, гордо выпрямив спину. Ярослав остановился в паре шагов от меня. И глаза его сияли гордостью.

— Теперь я вижу фамильные черты.

А потом он резко сократил расстояние между нами. Он заглянул в мои глаза, и я вновь лишилась воли. Наконец-то я поняла, в чём заключался его дар. Но у меня не было противоядия от его способностей. Я словно окаменела и лишь почувствовала прикосновение клыков к шее. А потом наступила безмятежность. Я плыла по медленным водам Стикса, всё дальше погружаясь в пучину смерти. И смерть моя была прекрасной. Она приносила мне покой.

— Нет! Стой! — находясь в каком-то полузабытье, я упала на землю.

Моё сознание немного прояснилось, но было поздно, паук впрыснул в жертву яд.

Я слышала крики, при этом, совсем не разбирая слов. Кто-то нежно дотронулся до моего лица. Я слышала, что этот человек звал меня, но не могла ответить. Я уже не была собой: я была всем и одновременно ничем. Все мы лишь призраки прежних жизней. Мы прикасаемся к земле, и след наш почти не заметен. Но когда мы умираем, он остаётся после нас. В этом мире есть что-то, что никто не в силах у нас отнять.

— Злата...

— Она умрёт, если не...

— Я знаю.

— Тебе решать.

А потом кто-то приподнял мою голову и аккуратно что-то влил мне в рот. Я почувствовала солоноватый вкус и начала судорожно глотать. В этой жидкости я чувствовала своё спасение. Моя жажда росла с каждой секундой.

Я почувствовала разочарование, когда жидкость закончилась. И моя рука резко метнулась вверх, желая снова схватить пищу.

Я чувствовала, что кто-то гладит меня по волосам и пытается успокоить. Но мною овладело безумие. Я была готова рвать зубами глотки тех, кто лишает меня желанной пищи.

Сильные руки обхватили мою талию, а затем оторвали от земли моё иска-леченное тело.

Ещё немного я сохраняла ясность сознания, а затем ушла во тьму.

Отступление

Он почувствовал, что ей больно. Он не знал, где искать, но сила, которая его призывала, была чем-то большим, чем все земные чувства вместе взятые. От-чего-то Эрику казалось, что он сможет найти Злату, где бы она ни была.

Полностью отдавшись инстинктам, он бросился в чащу леса. В его голове сплетались голоса мёртвых и живых — это сводило с ума. Хотя иногда без этой особенности было сложно представить свою жизнь.

Ноги принесли его в самое сердце леса. Когда-то именно это место пода-рило ему вторую жизнь. Сейчас это место во главе с Ярославом пыталось ото-брать жизнь. Не его, но всё же. Злата была чистым и невинным ребенком. Отнять у неё душу, стереть её чистоту — вот, что было величайшим грехом.

Эрик что-то закричал. Злата никак не отреагировала на этот крик, она словно превратилась в безвольную куклу. Ярослав обернулся. В его глазах горел гнев, а губы его были красными от крови. От её крови.

И мир рухнул в бездну. И больше не было ни добра, ни зла. Была лишь де-вушка, лежащая на холодной земле, и был парень, для которого эта девушка была единственным шансом выжить.

Он ничего не сказал Злате о сущности Лины. Должно быть, его сестра уже обо всем догадалась, когда встретила вампиршу впервые.

Между ними никогда не было секретов, но теперь что-то неуловимо изме-нилось. Они больше не были откровенны друг с другом. Рома чувствовал, что Злата не всегда говорит ему правду, да и он на её вопросы отвечал осторожно, чтобы она ничего не заподозрила.

Ему хотелось разобраться с Линой самому, не впутывая в это дело никого.

Именно эта причины вынудила Рому отправиться в пятницу вечером на поиски девушки. Впрочем, она сама его нашла.

— Ищешь меня? — её голос звучал немного лениво. Она застала Рому врас-плох, и, когда он вздрогнул от её голоса, рассмеялась. — Тебе так понравилась наша последняя встреча, что ты пришел повторить. Смертные от наших укусов с ума сходят. Для них это почти что секс.

— Заткнись! — он разозлился, потому что услышал из её уст правду. Укус вампира доставлял невероятное удовольствие, и где-то глубоко в душе Рома хо-тел, чтобы Лина вновь его укусила.

— Ты передал моё послание сестре?

— Нет.

В одно мгновение она оказалась около него.

— Мне нужно тебя убить за это? — всё повторялось вновь, только на этот раз Рома замер в предвкушении очередного укуса. Он сам понимал, насколько сильно жаждет этого. Разобраться с Линой — это глупая отговорка, на самом деле он хо-тел совсем другого. И он почувствовал разочарование, когда вампирша отстрани-лась.

— Не сегодня, — она словно читала в его душе, — приходи завтра, мы с тобой поговорим, многое обсудим.

— Стой! — он схватил её за руку и притянул к себе. Рома сам не знал, что хочет сказать или сделать.

Их взгляды встретились, он попал в плен её фиолетовых глаз. Он словно на одно мгновение потерял себя, забыл, кто он и что должен делать.

А она снова убежала, исчезла среди тени деревьев, оставив его опустошён-ного, но живого.

Тень была одна, скользила в привычном пустом мире. Она жаждала мести и разрушения, полного уничтожения. Но пока это не было возможным. Нужно было ждать, а тень и так слишком долго ждала.

На улице появился незадачливый паренек, он возвращался от одной из ме-стных вдовушек и был слишком поглощён своими мыслями, чтобы заметить опасность.

Сначала тень хотела убить его, вырвать сердце, выпить кровь.

Но потом у неё возникла идея получше...

Глава одиннадцатая. Потери

Мы теряем их, всех тех, кого любим. И боль от этих потерь нельзя сравнить ни с чем.

В своих снах я парила высоко над землей. В своих снах я не была Златой. Я была никем, и одновременно я была всем. Я смотрела на жизнь с высоты птичьего полёта. От того всё происходящее на земле казалось размытым тёмным пятном. Всё в мире иллюзорно. Всё в этой жизни один большой спектакль длинную в целую жизнь. Когда один актёр умирает, другой занимает его место. И никто не помнит о других таких же актёрах. О тех, кто сгинул навсегда.

Я тоже актёр, но моя роль совсем иная. Мне нужно лишь наблюдать за всеми людьми на этой земле. Мне суждено хранить чужие тайны, при этом храня и свои собственные. Мне суждено сгорать заживо и возрождаться из пепла, храня в себе боль прожитых столетий...

Мой сон оборвался, так и не успев начаться.

Я с трудом открыла глаза, и первое, что увидела — обеспокоенное лицо Ромы.

Я знала, что он плакал. Это удивило меня, потому что я ни разу не видела его слёз. Даже когда умерла наша любимая собака, он был серьёзным и собранным, но ни одна слезинка не скатилась по его щеке. Значит, случилось что-то ужасное.

— Злата, наша мама умерла.

Я словно лишилась слуха и зрения. Смысл этой фразы ускользал от меня. Возможно, я что-то неправильно поняла. Неверие. Медленное осознание правды. Слёзы, которые нельзя контролировать.

Весь мой мир рухнул в одно мгновение. Душевная боль переросла в физическую. Мне казалось, что моё сердце превратилось в огненный шар, и этот шар жёг меня изнутри.

Я опустилась на колени, обхватила голову руками.

Закричала, что Рома лжёт, хотя сама понимала, что говорю бред.

А потом потеряла сознание.

Всё, что было потом, стало смутным сном. Я помню сочувствующие взгляды, которые на меня бросали люди. Я помню свои истерики. Помню путаницу в голове, вызванную недавно приобретёнными родственниками и смертью матери. Хотя она и была мне неродной, но я любила её больше, чем когда-либо смогла бы полюбить свою биологическую мать.

С Ярославом я не искала встречи. Я не знала, что он со мной сделал, но была уверена в том, что ничего хорошего это не принесёт. Наш разговор, его попытка обратить меня — лишь начало чего-то зловещего и неправильного.

Рома отдалился от меня. Он замкнулся в себе, не слушал никого. Он винил себя в смерти матери. Быть может, виновны были мы оба, но по правде никакой вины на нас не было.

В тот день мама села в свою машину с твёрдым намерением забрать нас из деревни. Но произошёл несчастный случай. Упавшее дерево, авария, одна трагическая смерть.

Мы всего лишь куклы в театре абсурда.

На следующий день я осталась в доме одна, бабушка с дедушкой уехали в город —

договариваться по поводу похорон, а Рома просто закрылся в своей ком-нате и просил его не беспокоить. Я думала, горе сделает нас ближе, но оно нас разъединило. На самом деле трещина в наших отношениях появилась намного раньше, до того, как мы сюда переехали, но с появлением в нашей жизни других людей, она стала больше. Я просто была слепа...

Когда он был нужен мне, больше, чем когда-либо в жизни, его не было рядом. Он стал другим, он заперся в своём горе, в его мирке мне больше не было места.

Я бродила по этому большому, нелепому дому, как приведение. Для меня всё неожиданно умерло, я не различала цветов, запахов, звуков, всё обрело серый цвет, казалось безжизненным.

Я подумала: есть ли у меня теперь смысл жить? Ради чего я буду существовать дальше? Моя жизнь не приносит никому пользы, я лишь обуза, возможно, будет проще покончить с этим раз и навсегда.

В тот самый момент, когда я обдумывала идею самоубийства, в дверь постучали. Я не испытывала ни малейшего желания открывать, надеялась, что незваный гость развернётся и уйдёт. Но стук повторился. Это вторжение нервирует меня, и я решила как можно быстрее расправиться с незваными гостями.

Я не удивилась, когда обнаружила, что мой покой нарушил Эрик. Я не успела ничего сказать, он обнял меня. А я снова расплакалась.

Я плакала, потому что весь мой мир рухнул, потому что умер близкий мне человек, потому что мне так и не удалось сказать ей, как сильно я люблю.

Все близкие мне люди вдруг отдалились от меня, я потерялась, запуталась.

Поэтому, когда жизнь бросила мне соломинку в лице Эрика, я с отчаянием схватилась за неё, вцепилась обеими руками.

Если он мой шанс на спасение, то я никогда его не отпущу.

Эрик был единственным человеком, не бросившим меня на произвол судьбы. Он заботился обо мне, создавая иллюзию защищённости. Я не спрашивала его о том, что могло разрушить эту иллюзию. Мы много говорили о книгах, истории. Он рассказывал мне легенды, и я засыпала под его тихий голос. Только с ним моя душевная боль притуплялась. И я вновь становилась прежней.

Но даже Эрику было не по силам усмирить моих внутренних демонов. Кошмары стали посещать меня всё чаще. Смерть матери словно запустила меха-низм, который когда-нибудь должен был разрушить всё. И здесь все были совершенно бессильны.

Дата похорон была назначена. И в нужный день мы выехали из проклятого места. Я так и не узнала, как бабушка и дедушка узнали о случившемся, ведь телефонов в деревне не было. Но это казалось мне настолько незначительным, что я быстро отстала с расспросами.

Кладбища всегда пугали. Возможно, от того, что люди, похороненные там, являлись мне. Возможно, от того, что я знала, что когда-нибудь тоже там окажусь. Это лишь вопрос времени.

Прощание всегда даётся тяжело. Я пообещала, что не буду плакать. Я должна была быть сильной. Но, несмотря на все мои внутренние убеждения, слёзы покатались по щекам. Солёные, тёплые капли оставляли следы на коже и в сердце.

Я оглядела лица собравшихся. Мало кого из них я знала, мало, кто из них хорошо знал мою мать. Но они всё равно пришли, не знаю с какой целью, но думаю, моей матери это не было бы важно. Она была бы рада знать, что о ней помнят даже после её смерти.

Здесь были люди с её работы, даже некоторые жители деревни приехали вместе с нами.

Я уткнулась взглядом в компанию парней. Это были незваные и нежеланные гости.

Ярослав вряд ли хорошо знал мою мать. Он пришел сюда не ради неё, он пришёл сюда за мной. Нам нужно было поговорить.

Пока старшие разговаривали и не обращали на меня никакого внимания, я отошла в сторону.

Я бродила среди могил, читая имена незнакомых мне людей, зная, что Ярослав следует за мной.

Я остановилась рядом с могилой ребёнка, ему было всего лишь три года. С фотографии на меня глядело улыбающееся лицо малыша. Как могла умереть та-кая крошка? Этот ребенок даже и жить ещё не начал толком! Родители установили на его могиле ангела, и я подумала, что это правильно. Теперь у этого ребёнка есть защита, теперь он не один.

Ярослав остановился рядом со мной, он ждал, что я начну разговор, но я молчала. Тогда он спросил:

— Как ты? — не этого я ожидала от него. Наверное, он слишком сильно вжился в роль старшего брата.

Я оцепенела от страха, когда он обнял меня. Сколько всего было в этом жесте: и утешение, и поддержка, и нежность. Так ко мне должен был относиться Рома, так он ко мне и относился раньше.

Мы стояли, как мне казалось вечность, но на самом деле несколько минут, пока другой знакомый голос не окликнул нас.

Ярослав резко отпустил меня, так ничего и не сказав. Но я знала, что ничего ещё не кончено, что он лишь дал мне передышку. Мой брат скрылся в тени деревьев. Он словно растаял. Быть может, он и сам был тенью?

Эрик подбежал ко мне, и я оказалась в крепком кольце его рук. Это были совсем другие объятия. И они были более желанны.

— Ну, как ты? — он аккуратно стирал слёзы с моих щёк

— Как будто в аду побывала.

— Всё будет хорошо. Ты сильная, ты справишься, — я прижалась лицом к его плечу, и слёзы потоком потекли из моих глаз. Я плакала, тем самым отпуская всё то, что накопилось внутри: всю боль, все иллюзии и любовь.

— Нам пора возвращаться, уже все собираются.

Мы взялись за руки и направились к остальным.

Мне нужно было ещё немного времени, чтобы попрощаться с матерью. На этот раз навсегда. Я не могла просто так уйти.

Эрик не бросил меня. Когда я подошла к свежерытой могиле, его рука стала моей опорой.

Я ничего не произнесла вслух, но мысленно я проговорила слова благодарности и любви, которые шли из самого сердца. В мире нет ничего важнее таких слов. Я не дала ни одного обещания, потому что не была уверена, что смогу их исполнить.

Мы с Эриком направились к машине. Он уверенно вёл меня вперёд, зная, что если отпустит мою руку, то я непременно упаду. Мне, казалось, что кладбище высосало из меня все силы. Я была опустошена, и физически, и морально.

— Убери от неё свои руки, — я никогда не думала, что Рома может говорить таким тоном. Он почти никогда не злился, а если и злился, то всё это протекало достаточно мирно. Но сейчас он был похож на сумасшедшего, который всё же выбрался из больницы.

Повинуясь какому-то странному инстинкту, я встала между Ромой и Эриком. Я не знала, откуда у меня взялись силы, и уже тем более я не знала, кого мне защищать.

— Рома, всё в порядке. Эрик мой друг. Он не причинит мне вреда.

— Да с такими друзьями и врагов не надо! Ты хоть знаешь, кто он? — Он заглянул мне в глаза, а затем продолжил: — Конечно, знаешь. И тебе не тошно? Уже, небось переспала с ним? Спутайся я с кем-то из их мира, чтобы ты сказала?

Я почувствовала, как Эрик напрягся. Если не уладить ситуацию, то мой брат мог серьёзно пострадать.

Я чуть не задохнулась от такого обвинения. Я была шокирована и разбита, из нас двоих у Ромы всегда была уйма девушек, а я встречалась с парнем лишь однажды, несколько месяцев, и это закончилось печально.

Внутри меня клокотал гнев на брата, но когда я заговорила, мне удалось усмирить его, мой голос звучал спокойно:

— Тебя не должна касаться моя жизнь. Мы просто друзья, я не с кем не путаюсь.

Рома направился к машине, не ответив на мою реплику. Но только у самой двери, он как бы невзначай бросил мне обидное слово.

Я проигнорировала его и посмотрела на Эрика.

Рома с бабушкой вернулись в город, уладить кое-какие дела.

Этой ночью Эрик не пришёл: должно быть, он решил дать мне время побыть одной. Но он чертовски ошибался. Остаться одной — самое страшное, что могло со мной произойти.

У меня случилась очередная истерика. И на этот раз ничто не могло принести покой. Мне силой влили в рот успокоительное. Я понимала, что дальше так продолжаться не могло, что мои припадки лишь усложняли всем жизнь. Но со смертью матери я утратила покой. Ниточка, дававшая мне душевное равновесие, оборвалась.

Я провалилась в глубокий сон без сновидений. Лишь изредка до меня доносился чей-то тихий шёпот.

Отступление

Эрик состоял из противоречий. Он всегда сомневался в принятых решениях, никогда не был уверен в том, правильно ли поступил.

А теперь его жизнь упростилась. Противоречие осталось лишь одно — Злата. Правильно ли использовать её, чтобы снять проклятие? Правильно ли желать её? Нужно ли идти к ней, чтобы утешить?

Идти к ней всё-таки не стоило. Его чувства к ней были слишком неправильными. Они заставляли его до боли сжимать кулаки, они заставляли его кусать до крови губы. Он хотел эту девушку в каком-то извращённом смысле. Ему иногда хотелось насильно подчинить её себе. В его чувствах переплетались нежность, страсть и жестокость. Зверь и человек. И не было известно, что перевесит.

Эрик знал, что не отдал бы её Ярославу ни за какие дары в мире. Он также знал, что не любит её. Любовь — определённо не то, что он к ней испытывал. Она просто была ему

нужна, она просто давала ему покой. И за этот месяц он искренне к ней привязался.

Ему нужно было поговорить с Елизарой, разобраться во всём. Хотя идти к старой ведьме совсем не хотелось.

Однако он уже почти подошел к порогу её дома. Вежливо постучал в дверь, хотя понимал, что манеры здесь не приветствуются.

Дверь не открылась. Это значило лишь одно — сегодня Елизара была не в настроении принимать гостей и давать советы.

Эрик постоял ещё несколько минут возле ветхого дома. Он чувствовал жажду, ему нужно было охотиться. Раньше он спокойно сживался со своей природой, его злили лишь неконтролируемые превращения в полнолуние. Но теперь он презирал зверя внутри себя.

Зверь проснулся, именно он заставил Эрика принять облик волка. Он гнал его как можно дальше от дома Елизары.

И именно он в итоге заставил Эрика разорвать ни в чем неповинного путника на части. Кровь было повсюду. Зрелище разорванного тела ужаснуло Эрика, когда он принял свой человеческий облик. Он всё больше ненавидел свою сущность, он всё больше желал себе смерти.

Ярослав редко поддавался чувствам. Но со Златой он не хотел быть бесчувственной статуей. Он уже однажды отдал своё сердце человеку, он уже однажды раскрыл свою душу... Но здесь другое, Злата была его сестрой. Она отчасти принадлежала ему, а он отчасти принадлежал ей. У них было одно и то же начало, но совершенно разные пути. Его попытка обратить её провалилась. Тело Златы отвергло превращение. Свет так отчаянно сопротивлялся тьме. Эта борьба вечна, ей нет начала и конца.

Когда Ярослав был ребёнком, он стремился к свету. Он был сострадательным и добрым. Но толпа возненавидела его за грехи родителей. Его травили, как дикого зверя. К нему были жестоки даже самые добрые люди. Он был одинок.

Но теперь в жизни вновь появился смысл. Вновь что-то ожило в душе.

Он не собирался оставлять её. Он не собирался позволять миру так же унижить её, как когда-то мир унижил его.

— Я знаю, что случилось, — она влезла в комнату Ромы через окно, при этом не испытав ни капли неудобства, словно он позволил ей это сделать.

— Тебя никто не звал, уходи, — он отвернулся от неё, рассчитывая на то, что девушка оскорбится и уйдёт. Но она не уходила. Её фиолетовые глаза внимательно следили за каждым его движением. Рома физически ощущал её взгляд. — Я сказал — убирайся!

Он был раздражён. Ему хотелось выплеснуть боль, накопившуюся внутри сердца. Но слёзы он заменил злостью и сорвал её на Лине.

Он обернулся. Его глаза горели огнём ненависти и боли.

— Ты глухая?! Или ты тупая?! Что ты можешь знать о том, какого это потерять близкого человека?!

Лина молчала, а Рома тяжело дышал. Где-то глубоко в душе тихий голосок твердил, что так поступать нельзя, что эта девушка, вампирша, ни в чём не виновата. Не она убила его мать. Но когда мы теряем близких людей, голос рассудка затихает. А на его место приходит тупая боль, разрушающая изнутри.

Они смотрели друг на друга, но каждый думал о своём. А потом Лина сделала то, чего Рома ожидал от неё меньше всего. Она обняла его. Тихо подошла к нему и легонько обняла, казалось, её руки едва коснулись его тела, но он ощутил неожиданное тепло, зародившееся в

душе.

— Мою семью сожгли заживо в нашем доме, у меня на глазах. Убийца моих родных держал меня в замке и насиловал, пока я ему не надоела, — она замолчала. Он видел, как изменилось выражение её лица. Боль, столько лет, веков, живущая внутри, стремилась вырваться наружу. Молчание затянулось на несколько минут, и Рома не знал, как правильно прервать его и стоит ли это делать вообще. Однако Лина решила проблему сама:

— Рома, я прекрасно понимаю твою боль. В такое время просто нужен друг, — она отстранилась от него, — я могу им стать.

— Ты ненавидишь мою сестру и меня.

— Только твою сестру. Ты просто мне интересен, ты мне кое-кого напоминаешь, — она отвернулась от него, но он заметил на её лице тень боли.

— Кого?

— Близкого мне человека, — когда она снова повернулась к нему, на её губах появилась лёгкая улыбка, но глаза были полны грусти.

Она ещё несколько часов пробыла с ним, отвлекая, успокаивая, а потом ушла.

Глава двенадцатая. Борьба

Как же страшно потерять то, что удерживает нас от пропасти безумия. Каждый день, каждый час, каждая минута превращаются в борьбу. Нам кажется, что мы боремся со своими демонами, но на самом деле мы боремся сами с собой.

Я была слабой. Прошёл месяц со смерти матери, но я так и не нашла в себе силы вернуться к обычной жизни. Я стала кем-то вроде местного затворника. Рома не общался со мной, с дедушкой и бабушкой у нас были натянутые отношения. Оля приходила ко мне несколько раз, но ей быстро надоела вечно плачущая, не способная справиться с утратой девушка. Вот так и настал конец нашей якобы почти дружбы. Что касается Димы, я его не видела с той самой ночи. Оля сказала мне, что её брат словно сошёл с ума. Он так сильно изменился, стал холодным и замкнутым.

Мой мир сузился до одного человека, хотя человеком его называть и не-правильно.

День я условно делила на два периода: время, которое я проводила с Эри-ком и время, когда я спала, напившись успокоительного. Наверное, из-за дружбы с ним пострадала моя репутация, и люди на улицы начали обходить меня сторо-ной. Я чувствовала всю силу их презрения, но мне было всё равно. Я не собира-лась отказывать от дружбы с Эриком, ведь только в ней я находила спасение. По-кой. Тихую гавань.

Вещи, который раньше казались важными, вдруг потеряли всякий смысл.

Эрик стал приходиться к нам всё чаще. Именно это и сделало мои отношения с дедушкой и бабушкой напряжёнными. Дедушка один раз сказал мне, чтобы я не смела тащить в дом всякую мерзость. Но я пропустила его слова мимо ушей. Одно было ясно — они не могли отказать Эрику. Стая Ярослава занимала господ-ствующее положение в здешней иерархии. Их боялись и их презирали, но никто не посмел бы им отказать.

А Эрик, казалось, не обращал внимания на косые взгляды, неодобритель-ные ухмылки. Он просто был со мной, и этого было достаточно.

Мы с ним много разговаривали на разные темы, спорили до головокруже-ния, но в итоге каждый оставался при своём мнении. Хотя мы ни разу не ссори-лись. Искусство было нашей общей слабостью. Книги, которые мы вместе читали, объединяли нас ещё больше.

Мы набирались друг от друга знаний и опыта. Эрик стал для меня ближе, чем кто бы то ни был.

Я не любила его, так как обычно девушки любят парней. Но связь между нами была крепкой, и я стремилась помочь заплутавшему парню найти свет. Я доверяла ему свои тайны и секреты, я делилась с ним своими опасениями.

Я спросила его о том, что Ярослав сделал со мной в ту ночь. Он ответил, что опасаться мне нечего — моё тело отвергло превращение. С тех пор мы ни разу не заговаривали о Ярославе и моём происхождении, о том, что на самом деле про-исходит в этом месте. Это были запретные темы. Я знала, что когда-нибудь обяза-тельно расспрошу его обо всём, но тогда я была не готова. Мне просто нужен был друг.

И постепенно моя душа оживала. Слезы уже перестали быть неотъемлемой частью жизни. Мысли о матери по-прежнему меня не покидали, но теперь я вспо-минала о ней с улыбкой, как о лучшем человеке в моей жизни.

Ночью, когда я засыпала рядом с Эриком, мне не снились кошмары. Это было так необычно. Видеть самые обыкновенные сны, но в коим-то веке я была рада этому.

Наверное, самые лучшие моменты, проведённые с Эриком — это все те часы в лесу. Только там мы были оба спокойны. Иногда я рассказывала ему о своём детстве, но чаще мы что-нибудь читали вслух.

"Евгения Онегина" мы почему-то оба особенно любили. Во всем, что касалось Пушкина, мы были солидарны. Ну а с другими авторами всё было иначе. У Толстого Эрик больше любил "Войну и мир", а я "Анну Каренину", у Ремарка он любил "Триумфальную арку", а я "Трёх товарищей". Правда, "Повесть о двух городах" Диккенса нравилась нам обоим, но "Большие надежды" были мне больше по душе.

Мы часто обменивались книгами. И это превратилось в некий ритуал. Каждый день новая книга. А когда наш домашний запас закончился, мы отправились в библиотеку. Книга — некий символ нашей с ним дружбы. Мы лучше друг друга узнавали. Мы становились ближе.

Мне пришлось попрощаться с Фредом. Эрик отвёл его в лес, к тому, кто ему поможет. Я пыталась узнать, какой сумасшедший может захотеть жить в этом кошмарном месте, да и как там можно выжить человеку. Если, конечно, этот любитель животных человек. Но Эрик сказал, что мне это знать не требуется. И я отстала с расспросами. В конце концов, я верила ему.

Было больно отпускать Фреда, забота о нём стала чем-то большим, чем обычным ритуалом. Но в деревне ему не было места. Здесь никому не было места.

Однажды всё изменилось. В тот день я, наконец, решила задать главный вопрос.

Мы снова были в лесу. Ветер играл с листвой в свои незатейливые игры. А солнце весь день пряталось за тучами. Я ждала дождя ещё утром, но его не было.

— Эрик, расскажи мне, кто я. Расскажи мне, кто ты, — он заколебался лишь на мгновение. Но я знала, как трудно далось ему это решение. Оно могло изменить всё. Оно могло разрушить то, что мы так долго строили. Нашу дружбу.

— Есть много миров, я думаю, ты это прекрасно знаешь. Наш мир, мир мёртвых, да что там. Все миры подчиняются одному — миру богов. Это сложно объяснить в полной мере, думаю только Ярослав бы смог. Боги управляют всем, каждый из них отвечает за что-то. Есть бог мёртвых — Хронус, есть богиня отчаяния — Виза, даже у леса была своя богиня Елизара — дочь самого главного из всех богов.

Он замолчал, не решаясь продолжить. Я пыталась переварить услышанное, ведь это полностью меняло картину мира.

Вы знаете, ведь я на самом деле верила в бога, но церкви никогда не посещала. Для меня вера была чем-то иным. Я не понимала, как можно просто молиться и ничего не делать? Ведь главное — это твоя внутренняя сила, желание что-то изменить. Но желание без действия — ничто.

— И при чём здесь я?

— Терпение. Я просто знаю, что тебе не понравится эта история. Елизара славилась своей красотой. В мире богов дети рождаются редко, и она была своего рода прекрасным исключением. Однажды, Хронус покинул своё царство, чтобы встретиться с другими богами. Тогда-то он и встретил Елизару. Он влюбился в неё сразу же. Её красота растопила его ледяное сердце. Он начал ухаживать за ней, для неё это было лишь забавой сначала. Но потом она тоже его полюбила. Их роман расцвел, и чувства были же неконтролируемыми.

Когда Верховный бог узнал об этом, он навсегда проклял Хронуса и изгнал его в царство мёртвых. Только Елизара уже носила у себя под сердцем ребёнка. Чтобы сохранить жизнь, и себе, и ему, она сбежала в наш мир. Но и там ей не было покоя. Боги в буквальном смысле обезумели, они начали вмешиваться в сознания людей и животных, управлять ими.

Елизара спрятала своего ребёнка в мире людей. Родители дали ему имя — Ярослав, и наградили его невероятным даром, хотя и превратили фактически в демона. Но его божественная кровь — невероятная сила. Он мог превращаться в волка, но для жизни ему требовалась человеческая кровь.

Когда он рассказывал, мир мой медленно разрушался, разбивался на миллионы осколков. Первые капли дождя упали на землю. Но мы оба не пошевелились.

— Свою историю только он сам сможет рассказать тебе полностью. А что касается Елизары, то она сотню лет скиталась по земле, пытаясь найти способ вытянуть Хронуса из мира мёртвых. И она нашла его. Они снова были вместе, правда, недолго, затем их разлучили. Его темницу теперь могут разрушить только его дети.

У Елизары появился ещё один ребёнок. Прекрасная дочка — Златослава. Она отдала своего ребёнка единственному человеку, которому могла доверять.

Я не могла поверить в его рассказ, хотя понимала, что ни одно из его слов не является ложью.

— Откуда она знала мою мать?

— Она отдала тебя не ей, она отдала тебя мне, а я отдал Марго. А потом Елизару поймали боги и лишили силы навсегда.

Дождь стал сильнее. Небо полностью покрылось тучами, скрывая солнце. Лишая надежды. Я запуталась. Всё во что я верила, все, что я любила, изменилось.

Теперь я понимала, почему Эрик казался мне знакомым. Я ведь знала его в некотором смысле.

Одежда насквозь промокла и прилипла к телу.

— Что же она пообещала тебе взамен?

— Что ты снимешь с меня проклятие? — он выжидающе посмотрел на меня, словно я была оборотнем, который мог изменить свой облик от его слов и снять проклятие. Но была одна проблема — я не знала, как помочь Эрику. Я не знала, как закончить этот бесконечный кошмар.

— Если бы знала, то помогла! Я же уже говорила тебе. Незачем играть со мной.

Я не заметила, как заплакала. Я не чувствовала ничего, кроме обиды и пальцев Эрика на своей щеке. Он аккуратно стирал мне слёзы, и почему-то в тот момент, мне показалось, что мы одни во всей Вселенной.

— Это было игрой лишь в начале. Я честен с тобой. Ты действительно мой друг. Мой единственный друг. Ты потрясающий человек. Я никогда не встречал таких, как ты за всю свою вечность, а это долго.

— Ты ведь даже не рассказал мне, что за проклятие на тебе лежит.

Он задумчиво посмотрел на меня, прежде чем хоть что-то сказать.

— Для того чтобы жить я должен убивать людей и выпивать из них всю кровь. Я не могу контролировать свои превращения в полнолуние, я становлюсь зверем, для которого кровь — единственное желание. А ещё однажды я просто сойду с ума, а поскольку я фактически не могу умереть, то мне придется стать здешним монстром. Всё это результат ненависти верховного бога к Хронусу, он проклял весь наш род. Наши души не принадлежат

нам, Злата, у нас их фактиче-ски нет. В этом заключается проклятие — мы обречены на вечную жизнь, в течение которой будем медленно сходиться с ума.

Как же я хотела ему помочь, облегчить боль. Но я даже не знала с чего начать.

Пусть дождь смёт наше прошлое, пусть освободит нас.

— Расскажи мне, как тебя обратили. Пожалуйста, — он глубоко вздохнул. Мне показалось, что именно этой части нашего разговора он боялся больше всего. Он не хотел, чтобы я узнала его секрет. Я понимала его в этом. Есть вещи, которые я никогда никому не расскажу.

Неожиданно луч света пробился через завесу тёмных туч. И он был настолько ярким, настолько сильным и всепрощающим. Казалось, что только он один способен согреть всю землю. Способен защитить каждого человека и исцелить любую душу.

— Я сам выбрал свой путь. Я родился примерно двести лет назад в деревни, которую сейчас здесь считают заброшенной. У меня было трое старших братьев и две старших сестры. Я был самым младшим, потому мою значимость всегда при-нижали. И в детстве я воображал себя, то демоном, то воином. Меня строго нака-зывали за это, говорили, что я не попаду в рай, когда умру. Может быть, они были правы? Кто знает.

Мне было тринадцать, когда в нашу деревню пришла болезнь. Лес убивал. Люди уходили и не возвращались. Те, кто оставался в деревне умирали от стран-ной болезни. Сначала умерли мои сестры и двое братьев, потом мать. Мой брат бежал, как последний трус. Когда мне миновало семнадцать лет в деревне нас ос-талось лишь трое: я, мой отец и местная травница. Моего отца задрали звери в лесу, а травницу укусила ядовитая змея. Так я остался один. Мне хотелось быстрее покончить со всем этим. И я вышел в лес, совершенно один и без оружия. А там в самой чащи я встретил Ярослава. Он что-то увидел во мне, когда заглянул в глаза. Не знаю что именно, но это подарило мне жизнь. Он предложил мне вечность, и я согласился. Первое время я сходил с ума, все чувства перемешались. Я не мог от-личить любовь от ненависти, радость от грусти, я терялся в собственном безумии.

Потом я попытался сбежать, отправился в город, нашёл своего брата и... убил его. Он очень удивился, увидев меня, а я, увидев его, ведь большинство из тех, кто бежал, не выживали. Я не планировал его убивать, но мы поссорились, и я превратился в зверя. А после я уже не мог остановиться, я убивал всё, что дви-жется, но меня снова нашёл Ярослав. Он помог мне справиться с моей сущно-стью, я стал более сдержанным, — он замолчал, а я не осмелилась тревожить его странный покой, казалось, что сейчас он не здесь, а там, вместе со своими воспо-минаниями.

— А знаешь что? Я жалею! Я сделал тогда неправильный выбор! — он не за-плакал, но его голос дрогнул.

И единственное, что мне осталось — обнять его. Теперь настала моя оче-редь защищать... Дождь закончился.

Я опустила щит, защищавший меня от мира мёртвых. Призраки заполнили комнату. Их руки тянулись ко мне, а голоса нашептывали слова смерти. Но мне нужно было задать вопрос и получить ответ.

— Как мне помочь Эрику? Как снять с него проклятие? — мой голос звучал приглушённо, внутри всё дрожало от страха.

Призраки стихли. Тишина длилась несколько секунд, а потом голоса за-шептали с новой силой:

— Умри, умри, умри, умри, умри, умри. Тебе здесь не место.

Я сходила с ума. От этих ребят невозможно было добиться дельного совета.

Я снова попыталась возвести щит, но это оказалось не так уж и легко. Души умерших отчаянно сопротивлялись.

В итоге я одержала над ними верх, это ослабило меня. Но сильнее слабости было огорчение, ведь я так ничего и не узнала.

Мы всё больше времени проводили вместе. Никогда прежде я не думала, что посторонний человек сможет заменить мне семью. Эрик дал мне другую жизнь, он пытался залечить мои раны. А я ничего не могла дать взамен.

Его чувства ко мне казались дружескими, но я ошибалась. Однажды всё изменилось. Я помню тот момент, так ясно, словно это было только вчера.

Мы в очередной раз читали книгу на поляне. "Ромео и Джульетта". Я уже прочитала свою фразу, но Эрик почему-то медлил. Я повернула голову в его сторону, чтобы напомнить ему о его обязанности, ну или сказать что-нибудь особенно едкое. Мои колкости всегда приводили его в чувство. Но все придуманные мною реплики так и не были произнесены.

Глаза. Я видела лишь его глаза. Красивые, манящие. И стена, которую я так долго выстраивала, была разрушена, меня захлестнул водоворот незнакомых прежде чувств. Я жаждала прикоснуться к нему, ощутить его тепло.

Эрик потянулся ко мне, а я потянулась к нему. Наши губы слегка соприкоснулись. И я ощутила приятное тепло, растёкшееся по всему телу.

Это, должно быть, был самый короткий поцелуй в мире. Я вскочила на ноги, судорожно повторяя одно и то же слово:

— Нет, нет, нет... — я побежала прочь от этого места, надеясь оставить позади и Эрика, и то внезапно возникшее телесное влечение. Стена вновь была воздвигнута.

Однако на следующий день я снова пришла на поляну. Я была рада видеть Эрика вновь, хотя и испытывала некоторую неловкость.

Я помню, как старалась не смотреть на него, потому что, как только я видела его глаза, моё лицо заливала предательская краска. С моих губ срывались какие-то глупости. Я пыталась начать разговор, обычный разговор о пустяках, но ничего не получалось. Между нами встала невидимая преграда.

Возможно, не будь я совершенно одна, я бы не стала ничего менять. Если бы Рома был рядом и поддерживал меня, я не нуждалась бы в Эрике так сильно. Но тогда...

Я представила себе свою жизнь в деревне без него, и меня охватил ужас. Моё сердце страх схватил своими цепкими лапками, а горло сдавил ледяной рукой.

Меня вполне устраивала роль близкого друга. Но...

Эрику этого было не достаточно.

Солнце уже садилось, когда я нашла в себе смелость сделать следующий шаг. Я поцеловала Эрика, он был настолько удивлен, что замер на какое-то мгновение, но потом ответил на поцелуй. Я запустила пальцы в его густые волосы, и мы полностью растворились друг в друге.

Я чувствовала, как его руки изучают моё тело. Мы упали на траву, мои пальцы скользнули под его рубашку. Когда с моих губ сорвался стон, Эрик отстранился. Эту черту мы ещё были не готовы перейти.

Я так хочу удержатъ тебя рядом с собой, что сделаю всё для этого. Даже, если мне придётся пренебречь своими принципами, я ни за что тебя не отпущу.

Отступление

Он никогда не испытывал такой сильной ненависти к себе. Он никогда не испытывал такого сильного преклонения перед Златой. Она стала его навязчивой идеей, идеалом. Эрик настолько сильно привязался к ней, что начал забывать про свою волчью природу. Но помимо божественного поклонения, его влекло к ней, как к женщине. Он не собирался ей в этом признаваться, Злата просто испугалась бы его.

Не стоило ещё признаваться и в том, что он стал чаще впадать в забвение, и что после каждой встречи с ней он забывался с какой-нибудь легкодоступной девицей. Эта правда была не для её ушей.

Она и так проявила мужество, не убежав прочь после его рассказа. Она была непорочной и чистой. Таким людям неминуемо суждено погибнуть в разлагающемся мире. Свет больше не спасает от тьмы, он лишь сливается с ней, а затем полностью растворяется в грязи.

И если бы Эрик мог, он забрал бы Злату из этого мира. Они бы были вместе, вдвоём. Навсегда. Никто бы никогда не разлучил их.

Я хочу удержать тебя рядом с собой, даже если ради этого, мне придётся уничтожить всё вокруг.

Ярослав любил свою сестру, несмотря на то, что почти не знал её. Зов крови делал своё дело. Он не вмешивался в её жизнь, боясь ещё больше повредить не окрепшую психику. Он спокойно наблюдал за тем, как его любим сестра сблизается с самым проблемным членом стаи. Как они постепенно становятся неразлучными. И ему сразу же вспоминалась другая история. Его собственная. И к чему она в итоге привела.

Какими бы светлыми не были чувства, они ничего не значат в мире, где любые различия создают такие отношения, как вражда и хищничество. Ведь для демонов, вроде Ярослава и Эрика — полная луна значит больше, чем любые другие чувства. Тогда остаётся лишь голод. Ужасный, тёмный голод, который жжёт изнутри. Когда-нибудь это погубит их всех.

Но он никому не позволит причинить *ей* боль.

Она стала приходить к нему чаще. По ночам, когда никто не видел, она пробиралась в комнату. Он расспрашивал её о прежней жизни и о мире, в котором она жила и живёт, она тоже задавала вопросы. Эти разговоры приносили ему облегчение.

Иногда она кусала его, и это дарило желанное забвение.

В определённый момент Лина заняла пустующее место в его сердце, она стала необходимостью. Встречи с ней — это то ради чего он продолжал свою жизнь. Лина стала заменять ему Злату, его фанатичная любовь к сестре угасала, и на её место пришло другое чувство.

Рома по-прежнему был привязан к Злате. Но они отдалились друг от друга, он теперь не думал о ней всё своё время, они редко разговаривали, особенно после похорон. Он был немного обижен на сестру.

В его жизни впервые появился секрет. Самый настоящий, опасный секрет.

Ему удавалось вести двойную жизнь. Днём он встречался с Олей, надевал на себя маску

любезности и интереса, выпытывал у неё тайны, если они встречали Лину, он сохранял равнодушный вид.

Маску можно было снять лишь, когда он возвращался в свою комнату по вечерам. Там его уже обычно ждала Лина.

Они создали свой маленький мир, где боль и другие люди оставались за стенами. Их было лишь двое, и они пытались излечить друг друга от прошлого.

Лина забыла о своей месте Злате. Рома слишком сильно напоминал ей её саму лет четыреста назад, чтобы отыгрываться на нём и его семье.

Шли дни, летели недели. Они не заметили, как полюбили друг друга.

Это было безумием. Они любили отчаянно и нежно, полностью растворя-ясь друг в друге. Казалось, что ничто на земле не может разлучить их.

Рома хотел видеть Лину каждую секунду своей жизни. Теперь, когда они якобы случайно встречались на улице, он старался слегка задеть её: как бы невз-начай коснуться руки, случайно столкнуться. Были лишь прикосновения, но ино-гда и слова. Короткие фразы, брошенные ими на улице друг другу, чтобы другие не заподозрили. И быстрые полные обожания взгляды.

Никто ничего не замечал. Эти двое разыгрывали блестящий спектакль.

Они вели войну не только со всем миром, внутри них тоже шла война.

Рома помнил всё, что Злата говорила о жителях другого мира. Но его чув-ства к Лине были настолько глубокими, что он не мог ничего с ними поделать. Он знал, что она убивает людей. Но всё это оставалось далеко позади, когда она при-ходила к нему.

А что касается Лины, то и для неё было трудно принять собственные чув-ства. Она была вампиром и много лет назад отвергла всё человеческое. Привязан-ность к Роме делала её уязвимой.

Однажды, когда они просто валялись на кровати. Рома читал книгу, а Лина наблюдала за ним, она спросила:

— Никак не пойму: ты моя сила или моя слабость? — он внимательно по-смотрел на неё, никогда прежде она не казалась ему загнанной в ловушку. Но то-гда, глядя в её глаза, он вдруг увидел, что Лина оказалась в капкане. И в этом ви-новат был лишь он один.

Рома ничего не ответил ей. Он просто отложил книгу и притянул к себе де-вушку, а потом накрыл её губы своими.

Может быть, его любви будет достаточно для того, чтобы они оба справи-лись с трудностями?

Глава тринадцатая. Бал

Лекарство в других людях, в прикосновениях и поддержке. Боль нельзя забыть, нельзя полностью залечить душевную рану, но можно заполнить пустоту. Можно забыться.

Ничего не изменилось после нашего разговора. Мой мир раскололся на части, но я оставалась прежней и изо всех сил пыталась сберечь осколки прежней жизни. Я ждала чего-то особенного, просыпалась каждое утро с мыслью о том, что сегодня, именно сегодня, произойдёт что-то важное. Но...

Всё оставалось прежним.

Эрик почти всегда был со мной, отвечал на любые мои вопросы, а я задавала их всё реже.

В полнолуние все окна и двери были закрыты. Свет словно навсегда покинул это унылое место, жизнь исчезла. Уныние и холод поселились вокруг.

Я уснула, нисколько не боясь, что чудовище придёт и разорвёт меня на части. Лишь глубокой ночью, когда я проснулась от очередного кошмара и спустилась на первый этаж, то услышала странные звуки: кто-то царапал дверь с другой стороны.

Страх окутал меня. Я понимала, насколько смехотворной была преграда, разделяющая нас. Всего лишь дверь. Я подошла ближе и услышала, как тот, кто находится за дверью, тихо скулит. Мне не нужно было давать ему знать, что я тут, что в доме кто-то есть, это могло кончиться плохо для нас всех. Но мой воспаленный мозг почему-то уверовал, что за дверью находится именно Эрик, и что сознание к нему вернулось на какое-то время.

Я поборола в себе желание отрыть дверь и впустить неизвестное.

Я знала, что это *он* пришёл ко мне. Всем своим существом я чувствовала, что *он* совсем рядом.

— Не сегодня, Эрик, — тихо сказала я в пустоту, — завтра.

А потом он ушёл. Не знаю, слышал ли он мои слова, но я почувствовала, как он меня покинул.

Бал состоялся в один из солнечных дней.

Я потеряла счёт дням, неделям. И чисел для меня больше не существовало. Никто не спрашивал моего согласия, меня просто поставили перед фактом. Бал — это особая традиция. На него идут все без исключения.

Рано утром бабушка принесла в мою комнату платье. Оно словно было соткано из солнечного света. Ткань сияла, и это сияние ослепляло.

И когда я надела его на себе, не без помощи бабушки, это сияние передалось и мне. Я посмотрела в зеркало и невольно ахнула. Из-за стеклянной глади на меня смотрела незнакомка. Она была слишком красивой, слишком царственной. И было в ней что-то пугающее. Возможно, холод в глазах, надменность, безразличие. Я попыталась улыбнуться, но у моего стеклянного двойника не вышло светлой и искренней улыбки. Будто всё то хорошее, что было во мне, погибло с прошлым.

В это мгновение я возненавидела себя. Мне было противно смотреть на свое отражение в зеркале. Я ненавидела людей, окружавших меня, природу, тайны. Я ненавидела

ненавидеть. Но злоба жила внутри меня и будто бы своей силой ломала мои кости. Я хотела разбить зеркало на мелкие осколки. Руки уже потянулись к нему.

Я вспомнила Эрика и успокоилась. Склонила голову, чтобы не видеть отражения, опустила руки. Я нуждалась в Эрике больше, чем когда бы то ни было.

Только с тобой я смогла обрести покой. Ты — мой самый ценный дар, ты — моё самое страшное проклятие.

Я взяла с собой кристалл. Благодаря Эрику я теперь могла носить его как кулон.

— Нам пора, — голос бабушки раздался словно из далёкого, другого мира.

Рома сопровождал меня на бал. Мы с ним так и не помирились, и между нами чувствовалось напряжение. Никто не знал, что точно произошло, но каждый счёл своим долгом попытаться помирить нас. Первую попытку предприняла Оля, вторую Аня, но все были безрезультатными. Мы, молча, рука об руку следовали за дедушкой и бабушкой.

Все жители деревни собрались в одном месте, в одном большом доме, предназначенном для торжеств. Весь зал был залит лучами солнечного света. Утренняя дымка придавала таинственности. Музыка, древняя как сама жизнь, лилась со всех углов.

Женщины в длинных платьях танцевали со своими кавалерами. Люди на-поминали бабочек: красивые создания, ослеплённые ярким цветком и гибнувшие из-за этого.

Всё вокруг говорило о хорошо отрепетированном спектакле. Только это представление повторялось из года в год. Всё было прекрасно выучено, не оставалось места для оплошностей. Дамы с кавалерами танцевали без единой по-марки, скрипачи играли так, что некоторые городские гении могли им позавидовать.

Я не была ослеплена этим великолепием. Возможно, если бы этот бал устроили в самом начале моей жизни здесь, то он произвёл бы сильное впечатление. Но спустя месяцы осталось лишь безразличие.

Рома моментально исчез в толпе. Наверно, пошёл искать одну из своих дам. Я знала, что у него завелся ещё кто-то помимо Оли. Правда не знала, кто эта счастливица.

Ко мне подошёл Дима. Он пригласил меня на танец, и я согласилась. Я не хотела обижать его отказом. Всё же он был моим другом.

Оказалось, что он вовсе не умеет танцевать. Мы с ним неуклюже раскачивались среди других пар.

Оля говорила, что он стал другим. Но я видела перед собой прежнего Диму, он даже был чуть более весёлым и беззаботным.

— Странная традиция — устраивать такие балы. Это пахнет средневековьем.

— Ты почти права. Эта очень древняя традиция. Только раньше это были кровавые балы, — он внимательно наблюдал за мной из-под опущенных ресниц.

— В смысле?

— Раньше после таких балов обычно приносили человеческую жертву.

Я невольно поежилась. Надеюсь теперь это не так, подумала я. А потом мне стало интересно, какому богу они приносили жертву. Зачем вообще это нужно? Неужели, чтобы заслужить божье благословение, нужно заплатить кровью? Разве жизнью можно торговать?

Танец закончился, и я облегчено вздохнула. Но Диму это, похоже, не обрадовало, он выглядел расстроенным. Я пожалела его и осталась рядом, хотя уже придумала тысячу причин для того чтобы уйти.

Как жаль, что мы так отдалились друг от друга, но я больше не чувствовала духовной близости, связывавшей нас до этого. Дима вдруг стал обычным мальчишкой, с которым было

весело поболтать. Ни друг, ни брат, просто один из множе-ства точно таких же людей.

Мы около часа просто болтали друг с другом. А потом всё прекратилось. В зал вошел Эрик. Ещё не видя, я чувствовала его присутствие. Наверное, так рабы, отмеченные какой-нибудь чёрной меткой, чувствуют приближение своего хо-зяина. Я не видела его несколько дней, и уже успела безумно соскучиться. Мне не хватало моего "хозяина".

Он почти сразу же нашёл меня. Я чувствовала его за своей спиной. Он хо-тел удивить меня, но...

... ему никогда не застать меня врасплох.

— Позвольте пригласить?

Я резко обернулась. Никогда не думала, что когда-нибудь буду так сильно рада видеть нежить. На моих губах расцвела искренняя улыбка. И я вложила свою ладонь в ладонь Эрика. Думаю, сияние моих глаз в тот момент было красноречи-вее любых слов.

Дима что-то сказал мне, но я не обратила внимания. Всё стало таким далё-ким и не имело не малейшего значения. Власть Эрика надо мной становилась всё крепче и крепче. Уже ничто не могло меня спасти.

Мы направились в центр зала. Все взоры были направлены на нас. В иде-альном спектакле кто-то начал импровизировать. Мы ломали систему, мы были непокорны обществу и миру.

А потом мы оба закружились в танце. Я чувствовала его руки на своей та-лии. Я видела, как восторг, горящий в моих глазах, отражался в его. Мне каза-лось, что мы почти едины, но это было лишь иллюзией.

Танец — это полёт. Это что-то невесомое и прекрасное. Это когда двое по-нимают друг друга без всяких слов. Мы парили среди других пар, и время для нас остановилось навсегда. Мы были единственными настоящими в кукольном мире театра и абсурда.

Мы смотрели друг другу в глаза и, казалось, перестали замечать окружаю-щих.

А потом мы остановились. Мы продолжали смотреть друг на друга, и я знала, что последует за этим взглядом. Это рано или поздно должно было слу-читься. Всё тайное становится явным.

Эти чувства нельзя был отрицать.

Ещё несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, а потом его губы накрыли мои. Я ожидала, что это будет по-другому, как тогда в лесу, но поцелуй был требовательным и жёстким, словно Эрик ставил на мне клеймо. Правда, я с готовностью ответила на эту грубую ласку.

Хотя я знала, что пути назад уже не будет, я не собиралась останавли-ваться. Всё изменилось, я изменилась.

Я почувствовала привкус крови. Кажется. Эрик укусил меня. Но мне не хо-телось прерывать это безумие.

А потом кто-то удивленно охнул, и мы оторвались друг от друга. На нас уставилась по меньшей мере несколько сотен пар глаз. Некоторые люди были за-интересованы, некоторые просто осуждали нас. А вот в глазах Ромы я прочла лишь презрение. Это было последней каплей. Я вдруг всё для себя решила, мне захотелось окончательно разрубить узел и создать что-то новое, начать заново.

Он словно понял меня. Я даже не помню, как мы выбежали из зала. Я помню лишь то, что мы оба убежали в лес, держась за руки.

Мы целовались. И это было совсем не так, как до этого. Между нами словно

разрушилась невидимая стена, и мы, обрадованные такой возможностью, жадно изучали друг друга.

Эрик целовал моё лицо, мою шею. Я была почти уверена в том, что позже обнаружу его отметины на своей коже. Следы его почти любви... Жестокой, не-правильной, порочной.

Мы дошли до его дома. Это был небольшой, ветхий домик. Прежде чем открыть дверь, Эрик прижал меня к ней, и мы продолжили наше увлекательное занятие.

Страсть... Я никогда не думала, что от неё можно сгореть. Но в тот день я действительно горела, сгорала от чувств, переполняющих меня изнутри. И каждое прикосновение обжигало мою кожу.

Нам всё же удалось зайти внутрь. Эрик боялся, что я передумаю, в каждом его прикосновении можно было ощутить страх и неуверенность.

В доме были кухня и две комнаты, одну из которых он использовал, как библиотеку, а вторую как спальню. В тот день я не успела всё рассмотреть.

Как только мы вошли в спальню, Эрик снова принялся меня целовать. Я запустила пальцы в его густые волосы и полностью отдалась ощущениям. Его губы на моих губах, его руки на моей талии.

А потом я обо что-то споткнулась, и мы оба повалились на кровать. Мне хотелось сказать, что я сделала это не специально, но способность говорить покинула меня. Я слишком сильно нервничала, поэтому рассмеялась. Уж слишком истеричным был мой смех.

— Если ты передумала, то скажи сейчас, Злата, — звук его голоса успокоил меня. Истерика прекратилась.

Я отрицательно помотала головой.

Его тело казалось мне слишком тяжёлым. В какой-то момент я решила, что Эрик может запросто меня раздавить. Промелькнула тень сомнения, но я отогнала её. Эрик целовал мою шею, а я пыталась расстегнуть пуговицы на его рубашке. Он спустил толстые лямки с моих плеч, освобождая больше обнажённой кожи.

Он боялся причинить мне боль. И я хотела сказать, что мне не нужна эта сдержанность, мне нужен он.

Я наконец-то справилась с его рубашкой. Эрик слегка приподнял моё тело одной рукой, а второй пытался расшнуровать корсет, но, когда ему это не удалось, он разорвал корсет на две части.

Его тело в отблесках света казалось совершенным. Эрик был слишком не-реальным, слишком красивым. Это даже казалось неправильным. Нельзя создавать столь прекрасное создание.

Я прислонила ладонь к его груди и ощутила биение сердца. Связь между нами вдруг стала невероятно сильной. Казалось, что я и Эрик, в какой-то момент стали одним существом. Не физически, духовно. Так же, как и в моих снах. Я была его частью, а он моей. Это пугало и притягивало одновременно.

Эрик смотрел на меня, он ждал, что я сама сделаю следующий шаг. В его глазах смешались совершенно разные чувства: страсть, нежность, вожеление, обожание, сомнение...

А потом я обняла его за шею, мои губы нашли его. Наши поцелуи были жадными, немного сумасшедшими.

Вторая волна сомнения захватила меня, когда я неожиданно оказалась полностью обнажённой. Чувство стыда, запоздалая мысль о том, что я совершаю глупость. Мне не

составило труда их отогнать.

Обнажённая, незащищённая...

Но о боже, я была живой в тот момент. Полная страсти и жизни. Я ощутила, как кровь бежит по моим венам. Никогда прежде я не чувствовала себя более полной жизни, чем в тот момент, когда наши с Эриком тела сплелись, а души слились воедино.

Я не вернулась домой и ночью. Я хотела остаться здесь с Эриком навсегда. Жить с ним в этом маленьком домике, пока не закончится мой век. Но я знала, что пока это невозможно. И с первыми лучами солнца сказка закончилась.

Моё платье окончательно пришло в негодность, я надела на себя рубашку Эрика. Она доходила мне где-то до середины бедра. И я мысленно молилась, чтобы никто не увидел меня в таком виде.

Он проводил меня до самого дома. Мы держались за руки, боясь потерять друг друга. Мы оба понимали неизбежность расставания, ведь утро так неумолимо жестоко.

Когда я увидела очертание своего дома, то испытала страх. Я подумала о том, что скажу своим близким? А ещё о том, когда я вновь увижу Эрика? И что принесёт нам наша встреча? Но нам обоим стоило подумать. Каждому по отдельности. А сейчас, когда мы оба ослеплены тем, что произошло между нами, когда мы оба сияем от счастья, разговоры бессмысленны. Мои мысли напоминали клубок.

Чтобы избежать проблем, Эрик помог мне подняться в комнату, минуя дверь. Благо окно оставалось открытым. Таким, каким я оставила его утром прошлого дня.

На прощание он сказал мне:

— Мне кажется, что если ты не вернёшься, я умру... — так пафосно, но это было в его стиле.

Первое, что я сделала, когда осталась одна — переоделась в удобную одежду, которая прикрывала бы синяки и укусы. А потом я легла на кровать и ментально уснула — ночь без сна давала о себе знать.

Не знаю, сколько я проспала, но кто-то грубо меня разбудил. Я открыла глаза и увидела Рому.

— И где ты, позволь спросить, была? — я открыла рот для того, чтобы произнести очередной поток лжи.

Отступление

Он был безумен. Впервые дни после полнолуния. Чувства и инстинкты преобладали над разумом. Он не хотел идти к Злате, но его воля не была железной. Он не мог противиться тому ужасному, но одновременно прекрасному чувству, которое разрывало его грудную клетку на части. Это не духовная боль, она стала физической. Это невыносимо. Как можно каждый день видеть её яркие глаза, её огненные волосы и фарфоровую кожу, но не иметь права прикоснуться? Как можно видеть такое совершенство, но не обладать им?

Он, словно лишённый воли, шёл к Злате. Он знал, где найти её, он чувствовал это. Связь между ними стала настолько крепкой, что они могли бы при желании отыскать друг друга, находясь на разных концах земли.

Он вошёл в зал, одержимый лишь одним желанием — отыскать Злату. Ему было не положено являться сюда днем, но чувства вытеснили рассудок. Не-сколько старожил

недовольно посмотрели в его сторону, но никто не осмелился возразить. Они все здесь всего лишь овцы. Их единственная цель удовлетворять потребности высших существ, поклоняться богу, который не задумываясь, убил бы их всех.

Он увидел Злату рядом с местным мальчишкой. Эрика накрыла волна злобы и ревности. Ему захотелось убить этого наглеца, посмеявшего так смотреть на *его* Злату.

А потом они танцевали. Кружились среди других, ничего не значащих лю-дей. Он не замечал ничего вокруг, и временами казалось, что они одни в этом ог-ромном зале. Все остальные лишь декорации.

Они плыли по течению. И никто из них не знал, что будет в конце. Было лишь двое людей, жаждущих общества друг друга.

А потом он поцеловал её. Он словно хотел поставить на ней клеймо. Она только его. Навсегда. Никто не смеет касаться её, кроме него самого. И пусть все это знают.

Ярослав лишь наблюдал. Его забавляла игра. Он знал, что ещё не время вмешиваться, но ему как можно быстрее хотелось обезопасить Злату. Вот только его методы защиты могли напугать девушку.

Он чувствовал, что что-то меняется. В воздухе повис удушающий запах смерти. Последний раз так было, когда Хронус нашёл выход из своей темницы. Отец. Даже страшно представить, во что превратится мир, если он выберется. Но всё пока хорошо. Его темница не будет сломлена. Ярослав об этом позаботится.

Забавно, Ярослав всегда сам стремился причинить вред людям, но защи-щал их от собственного отца. Возможно, потому что его зло никогда не сравнится со злом, которое мог причинить отец. Сколько бы невинной крови пролилось?

Что-то мелькнуло среди деревьев. Тень. Но даже она могла принести смерть. Она лишь посланник грядущих бедствий.

— Ярослав, — он обернулся на тихий голос. Перед ним стоял призрак. При-зрак его прошлого. Девушка, которую он когда-то любил.

— Марина, — он произнес её имя и протянул к ней руку. Ему так хотелось дотронуться до неё, но пальцы поймали лишь воздух. Он почти забыл, что она всего лишь призрак.

— Елизаара хочет встретиться со Златой. Приведи девочку сегодня ночью к её дому, — и призрак начал медленно исчезать. Но Ярослав не хотел сдаваться. Он молил её о прощении, пытался догнать. Но мир мёртвых не был ему подвластен, и девушка исчезла в сумраке дня.

Лина не пошла на бал не только потому, что старейшины были бы этому не рады. Эти жалкие людишки не могли запретить ей находиться где-либо. Они пре-зирали её, но боялись. А страх заставлял их слушаться.

Она не пошла туда от части из-за Ромы. Ей было больно видеть, как он общается с другими девушками. Да и тем более недавно у них произошла не-большая ссора. Лина предложила обратить Рому, но тот отказался. Он предло-жила ему дар вечной жизни, возможность всегда быть вместе, но он просто отверг это. И теперь душу вампирши терзали сомнения. Рома не любил её по-настоя-щему, во всяком случае не так, как она любила его. Он никогда не думал об их будущем, не хотел остаться с ней навсегда.

Лес окутывал вечный туман. Но сегодня Лина чувствовала приближаю-щуюся опасность. Туман, что раньше был опасен только для людей, казался зло-вещим. Из леса надвигалось что-то тёмное.

Раздался вой. Лина прислушалась. Это была не стая Ярослава. И это пу-гало, ведь кроме Ярослава и его прихвостней других волков поблизости не води-лось. Лина не исключала, что

в других частях леса есть и другие, ведь лес беско-нечен, но эта территория была уже занята.

Она увидела светящиеся глаза. Волк приближался. Это был не демон, не полукровка, как Ярослав, перед ней был обычный оборотень. Но Лина чувство-вала угрозу, исходившую от него.

А ещё она чувствовала, что её окружило ещё одиннадцать волков. Она слышала их сердцебиения, их дыхания.

Лина оказалась в западне, дала так легко себя поймать.

Она могла бы вступить в бой с одним или даже двумя оборотнями, но бо-роться с целой стаей было невозможно. Тем более Лина слишком давно не корми-лась, и то, что рядом с Ромой она постоянно сдерживала свою сущность, ослабило её.

Нужно было ждать, когда появится возможность совершить побег.

Волк, которого она увидела первым, начал принимать человеческий облик. Это длилось достаточно долго. Лина знала, что оборотни испытывают ужасную, мучительную боль, превращаясь как в волка, так и обратно в человека. Наверное, подумала она, их боль можно сравнить с её, когда жажда крови становится невы-носимой, когда, кажется, что чья-то рука крепко сдавливает горло. Когда боль почти лишает рассудка.

Но эти рассуждения не вызвали в ней чувства жалости к волчьему народу.

Когда превращение обратно в человека завершилось, Лина увидела перед собой обнаженного мужчину лет сорока. Хотя на самом деле ему могло быть на-много больше, процесс старения у оборотней замедляется.

— Никогда не думал, что доживу до того дня, когда вампир будет стоять передо мной и чуть ли не трястись от страха, — он усмехнулся, — народ ночи те-ряет своё величие.

— Если хочешь проверить, кто из нас действительно утратил своё величие, то давай сразимся один на один. А то двенадцать волков на одну хрупкую де-вушку, — Лина выдержала театральную паузу, — не совсем честно.

— Мы не пришли сражаться, по крайней мере, пока. Мы хотим, чтобы ты передала послание Ярославу.

Лина молчала, а вожак стаи выжидающе посмотрел на неё.

— Передай ему, что, если он не покинет это место в скором времени, то я выпущу кишки его сестре и всем жителям этой деревни. И, разумеется, оторву твою светлую голову, дорогуша, если моё послание дойдёт до него не слишком хорошо.

— Вас всего двенадцать. И вам никогда в таком количестве не выстоять против демонов. Ярослав один способен разорвать всю твою стаю. Он заставит тебя захлебнуться в твоей собственной крови, если ты хоть пальцем тронешь его сестру. Не говоря о том, как может разгневаться Хронус.

— Хронус — это легенда, которой Ярослав пользуется, чтобы держать власть только в своих руках. И да, Лина, нас намного больше, чем двенадцать.

И она ощутила, как к ним приближаются ещё живые существа. Их были сотни. Сотни бьющихся сердец, сотни пар горящих глаз.

— У меня тут появилась идея, — вожак обратился к своей стае, — давайте, немного развлечёмся. Посмотрим, как быстро бегают вампиры, — он ухмыль-нулся, — у тебя девять секунд Лина, время пошло.

Лина побежала, она никогда не бегала так быстро. Секунды на какое-то мгновение замедлились, а затем время понеслось с невероятной скоростью.

Стая бросилась за ней. Для них это было игрой, причем довольно забавной. Для Лины

это игрой не было, ведь на кону стояла её жизнь.

Он бежала в самую глубь леса, столетия, проведённые здесь, не прошли даром. Лина знала каждый уголок этого места. Хотя лес и менялся, её он не мог одурачить.

Волки настигали её, она почти, что ощущала дыхание собственной смерти.

Нужно было срочно придумать другой план, потому что бежать изначально было плохой идеей.

Деревья. Их кроны настолько густые, что запросто скроют её.

Лазить по деревьям не было сложным для вампира, но для оборотня было почти невозможным.

Ближайшим деревом был древний дуб. Он рос здесь несколько столетия, и для Лины имел особое значение. Возле него она впервые отняла невинную жизнь. И хотя это произошло много лет назад, да и после этого она отняла множество жизней, именно первое убийство врезалось в её память, именно оно убило в ней человека много лет назад.

Оказавшись в относительной безопасности, Лина прислушалась. Волки подошли близко к её укрытию. Их было всего лишь двое, и это было шансом. Они чувствовали её запах, но не понимали, откуда он исходит.

Лина спрыгнула с дерева прямо на одного из волков. Он даже не понял, что произошло, так быстро она свернула ему шею. Второй волк зарычал и бросился на неё, он надеялся застать её врасплох. Но Лина теперь была охотником, она прожила столетия и сражалась во многих битвах, а эти волки были слишком юны и неопытны.

Она вырвала ему сердце. Охота отключила в ней человеческие чувства. Теперь два человеческих тела валялось возле неё, верный знак того, что оборотень умер. Лина была права, эти волки были всего лишь детьми. Девушка и парень лет семнадцать, хотя может и старше.

У девушки была свернута шея, а у парня в груди зияла дыра. Лина ненавидела в себе жестокость, свойственную всем вампиром, но спрятаться от своей природы не могла.

Кто-то приближался. Трое волков, она могла бы справиться и с ними. Но убийства не приносили радости её человеческой стороне. Она подумала, что, когда стая обнаружит тела своих сородичей, то это остановит их, хотя бы на несколько минут, тогда у неё появится шанс добраться до Ярослава или до деревни. Это уж как повезёт.

Я доберусь до Ярослава, а затем до Ромы. Мы с ним сбежим. И будем в безопасности.

Глава четырнадцатая. То, что не подвластно мертвым

Иногда не стоит раскрывать всех секретов, решать всех задач. Иногда прошлое скрывает страшную боль и не менее страшные ошибки.

Всё изменилось. За целый день я успела два раза пожалеть о принятом мною решении. И два раза отругать себя за это.

Я разрушила стену, которую строила годами, за одну ночь. Все события с моего приезда вели к этому мгновению. И теперь всё уничтожено до основания. Пути назад не существовало.

Эрик не пришёл ночью, я сама попросила его об этом. Зато появился другой гость, видеть которого я точно не хотела.

Он явился поздно ночью. Я легла спать, но сон не приходил, уступив место суетным мыслям.

Кто-то тихонько постучал в окно три раза. Не Эрик. Он никогда не стучал. Я затаилась в надежде, что незваный гость уйдёт, но стук раздался вновь.

Мне стало любопытно. А может, я просто окончательно потеряла инстинкт самосохранения? Стоило позвать кого-нибудь на помощь, либо и дальше притворяться спящей. Но я не сделала ничего из этого, ведомая то ли храбростью, то ли любопытством, то ли глупостью.

Я встала с кровати и направилась к окну. По ту сторону стекла на меня смотрели зелёные глаза.

"Он не сделает мне ничего плохого. Я его сестра. Он просто хочет со мной поговорить". Даже в моей голове это звучало не слишком убедительно.

"Ты не можешь избегать его всю жизнь".

Почему же? Я могу. У меня к этому особый талант, я всю свою жизнь убегаю от проблем.

"Ты уже не маленькая девочка. Нужно становиться сильной".

Я собрала всю свою волю в кулак и открыла окно.

Ярослав подобно грациозному коту скользнул в комнату. Он огляделся во-круг с некоторым недовольством. Надеялся увидеть в моей комнате что-то особенное? Но, так или иначе, он ничего не нашёл.

— Ты живёшь в такой убогой комнате? Ты моя сестра, а не... — но я прервала его. Мне вовсе не хотелось выслушивать его нотации.

— Если ты пришёл оскорблять меня и мою комнату, то можешь убираться вон, — мой голос не дрожал от страха, я запечатала все чувства глубоко внутри. Но я отошла на пару шагов в сторону, и это выдало мою боязнь Ярославу. Он ухмыльнулся.

— Кое-кто хочет познакомиться с тобой, — он сделал шаг в мою сторону, я отступила на шаг назад. Мы играли в опасную игру, в которой не будет победителя.

— Кто же это? — на самом деле мне было безразлично, что он ответит. Я ни-куда не собиралась идти.

— Наша мать, — я была настолько поражена, что забыла сделать шаг назад. У меня выбили почву из под ног, лишили кислорода. Я тонула, я умирала и не могла совладать с эмоциями. Разные чувства боролись во мне: страх, надежда, презрение...

— Я думала, что она...

— Я надеялся на это. Но эта старая сучка не сдохнет. Точно тебе говорю.

— Как ты можешь так говорить, она же твоя мать?! — конечно, Ярослав ни-когда не отличался добротой, но я была поражена его отношением.

В комнате стало холоднее. Или это иллюзия?

— Она сделала то, что я никогда не прощу. И если бы я мог, я бы оградил тебя от её влияния. Но даже утратив свою силу, она намного могущественнее меня. В этом мире её желания всё ещё превыше моих.

Он замолчал и протянул мне руку. Он не спрашивал меня: пойду ли я с ним. Мы всего лишь марионетки в руках богов. Я задумалась лишь на секунду прежде чем вложить свою ладонь в его. И пусть, я не доверяла ему, боялась его, и, возможно, где-то глубоко в душе даже немного ненавидела, но мне очень хоте-лось его узнать.

Медленно я возвращалась, вновь становилась собой. Рождалась заново, как птица феникс рождается из пепла. Но на этот раз я сильнее.

Теперь, когда я думаю о своих прошлых днях, мне становится по-настоя-щему страшно. Мы всегда ходили по краю обрыва, но мы не боялись, а если страх и приходил к нам, то был минутным.

Так нельзя. Нельзя рисковать своей жизнью! Отказываться от того, что дорого. Мы живем лишь один раз. Поверьте, перерождение душ — хорошая штука, но мы не помним своих прошлых жизней, поэтому я хочу всё успеть, пока ещё могу помнить.

Я не отпускала его руки. Никогда прежде между нами не существовало та-кой тесной связи.

Мы шли в самую глубь леса. Туда, наверное, никогда не ступала нога че-ловека: не было ни тропинок, ни следов. Лишь деревья охраняли покой. Време-нами мне казалось, что они живые, словно пройдёт немного времени, и они заго-ворят. Но деревья, разумеется, молчали. Не знаю почему, но их молчание пугало меня намного больше. Пусть в этом таинственном лесу не останется ничего нор-мального! И я убедилась бы в своём сумасшествии.

Я смотрела на густые кроны деревьев, и мне казалось, что я давно уже по-кинула этот мир. Прошло уже много лет, а мой призрак бродит по лесу, пугая случайных путников.

Я услышала шёпот, и по коже пробежал холодок. В голове возникла кар-тина, но это не было видением, скорее — воспоминанием.

Мы не были такими, ты знаешь. Помнишь то время, когда мы были жи-выми.

Это совсем другое место. Всё наполнено жизнью и неведомым смыслом. Любовью. Здесь должна быть только она. Но теперь здесь всё осквернено наси-лием и смертью. Все из-за них. Они осквернили это место своей кровью. Они вы-брали насилие вместо любви. Они погубили друг друга.

Ты знаешь, что кровь не должна была пролиться. Невинные не должны гибнуть. Нельзя путать ненависть и слабость с любовью.

Ты должна вспомнить, как всё было. Тогда ты поймёшь, что должна сде-лать.

Когда пелена рассеялась, лес обрёл иную форму. Голос долго не стихал. Он, словно шёпот листвы, дыхание ветра, не покидал меня.

Я не знала, что произошло, но чувствовала, что всему виной лес. Воз-можно, в этом

мире существует ещё какая-то сила, не подвластная ни богам, ни людям.

И мне казалось, что теперь, где бы я ни была, мне никогда не забыть этого леса, его шёпота в голове, и тех картин, что я видела.

Парень и девушка прощаются друг с другом среди опадающих листьев. Кровавые войны полукровок в лесу, когда Хронус решил поэкспериментировать. Земля стала алой от крови. Алый — цвет новой жизни.

Ярослав рядом. Всё будет хорошо. Тьма тебя не заберёт. Никогда.

Где-то раздался волчий вой. Он разрушил ночную тишину лишь на минуту, а потом вновь повисло зловещее молчание.

Мы словно двое детей шли в пряничный домик к ведьме. Я боялась этой встречи. Не ещё больше я ждала её. Не потому, что искренне хотела увидеть свою настоящую мать. Я была не готова принять её, но мне хотелось узнать ответы на вопросы. Я хотела задавать вопросы и получать внятные ответы.

В темноте я едва различала путь. Наверное, без Ярослава я бы не прошла и пары метров.

Ухала сова. Среди шелеста листвы это казалось почти сказочным. Все все-гда мечтают попасть в сказку, но оказавшись в ней, хотят выбраться обратно.

Среди деревьев мелькнули огоньки. Этот свет не был ярким, но в кромешной тьме, даже такой тусклый огонь — благо.

— Осторожно, — прошептал Ярослав.

Мы кое-как протиснулись среди веток. В этой части леса пройти было почти невозможно. Я сильно поцарапала щёку, но в таком буреломе немудрено было остаться и без глаз.

Я увидела небольшой, старый дом, освещённый светом.

— Но здесь нет ни огней, ничего. Откуда тогда свет?

— Магия, — ответ Ярослава был коротким и понятным. Я шла к богине. Пусть и бывшей, но она не могла утратить всей своей силы. Так что вопросы по-добного рода были глупыми.

— Стой здесь. И если, что беги, Злата, — он выглядел обеспокоенным. Никакого притворства. Могла ли наша мать причинить нам вред? Кто знает, что происходит с богами после падения? Может, они сходят с ума?

Дверь распахнулась ещё до того, как Ярослав успел постучать. На пороге появилась скромно одетая женщина. Настолько старая, что я не решалась определить её возраст. Остатки её волос были белыми, как снег. Кожа обвисла и была покрыта морщинами. Женщина с трудом передвигалась. Старость убила её тело. Старость потихоньку забирала остатки жизни.

Я сделала несколько шагов вперёд и выглянула из-за спины Ярослава. Женщин заметила меня и улыбнулась. Я увидела её глаза и поняла, кто передо мной стоит. Зелёные, глубокие, пронизывающие глаза. Такие же, как у Ярослава. Елизара. Моя мать. Что же они с тобой сделали?

— То же самое, что сделают с любимым, кто встанет у них на пути, — голос её был звонким и чистым. Время его не тронуло.

— Мои мысли для вас не сокрыты.

Не было ничего удивительного в её способности капаться в чужих мыслях. Я чувствовала, что даже в таком состоянии она сильнее и меня, и Ярослава вместе взятых.

— Здесь ничто для меня не сокрыто, — она жестом показала нам следовать за ней.

Ярослав вошёл первым. Он был похож на дикого зверя, загнанного в клетку. Я читала в его взгляде отчаянное желание защитить меня, Ярослав словно готовился в любую минуту кинуться на невидимого врага.

Я подготовила себя к любым неожиданностям, но понимала, что не смогу совладать с эмоциями, если что-то произойдёт.

Мы вошли вовнутрь, и дверь с грохотом захлопнулась, как по велению волшебной палочки.

Я огляделась вокруг. Я никогда не отличалась хорошей памятью, но обстановку того дома помню до сих пор, словно была там только вчера.

По коридору мы шли друг за другом, двое рядом идущих людей не смогли бы поместиться. Наш путь словно вёл в бесконечность, но впереди ждала лишь тьма. Конец коридора, где бы он не находился, был её главным источником.

Я провела кончиками пальцев по шероховатой стене. Реальная вещь в мире иллюзий ненадолго вернула мне чувство пространства и времени.

Я посмотрела наверх. Потолок давил на меня, и мне казалось, что я очутилась в клетке. Я пригляделась. В полумраке можно было разглядеть огромных уродливых мотыльков, обосновавшихся на потолке.

Я не должна была приходить. Всё это одна большая ошибка.

Елизара пригласила нас в комнату, маленькую и такую же неудобную, как и всё в доме. Комнатушка служила гостиной. Почти всё свободное место отвоевал себе старый деревянный стол, всю поверхность которого занимали различные склянки. В комнате было всего одно уже почти развалившееся окно. Сложно было представить, как Елизара выживала зимой.

— Это всё иллюзия, — должно быть её нравилось копаться у меня в голове, — дом становится таким, каким я хочу его видеть.

Всё начало меняться. Комната, которая до этого казалось маленькой и тёмной, в одно мгновение стала большой и светлой.

— Стремись, произвести на нас впечатление, *мама*, — Ярослав явно не был впечатлён.

Я огляделась вокруг. Такой гостиной позавидовали бы особы королевских кровей. Я могла представить, что нахожусь во дворце. Могла вообразить ба-шенки, колоны, красивые аллеи.

Потолок притягивал к себе взгляд. На чёрном фоне выделялись ярко-красные розы.

Они словно были живыми, так хотелось протянуть руку и сорвать цветок. Розы оплетали бесконечное чёрное небо. Не знаю, показалось мне или нет, но в тёмной глади словно сияли маленькие звезды.

Стены были белыми, и их тоже оплетали красные розы. Я подошла ближе и дотронулась до одного цветка. Они действительно были настоящими.

Комнату освещали хрустальные люстры, которые будто бы прибыли из другого века. Стол до этого старый и громоздкий сменился причудливым столиком с кручеными ножками, но склянки не исчезли. Единственное напоминание о прошлом облике.

Я не успела всё осмотреть: картина стала прежней в одно мгновение. Я еле сдержала испуганный вскрик. Ярослав неожиданно оказался рядом, и крепко сжал мои пальцы, словно говоря: "Я с тобой. Ничего не бойся, чтобы не случилось, я тебя не брошу".

Это прикосновение немного успокоило меня.

Елизара рассмеялась. Я не знала её, да и не хотела узнавать. Эта женщина внушала мне лишь ужас.

Было что-то такое в её зелёных глазах, что говорило о жестокости. Никто не знает, чем Елизара поплатилась за свою любовь. Но испытания, выпавшие на её долю, навсегда изменили её сердце. Возможно, там, где сейчас тьма и холод были свет и добро. Может быть, я тоже стану такой. Что бы ни случилось, никто мне не поможет, кроме меня самой

— Ты не такая, как я ожидала, — её голос казался слишком громким в по-висшей тишине, — в тебе нет совершенно ничего от меня.

— На радость всем, — пробурчал Ярослав. Он, должно быть, хотел, чтобы его слышала только я, но в этом доме ничего не укрывалось от своенравной хо-зййки.

— Ты, неблагодарный щенок, ты жив только благодаря мне и Хронусу!

— Как будто я просил о такой жизни!

В пылу своей ссоры они забыли о моём существовании. Я не испытывала ни малейшего желания вмешиваться и поэтому заняла себя тем, что рассматривала комнату.

Я с интересом посмотрела на книгу, лежавшую на столе. Как странно, что я не заметила её раньше. Сияние охватила тёмно-синий переплёт. В этой книге словно было заключено что-то не подвластное ни живым, ни мёртвым. Я видела, как медленно на переплёте появляются золотые буквы, постепенно сливаясь в слова. Уже где-то далеко в прошлом звучали сердитые голоса, обвиняющие друг друга в чём-то.

Злата, Злата, Злата...

Голос в моей голове слился с моим собственным голосом.

Злата, Злата, Злата.

Помоги мне, Злата...

И я потеряла сознание.

Умирать не больно, так или иначе мы вновь родимся вновь. Больно оставлять людей, которых любишь. Больно осознать, что жизнь продолжится, даже после того как ты уйдешь. Мы часто думаем о том, что будет после. Но перед смертью остаётся лишь одно эгоистичное желание — жить дальше. Пусть умрёт кто угодно — почему я хуже, чем все остальные? Почему они будут жить, а я умру?

Так или иначе, смиритесь — все когда-нибудь умирают.

Никогда прежде он не пробирался ко мне в сознание. Он наблюдал, по своему растил меня, возможно, даже где-то глубоко в душе любил. Он никогда не оставлял меня одну.

Была лишь тьма, беспроглядная тьма. Если в нём и было что-то хорошее, то это что-то навсегда погибло.

— Злата, — я не могла разобрать, где реальность, где фантазия. Кто я? Где я? Я почувствовала холодное прикосновение к скуле. А потом словно очнулась от долгого сна, вынырнула со дна океана. Мир вдруг преобразился. Я знала, что что-то изменилось, но что не понимала.

Я открыла глаза. Первое, что увидела, — зелёные глаза своего брата. Он наблюдал за мной.

— Она очнулась! — его голос казался слишком громким, и я подавила в себе желание зажать уши.

Странно, что я совсем не презирала его. В глубине души я даже могла найти любовь. Мой рушившийся на глазах мир искал себе ещё один ориентир.

Я огляделась вокруг. Это была совсем другая комната. Маленькая и уютная спальня в

светлых тонах. Такая обычная, что это казалось неправильным.

Меня положили на кровать, за что я была признательна. Валяться на полу не слишком приятно. Ярослав сидел рядом.

В комнату вошла Елизара.

— Её избрали, — её голос был глухим и немного печальным.

— В смысле? — Ярослав удивленно посмотрел на свою мать, она не успела ответить ему. Его глаза озарила догадка. — Не может быть.

— Я всё время гадала, кого из моих детей боги захотят забрать к себе. Кого из вас двоих захочет забрать лес.

Я же по-прежнему оставалась в неведении. Иногда оно полезно, но это был не тот случай. Про меня, наверное, совсем забыли, поэтому когда я заговорила, у всех были удивлённые лица. Это было бы смешно, если бы все происходящее не было трагичным.

— Что происходит? Что со мной? — взгляд случайно упал на ладонь, и я закричала. Пятиконечная звезда украшала кожу. Я посмотрела на вторую ладонь — то же самое, — о боже!

Я соскочила с кровати.

— Что это, чёрт подери?! — я вытянула руки вперёд, демонстрируя свои ладони. Эти чёрные контуры пугали меня больше, чем все произошедшие со мной события вместе взятые.

Зря я пришла, зря я пришла. Что же они сделали со мной?

— Это всё равно рано или поздно случилось бы, — Елизара не выглядела испуганной или расстроенной. Она была совершенно спокойна, словно ничего не произошло, ты же слышишь их. Они зовут тебя назад.

Он подошла ко мне, дотронулась до моей руки:

— Ты плата за мой побег, — её тихий шёпот прокрался холодом под кожу. До моего воспаленного сознания доносились отдельные слова. Плата. Побег.

— Прекрати этот цирк! — Ярослав неожиданно оказался рядом, — Мы уходим.

Он взял меня за руку и повёл к выходу. Вот только дверной проем неожиданно исчез. Елизара явно не собиралась выпускать нас.

— Прежде, чем вы уйдете, я бы хотела кое-что объяснить Злате, — она выжидающе посмотрела на Ярослава, — наедине.

— Я не уйду, даже не надеюсь, — он одним лёгким, почти невидимым движением закрыл меня собой. Странно, но я чувствовала себя полностью защищённой.

Хотя любые его попытки уберечь меня казались бессмысленными. Она могла силой своей мысли превратить нас в тени и прах.

Не нужно быть слабым, если хочешь защитить что-то. Я вышла из-за спины своего брата, полная решимости. Я же вроде как собралась быть сильной. Но это лишь слова. Действия — они другие.

— Я согласна, — Ярослав удивленно посмотрел на меня, и уже хотел что-то сказать, но всё исчезло. Была Елизара, была я, и был туман.

— Тогда добро пожаловать в прошлое, — и всё преобразилось.

Отступление

Ярослав впервые за долгое время не знал, что ему делать. Он уже успел миллион раз пожалеть, что привёл Злату к Елизаре. Но у него были свои корыст-ные мотивы. Он надеялся увидеть её, чтобы снова попросить прощения, и просить его до тех пор, пока *она* не поймёт. Но всё это было ложью. Все это было ловушкой для него и для Златы.

Елизара умело двигала фигуры на шахматной доске. И выигрывала. Они делали шаг, но она опережала их на десять.

Его мать умело пользовалась своим знанием людских душ. И теперь Яро-слав понял, что призрак Марины ещё одна уловка. Просто его мечта, ставшая оружием, средством управления.

А когда его сестра исчезла вместе с Елизарой, он по-настоящему запанико-вал.

Если он и ненавидел кого-то сильнее, чем собственную мать, так это отца. Весь тот ад случился с ним из-за них. Из-за их чёртовой любви. Никому не нуж-ной любви.

Для Эрика всё было иначе. Он путался в своих чувствах и желаниях. Он не знал, чего хочет, и боялся потерять то, что у него было. Ему нравилась Злата, и он не мог представить своей жизни без неё. Но *любил ли он?* Ему казалось, что нет. Прошло слишком мало времени с их встречи, он не был уверен, что любовь мо-жет быть такой стремительной. Хотя не ему об этом рассуждать. За всю свою вечность он ни разу не познал силу этого чувства. Впрочем, он не собирался что-то менять.

Оттолкнуть Злату сейчас — потерять себя в пучине неизвестности. При-близить её к себе — и все будущие века корить себя за то, что сломал её жизнь. И было ещё одно "но". Пусть Злата и была дочерью богов, но на земле она была простой смертной. Которая рано или поздно умрёт, а смерть разлучает раз и на-всегда.

И Эрик задумался над тем, какого потерять его прекрасную спаситель-ницу? Каково лишиться единственной радости в жизни?

И я погружаюсь в тёмные воды неизвестности, навсегда оставляя себе прежнюю. Теперь, чтобы ни случилось, ни у кого из нас не будет пути назад.

Ничего больше не существует. В этом мире мы сами решаем, каким будет следующий день. В воздухе повис запах грозы, что-то нарушилось в привычной рутине. Что-то заставило листья деревьев желтеть и опадать. Розовые лепестки сакуры развеял ветер. На землю упало несколько снежинок, но они были лишь предзнаменованием снегопада.

Птицы, хотя они и были лишь плодом чей-то фантазии, с криком полетели прочь. Всё в этом мире искусственно и фальшиво, даже сами создатели. Мы ни чем не отличаемся от декораций, которые сами и создали.

А потом среди деревьев мелькнула тень юноши. Такого странного и не-обычного для этого мира. В ярких красках дня его чёрные волосы и чёрные без-донные глаза выглядели дико. Он был не из этого мира, хотя бы потому как удив-ленно рассматривал каждую новую иллюзию.

— Привет, — её нежный голос подхватил ветер. Незнакомец удивленно вздрогнул, он не думал, что за ним могут наблюдать. А потом, он увидел своего преследователя, и с того мгновения весь его покой пропал. Он не мог оторвать глаз от незнакомки. Её зеленые глаза притягивали его.

— Вы кто?

— Елизара, — она произнесла своё имя тихо, но ветер подхватил его и про-должил свою игру, — но, а вас я раньше здесь не видела. Кто же вы?

— Меня избрали, я новый бог смерти. Хронус.

Он рядом, и этого достаточно. Её отец придет в ужас, когда узнает о заро-дившейся дружбе. И, возможно, любви?

Её рыжие волосы, словно знамя, развевались по ветру. А он не сводил с неё глаз. Теперь все иллюзии мира исчезли, на их место пришла *она*.

На балу правила единая магия. Потолок, сотканный из звездного полотна, оплетали красные розы. Юные боги убежали в лес искать божественный цветок (древняя забава, но полезная).

Девушка с огненными волосам вошла в зал. Она была слишком изящной, слишком хрупкой, даже для богов. Тот, кто создал такое совершенство, наверняка любил своё творение. Впрочем, Елизару действительно любили все. Природа, боги, люди. Её обаяние смягчало даже злые сердца.

Богиня что-то тревожило. Её зелёные глаза выискивали в толпе кого-то.

Боги слишком глубоко зациклены на себе, чтобы заметить вещи, происхо-дящие вокруг. Они танцевали и смеялись, не беспокоясь о том, что девушка, все-гда отличавшаяся лёгким нравом, в этот раз не присоединилась к веселью.

А потом с неба посыпались снежные хлопья. Кто-то вошёл в зал, кто-то не-здешний. На губах Елизары расцвела улыбка, и, подхватив свои юбки, она побе-жала к незнакомцу.

— Вы быстро освоились, — она смеялась так заразительно, что вечно хму-рый бог

смерти улыбнулся ей в ответ.

— Позвольте пригласить, — он протянул ей руку, и она, не задумываясь ни минуты, приняла её.

Он кружились по залу. И не было в тот момент никого счастливее их ни в этом мире, ни в другом.

Их свидания становились всё отчаяние. Они хотели открыть отцу Елизары свои чувства, но знали, что не получают одобрения. Верховный бог никогда не по-зволит своей дочери спутаться со смертью.

Когда никто не видел, они находили старый портал и посещали землю. Точнее таинственный, старые лес, созданный специально для Елизары. Лес, наде-лённый собственной магией и душой.

— Здесь, все могут становиться собой. Здесь живые смогут существовать с мёртвыми. Я всё сама придумала. Лес больше мне не подчиняется. Пока он дарует жизнь, но стоит крови пролиться, и он станет нашей погибелью.

— Твой отец знает про этот эксперимент?

— Нет, он думает, что я ничего не могу изменить в его подарке. Но иногда я чувствую такую силу, мне кажется, что я могу изменить весь этот мир только си-лой своей мысли.

— Идём со мной. Я клянусь, что мы все изменим, — он притянул её к себе. Их губы встретились. О да, они действительно могли изменить этот мир.

Только в какую сторону?

— Ты позоришь весь наш род своей жалкой связью с богом смерти! Свет не должен слиться с тьмой! — отец вышел из себя. Он грозился развязать войну ме-жду мирами и уничтожить Бога смерти, испепелить его дотла.

— А кто тебе сказал, что мы есть свет, а он — тьма? В каждом из нас есть обе составляющие, — раздался звук пощёчины.

Они сбежали. За ними уже давно отправили погоню, но они сбежали на Землю. Пока остальные боги обыскивают Царство мёртвых, у них будет шанс скрыться. Неважно, что будет потом. Главное сейчас они вместе.

Маленький мальчик с зелёными глазами прячется от людей. Он знает, что они причинят ему боль. Он никогда никому не делал больно, но его всё равно все ненавидели. Он загоняли его в угол и били до потери сознания. Они говорили, что он одержимый, что его родители — дети дьявола. А кто они его родители? Он помнил лишь смутные образы. И голос матери, в тот момент, когда она его остав-ляла.

Толпа нашла его укрытия. Люди, одержимые какой-то странной идеей, кричали на него, обвиняли в чём-то. Кто-то кинул в него камень.

И тогда маленький мальчик впервые разозлился, он почувствовал, как ме-няется его тело. Как он становится кем-то большим, чем просто человеком. Именно тогда он понял, что сила в ненависти.

Эрик стоял в тени деревьев. Он всем своим видом показывал, что не соби-рался приходить. Да и, кажется, он всё-таки зря пришел, потому что незнакомка так и не появилась. Он уже хотел уходить, когда услышал, как треснула ветка. А потом звонкий девичий голос остановил его:

— Не спеши, — из тени деревьев выступила девушка. Эрик был настолько зачарован её красотой, что не сразу обратил внимание на свёрток в её руках. Точ-нее он обратил на него внимание, когда услышал детский плач.

Парень, ничего не понимая, смотрел то на ребенка, то на женщину.

— Я хочу, чтобы ты помог мне. Спрячь мою дочь, защити её. Не позволяй Ярославу завладеть ей, — она говорила быстро и сбивчиво, а на её глазах выступили слезы.

— Подождите, я не понимаю... — он несколько секунд собирался с мыслями, — ладно, начнем сначала. Вы кто?

— Не узнал свою богиню? Одну из своих создателей. Неужели жизнь в этом мире так сильно изменила меня? — а потом она сбросила свой людской облик, и он увидел, что тело её светится легким голубым светом. Волосы её напоминали пламя. Богиня улыбнулась красивой и одновременно жуткой улыбкой, — если твоя память все ещё находится в забвении, то я — Елизара, бывшая богиня Верхнего мира, мать твоего вожака и одна из создательниц.

Эрик не знал, как ему себя вести. Он вдруг почувствовал страх, решив, что уже навлѣк на себя её гнев.

— Прошу простить меня за мою неучтивость, — он поклонился.

Елизара, до этого выглядевшая величественно, вдруг стала жутко уставшей, словно на её плечах лежал груз сотни прожитых столетий.

— У нас мало времени. Забери её, спрячь! Она поможет тебе, я видела вас вместе, она может снять проклятие.

Эрик не шевелился. Все же ему не следовало приходить. Отказать богини было нельзя. Взять на себя такую ответственность — невозможно.

— Нет времени! Они уже идут за мной! Она поможет тебе, в ней разгадка нашего существования!

И Эрик, как будто не осознавая, что делает, взял ребенка на руки. Он по-смотрел на лицо младенца, и в его груди что-то ожило. Станным было смотреть на сон ребёнка. Юное существо так спокойно, будто умерло, и лишь ровное дыхание говорило об обратном. Жизнь продолжается. Сон лишь один из её этапов.

Он смотрел на ребенка и не мог оторвать глаз. С самого первого раза, с самой их первой встречи между ними возникла связь, которую никто не мог разрушить.

— Как её зовут?

— Злата, — богиня поцеловала свою дочь. Девочка открыла глаза, и в них можно было прочесть какое-то необыкновенное понимание происходящего. — А теперь уходите. Они уже близко.

Эрик не стал перечить. И не стал спрашивать кто такие они. В воздухе повисла тревога, птицы прервали свою песню.

Они уже были далеко от того места, когда воздух разрезал пронзительный женский крик.

Отступление

Златы не было в доме. Её вообще нигде не было. Он попытался ухватиться за нить, связывающую их, но наткнулся на барьер. Словно Злата неожиданно исчезла из этого мира, растворилась в царстве теней. Но если бы она умерла, он бы почувствовал, так ведь?

Эрик был в отчаянии. Казалось, он побывал в каждом уголке этой проклятой деревни, но его Златы нигде не было.

А потом его вдруг пронзила догадка. Он подумал о том, что Ярослав может знать, где сейчас Злата. И, возможно, догадка Эрика правдива. Тогда всё на-много сложнее, чем казалось в начале. Если они расскажут всю правду до конца, она никогда его не простит.

Как ни странно Ярослав думал о том же. Ему казалось, что Злата должна почувствовать к нему отвращение, увидев, каким он был. О, как он низко падёт в её глазах.

Туман развеялся. Он уже видел силуэт сестры и приготовился к холодному презрению, но вместо этого произошло совсем другое.

Злата посмотрела на Ярослава чистым и любящим взглядом. А потом подошла и обняла его. Он растерялся, не сразу ответил на объятия. Он стал уязвимым, ощутив чужое тепло.

Ярослав почувствовал себя нужным. С самого своего первого дня он стал-кивался с презрением, и лишь несколько раз столкнулся с любовью. И тогда это принесли боль. Но любовь сестры была другой. Он знал, что она не принесёт ему боли, ведь Злату он сумеет защитить.

В это время Елизара, прислонившись к стене, думала о том, насколько глубока привязанность её детей друг к другу. Расставание в ближайшем будущем принесёт сильную боль и разрушение.

Хотя им полезно кого-то любить. Нужно знать, что это за чувство. Нужно испытать его, чтобы, когда мир погрузится во тьму, было о чём вспомнить.

Тень стала сильнее. Тьма вокруг сгущалась. Скоро всё погрузится во мрак.

План уже был готов, осталось только добыть последний элемент.

Лине всё же не удалось добраться до безопасного места целой и невредимой. Её настиг волк. Он был молодым и глупым, но зато быстрым и сильным, на-верняка, он желал отомстить ей за убитых. И ему это удалось, хотя он и поплатился жизнью. Но волк укусил Лину, и этот укус медленно убивал вампиршу. Она чувствовала, что слабеет. Каждый шаг давался ей с большим трудом.

В этом богом забытом месте был лишь один человек, способный ей помочь. Но эта помощь будет стоить дорого. Никогда не угадаешь, что потребует Елизара в обмен на услугу.

Так странно устроен мир: укус молодого оборотня способен убить древнего вампира, а укус молодого вампира может убить древнего оборотня.

Лина прислонилась спиной к дереву. Плевать на Ярослава нужно увести Рому. А оборотни и демоны как-нибудь сами разберутся друг с другом. В конце концов, главное выжить и спасти тех, кого любишь.

Она уже почти добралась до деревни. Ещё немного...

Она и не заметила, как подошла к дому Ромы. Но силы покинули её, и она устало опустилась на землю.

Лина не знала, сколько времени провалялась в бесспамятстве. Но когда она открыла глаза, то находилась уже в комнате Ромы.

Рома лежал на кровати рядом. Он наблюдал за Линой. В его взгляде можно было уловить беспокойство и страх.

— Что с тобой произошло? Как мне тебе помочь?

— Мне нужна кровь. Это должно немного помочь.

Рома протянул ей руку и отвернулся. Ему нравилось, когда Лина пила его кровь, но

именно этой части их взаимоотношений он стыдился больше всего.

Как знакомо — лёгкая боль, а потом блаженство. Наслаждение. Сладкая боль. Жизнь медленно покидала тело.

Но всё закончилось слишком быстро.

Лина выглядела значительно лучше. Рома улыбнулся, наблюдая, как Лина стирает с лица кровь. *Ego* кровь. Раньше он не мог даже представить себе такой ситуации, но теперь это стало повседневностью.

— Что с тобой случилось?

— Меня укусил оборотень, — Лина замолчала, она не знала, как Рома отнесётся к её предложению. Но знала одно — она должна увести его любой ценой. — Мы должны бежать, Рома. Обратней целая стая. Ярослав может и удержит свою территорию, но прежде чем это случится, погибнет много людей. А я не хочу твоей гибели. Пожалуйста, идём со мной.

Рома поднялся с кровати. Он выглядел задумчивым и усталым.

— Я не могу. Здесь Злата, я обещал защищать её.

— Злату защитят. Уж поверь стая демонов в этой роли лучше, чем ты.

Лина разозлилась. Она вдруг ощутила вторичность своей роли для Ромы. На первом месте всегда была Злата.

— Ты всё ещё её любишь, да? — она пыталась скрыть ревность, злость, обиду. Но выходило у неё это крайне не умело.

— И да, и нет, — произнёс он, — Злата моё прошлое, а ты будущее. Я должен предупредить её, а после мы с тобой уйдём. Ты обратишь меня. Мы с тобой обойдём всю эту планету, ты научишь меня всяким вампирским штучкам, — Рома усмехнулся, — я ведь на самом деле люблю тебя, Лина.

Лина молча смотрела на него, пытаясь подобрать слова. Но в итоге сказала лишь:

— Я тоже тебя люблю, — она улыбнулась. Хотя где-то в глубине души понимала, что Рома всё равно не уйдёт без Златы. Его слова лишь способ успокоить злившуюся подружку-вампиру. И всё же Лина надеялась, что хотя бы часть этих слов правда.

Ведь она была искренней с ним. Она лучше позволит оборотням убить себя, чем допустит смерть Ромы.

Пусть они сломают ей хребет, пусть перегрызут ей глотку или разорвут на части, если это спасёт Рому, она не будет сопротивляться.

Глава шестнадцатая. Материя

Каждый из нас столкнётся с задачей, решить которую можно будет только в одиночку. Это будет страшно и захватывающе, и именно в этот момент Вы разберётесь в том, кто Вы есть.

Картина исчезла, но туман по-прежнему окутывал нас. Елизара застыла в нерешительности, словно собиралась ещё что-то сказать, но никак не решалась. Магия истощила её силы. На лице залегли тени, а в зелёных глазах появился на-мек на слёзы. Елизара провела ладонью по лицу. Она боролась сама с собой в своём нежелании показывать слабость.

Я протянула к ней руку, но Елизара отпрянула. Я не была её дочерью, а она не была моей матерью. И ей не было нужно утешение. Родство требовало что-то большее, нежели общую кровь.

Я вглядывалась в туман, окружавший нас, и стала замечать, как в нём проносятся картины. Прошое или будущее. Чьи-то желания и мечты. Несбывшиеся надежды. В этом водовороте чужих воспоминаний и желаний я ощутила собственную беспомощность, но была не в силах отвернуться.

Вот осень. И листья опадают под силой ветра. Этот вальс из золотого, красного и оранжевого невозможно забыть.

Вот счастливая пара. Должно быть это их свадьба. Они улыбаются друг другу. Я никогда не видела кого-либо более счастливого, чем они. Присмотревшись к парню, я узнала Ярослава. Девушка рядом с ним казалась мне смутно знакомой, хотя я готова была поклясться, что не видела её прежде.

В памяти всплыла старая фотография. Две сестры. Одна — моя бабушка, а вторая — в этой мечте или воспоминании была с Ярославом.

Они любили друг друга...

— Да. Он полюбил её, как только увидел. Я говорила, что интрижка с человеком до добра не доведёт. Но разве он слушал.

— Что произошло? Я слышала, что Марину загрызли волки... — и картина полностью восстановилась в моей голове.

— В полнолуние они не могут себя контролировать. Чувства, эмоции — всё это теряет смысл. Остаётся лишь голод. Побочный эффект нашего почти совершенного опыта.

Мне вдруг стала понятна ненависть Ярослава. Елизара говорила спокойно, в голосе сквозило безразличие, словно не её сын пострадал.

Она нас не любила. Почему? Возможно, мы были для неё обузой. Или она винила нас в чём-то. А может мы действительно всего лишь эксперимент двух богов?

— Злата, всё не так как кажется. Я могу попробовать тебе объяснить.

Она подошла ближе. Я видела грусть, мелькнувшую в её глазах, но мою злость это нисколько не уменьшило.

— Я постараюсь понять.

— Знаешь, все миры кто-то создал. Боги, такие, как мой отец, ведают ста мирами. Сто

королевств. Они создали их, они за них отвечают. Но и мир богов кто-то создал. А потом придумал и жителей для этого мира, не забыв наделить их самостоятельностью. А мы уже придумали людей, Хронус в противовес придумал вампиров. Боги дали людям то, чего были лишены сами...

Она замолчала, давая мне шанс самой догадаться. Но мне ничего не приходило в голову. И чтобы не выставить себя полнейшей невеждой, я промолчала.

— Так мой отец создал меня. Ему очень хотелось ребенка. Люди могут продолжить свой род, а боги лишены этой милости. Существует материя. С помощью неё можно создавать новую жизнь. Жизнь, которой не было до этого. Из неё сделаны души, из неё сделано абсолютно всё в этом мире. Мы создали Ярослава и его брата первыми, надеясь, что они отчасти смогут отвлечь наших преследователей. Но они не смогли. Моему отцу было всё равно на то, что мы создали новое существо. Новый вид, которого доселе на земле ещё не было. А потом, когда схватили Хронуса, я поднялась в те горы, и, желая отомстить всему миру, создала тебя. В тебе есть необычайная сила Злата, именно поэтому лес избрал тебя.

— Значит этот зов?.. — я проглотила собственные слезы. Я не понимала ничего. Мне нужно было время для того, чтобы всё осознать.

— Лес призывает свою новую богиню. Место не должно пустовать. В этом мире не должно быть пробелов.

— Я могу отказаться?

— Да, но тогда ты умрёшь. Лес будет преследовать тебя во снах, и зов будет доводить до безумия. Я помню, что было в первое время. А потом меня лишили силы, и все прекратилось. Тебе решать, Злата.

Она замолчала. Пошло много времени, прежде чем мы заговорили вновь. Она сказала, что для того, чтобы вступить в свои обязанности, я должна умереть. В конце лета будет особая луна. И тогда моя жертва не будет напрасной. Она сказала, что это может исцелить и Эрика, и Ярослава. И всю их стаю. Лес станет прежним, таким, каким он и должен был быть изначально.

— Почему я должна тебе верить? Может быть, это очередная ловушка.

— Ты не должна мне верить, Злата. Но ты сама знаешь, что я говорю правду. Загляни себе в душу. Ты ведь слышишь этот зов.

— А как же Хронус? Разве ты не хочешь освободить его?

— Если он покинет темницу, то уничтожит все миры. А это не то, чего я хочу.

Тогда я оказалась на распутье. Хотя меня и мучили сомнения, решение было вынесено. Я не собиралась убегать от своего предназначения. Я не собиралась губить близких мне людей. А ещё я осознала, что осталась совсем одна, мне больше не откуда было ждать помощи.

Знаете, всё же долг в то время был для меня превыше всего. Я никогда не задумывалась о богах, как о чём-то реальном. Я не думала о том, что будет со мной там, даже когда приняла решение.

Но если мне в любом случае суждено умереть, то пусть это будет так.

Туман развеялся. Мы снова были в комнате. Ничего не изменилось с момента нашего исчезновения, хотя нет, изменилась вся жизнь. Я сразу же увидела Ярослава. Он стоял чуть в стороне и явно нервничал. Мне захотелось его обнять. Я сморгнула не вовремя подступившие слёзы и подбежала к брату.

Несмело обхватила его плечи руками.

Я ожидала, что он оттолкнёт меня, но Ярослав лишь крепче прижал меня к себе.

Всё, что я делаю — это и ради тебя тоже. Я защищу вас всех, я никогда вас не брошу.

Клянусь.

Реакция Ярослава на моё решение была предсказуемой. Я думала, что он кого-нибудь убьёт в порыве гнева, поэтому на всякий случай отошла подальше.

— Ты спятила! — первое его восклицание. Потом было много брани, затем затишье. Он замолчал, но лишь потому, что случайно сломал что-то. Дальше я уже не слушала.

Он, мой брат, был странным созданием. Иногда он казался совершенно бесчувственным, а временами его в буквальном смысле разрывали эмоции. Он мог, вернее хотел, казаться полным ничтожеством, но на самом деле таким не являлся.

Я знала, что раньше он совершал ужасные вещи, и этому не было оправдания. Но ещё я знала, насколько он одинок, и это объединяло нас.

Я чувствовала с ним связь. Она была не похожа на то, что возникло между мной и Эриком (полное, безграничное эмоциональное слияние), но я чувствовала необычайное родство. Его кровь тянулась к моей, и наоборот.

Я почти не знала его, но казалось, что могу рассказать о нем абсолютно всё.

Если моя жертва избавит его от проклятия, то она уже не будет напрасной.

Я вспомнила Марину, и мне захотелось расспросить Ярослава. Но я знала, что это причинит ему сильную боль. Что было между ними в прошлом? Неужели он её так сильно любил?

А что же такое любовь? Сила или слабость? Есть ли на земле, что-то сильнее её? В то время я не знала ответы на эти вопросы. Я не могла понять, почему одни люди любят других. Мне казалось, что для любви нужно что-то особенное. Но это не так.

Любовь — это определённо сила. Но сила эта является и величайшей слабостью. Она может разрушить мир, она может создать его заново.

И пока Ярослав пытался меня разубедить, а точнее он говорил, что посадит меня под замок, я думала о том, что мне так и не удалось никого полюбить. Я не узнала, какого это парить высоко над землёй и чувствовать, что тебе ничего не нужно в мире, кроме того другого человека. О как же это прекрасно! Любить кого-то, любить до последней минуты, до последнего вдоха! Любить до ненависти, до самоотречения!

— Я всё решила, Ярослав, ты меня не переубедишь, — я была полна решимости. Я больше не колебалась, хотя и не была готова к тому, что ждало меня там. Проблемы решались по мере поступления.

Я вернулась домой ближе к утру. Ярослав не собирался сдаваться. Я никогда не слышала, чтобы он так много говорил, так убеждал. Но его мольбы разбились о каменную стену. Я не собиралась менять решение.

— А как же Эрик, как же твоя семья? — последняя попытка, но я лишь покачала головой.

— Они поймут, это и для их блага тоже, — что-то внутри меня дрогнуло, когда я говорила это. Они не поймут — вот в чём правда. Они будут искать тысячу причин, приведших меня к этому решению, но никогда не найдут настоящую.

Да и от моей семьи почти никого не осталось.

Когда мы, наконец, пришли домой, я сразу же легла в постель и уснула.

Призраки не проникали в мое воспалённое сознание. И я была благодарна им хотя бы за это.

"Лес никогда тебя не отпустит. Он тебя выбрал. Ты умрёшь, если выберешь иной путь, и ты умрёшь, если выберешь этот путь. Тебе лишь дано выбрать собственную гибель".

Я проснулась рано, но чувствовала себя поразительно бодрой и полной сил. Я улыбнулась, представив, как могу провести этот день. Меня переполняла любовь к жизни.

Я не знала, что именно в этот день, моя жизнь изменится навсегда.

Отступление

Ярослав отдал бы собственную жизнь для защиты Златы. Вот только его жизнь была никому не нужна.

Он злился, ему хотелось крушить всё подряд, но он сдержал в себе этот порыв.

Злата была такой упрямой! Он орал, упрашивал, молил. Но всё это было бесполезным. Разговор с Елизарой не пошёл на пользу его сестре. Злата узнала что-то важное. И это "что-то" повлияло на её решение.

После того как Злата вернулась домой, он сразу же отправился к Елизаре. Чтобы попытаться найти способ спасти Злату. Но бывшая богиня даже не пустила его на порог.

Она лишь жестоко посмеялась над ним, послав призрака Марины.

Сердце Ярослава болезненно сжалось, когда он увидел призрачный силуэт. Он уже снова не мог контролировать себя, рука его непроизвольно потянулась к призраку девушки.

Но всё, как и прежде. Его пальцы поймали лишь воздух.

— Госпожа не может тебя принять, — и она снова растаяла, словно снежинка на ладони.

А Ярослав так и продолжал стоять, смотря на старый дом, вспоминая события минувших лет.

Сколько времени должно пройти, чтобы зажили старые раны? На это никто никогда не сможет дать точного ответа. Всё зависит от самого человека и от глубины раны. Иногда нужно совсем немного времени, иногда и вечности бывает мало...

Тень была рада. Всё шло согласно плану. Если хочешь чего-то добиться, нужно уметь планировать, ждать, рисковать. Нужно уметь играть чужими жизнями, переставлять их, как пешки. Можно ли сравнить жизнь нескольких пешек с целями, которые считаешь великими? Конечно, нельзя.

Если ты слишком долго живёшь на земле, то чужие жизни перестают играть для тебя важную роль. Жизнь — это просто жизнь. Разменная валюта в циничном мире.

Тень должна начать более жестокую игру. Всё и так затянулось.

Память была жестокой к Ярославу. Словно всё было только вчера. Полная луна. Забвение. Кровь. Море крови. Её растерзанное тело. Он — убийца. Она — ангел. Он убил ангела. Ангел погиб из-за своей веры в убийцу.

Как странно, что он отчётливо помнил два момента их отношений: первую встречу и её смерть. Начало и конец неотвратимо связаны друг с другом.

Лина пришла к Елизаре. Она стояла на пороге и не решалась постучать в дверь. Она боялась. Никогда не знаешь, что потребует Елизара в обмен на услугу. Никогда. Это может

быть совсем не значительная вещь, а может... Лучше даже не думать о втором варианте.

Дверь отворилась. На пороге стояла Елизара. Блеск в зелёных глазах не предвещал ничего хорошего.

— Так-так, поразительно, кто пришёл ко мне за услугой, — бывшая богиня улыбнулась.

— Я... Мне нужно..., - но Елизара прервала Лину.

— Я знаю, что тебе нужно, дитя ночи. Вопрос лишь в том какую цену ты готова заплатить.

— А чего ты хочешь? — Лина чувствовала, что её не ждёт ничего хорошего.

— Ты должна уйти, я дам тебе лекарство, и ты навсегда покинешь лес, деревню, — она замолчала на пару секунд, а затем добавила, — Рому.

Глава семнадцатая. Да начнётся ад

Мы можем потерять свою душу, столкнувшись с чем-то по-настоящему тёмным. И если мы её потеряем, то будем вечно бродить по лабиринту, из которого нет выхода, медленно сходя с ума.

В розовом саду царил хаос. Но и за пределами моего маленького идеального мира происходило что-то странное. Многие люди вышли на улицу, словно что-то собираясь сделать. Целая толпа двигалась в одном направлении. Они шли в розовый сад.

Они шли к проходу в стене. Каждый что-то нёс с собой. Непросто милые безделушки: табуретки, стулья, деревяшки, кирпичи...

Они заделывали проход, создавали баррикаду.

Я спряталась за деревом и наблюдала. Наблюдала, как толпа мнёт алые розы.

— Тетя Лиза! — я бросилась к лучшей подруге моей бабушки. — Что происходит?

Но она даже не заметила меня, просто прошла мимо. Я снова догнала её. Дотронулась до её руки — никакой реакции.

А потом увидела её глаза, и мне стало страшно. Они были настолько пустыми, настолько лишёнными жизни, что должны были бы принадлежать мертвецу, а не живому человеку.

Я не понимала, что происходит, я не знала, что мне делать. Но понимала, что моё присутствие здесь бессмысленно.

Дома никого не оказалось. Всё вроде бы выглядело обычным, но бардак, что творился вокруг, убивал рутину. Это ломало систему.

Шум на улице привлёк меня.

Я не буду снова описывать события, происходившие тогда. Их можно охарактеризовать несколькими словами: страх, давка, смерть. Он вернулся.

Над площадью разносился властный мужской голос. Люди слушали его, люди внимали ему.

Мой дедушка всегда казался мне жестоким. Но теперь, когда он зловещей тенью возвышался над остальным, я окончательно перестала видеть в нём что-либо человеческое.

Он говорил, что пора вышвырнуть полукровок за пределы людского мира, что пора начать сопротивляться их гнёту. Мы — только мы — властны над своей судьбой.

Я притаилась. Мало ли, что могло произойти, заметь он меня. Среди множества людей было невозможно разглядеть Рому. Но я хотела его вытащить. Не-смотря ни на что.

Мелькнула знакомая макушка. Я стала придвигаться ближе к центру.

Рома стоял ближе всех к дедушке. Пробраться к нему незамеченной было невозможно. Поэтому я, недолго думая решила действовать напрямик.

Страх сильнее всего. Чтобы не говорили другие страх — это сила. Я уважаю людей, которые могут подавить собственные страхи в минуты опасности. Я не смогла тогда.

До Ромы я добежала быстро, на ходу расталкивая людей. Мне даже удалось схватить его за руку. А потом мой дедушка, наконец, обратил на меня внимание. Я помню, как его холодные глаза встретились с моими. Моя воля сломилась. Я отпустила руку брата.

Глаза. Холодные голубые глаза. Но перед тем как потерять сознание, я за-метила, что его глаза с льдисто-голубых стали чёрными, как у Хронуса.

Отступление

Ярослав понял, что что-то случилось. Крис — самый юный член их стаи — сказал, что люди забаррикадировали проход в деревню.

Но разве был бы он настоящим вожаком, не убедившись во всём сам? Приняв облик волка, он в сопровождении Криса отправился к стене.

Проход действительно был забаррикадирован. И место это утратило жизнь. В воздухе повисла тьма.

Ярослав сразу же понял в чём дело. Только одно существо могло сотворить такое. Отец. Но как?

Как он мог вернуться?

Спустя столько лет?

Злата!

Он даже не заметил, как побежал напрямик на преграду. Но он не успел перепрыгнуть её. Раздался выстрел. Ярослав ухмыльнулся про себя. Оружие смертных не могло причинить ему вреда. Но неожиданно пуля, попавшая в пра-вую лапу, причинила боль. Ярослав почувствовал, как она отравляет его кровь.

Перед глазами начало темнеть. И волчий облик медленно сменялся на людской. Силы покидали отравленное тело.

Наверное, смерть должна выглядеть так.

Кто-то схватил его. Крис. Он не позволит ничему случиться. Ему суждено стать вожаком потом.

Ярослав ещё недолго был в сознании. Перед тем, как силы окончательно покинули его, он прошептал:

— Марина.

Есть такое место. Между небом и Землей. Там встречаются души перед тем, как определится их путь. Туда приходят заблудшие, чтобы помочь только что умершим.

Марина часто приходила, она ни с кем не говорила, лишь смотрела. Это место помогало ей избавиться от болезненной, земной привязанности. Она боя-лась, что забудет о своей смерти, боялась, что вновь перейдёт грань.

Марина ненавидела Ярослава. Ненавидела, но при этом безумно любила. Время и смерть — две силы, но некоторые вещи не изменяют даже они. Любовь сильнее и времени, и смерти вместе взятых. Она то, что нас создает и то, что нас разрушает.

Это был обычный день для Марины. Она спряталась в поднебесной прежде всего от самой себя. И уж точно она никак не ожидала встретить здесь призрака Ярослава.

Он ещё не понимал, что умер. Его взгляд блуждал из стороны в сторону.

Ярослав никогда не боялся смерти. Возможно, потому что был обречён на вечность.

А потом он увидел Марину. И почувствовал любовь, безграничную и силь-ную, как

жизнь и смерть. Он не думал, что чувства могут жить и после.

Но они жили.

— Марина, — он протянул руку. Теперь уже зная, что Марина никогда от него не уйдёт. Они теперь навсегда будут вместе. Она не убежит от него, а он вечно будет отмаливать своё прощение, надеясь воскресить былые чувства.

— Нет, не надо, — она по-прежнему сопротивлялась их связи. Но её стальная воля была сломлена, и гордость уж не становилась между ними стеной. Они оба были на равных. Две бессмертные души, навсегда связанные и навсегда разлучённые.

— Ты должен жить, Ярослав, — она подошла к нему, борясь с желанием броситься в его объятия, забыть о гордости. Но она была сильной. Она могла бороться с любыми трудностями. *Ты сделал меня такой.*

— Там твои близкие. Они погибнут без тебя. Злата — она слишком слаба, она не справится, пока может чувствовать и жить как человек. Она уязвима, — каждое её слово вновь возвращало его в реальность. И он понимал неизбежность скорого расставания с Мариной. Но теперь он знал одно: он вернётся за ней, и тогда они не расстанутся никогда.

— Как я могу вернуться? — его голос звучал сухо и надломлено. Он обычно с легкостью подавлял эмоции, но вдруг его самообладание исчезло. Ему хотелось кричать, умолять Марину одуматься. Но он не стал этого делать. Он вспомнил ещё одну девушку. И этой девушке нужна была помощь.

— Ты сын бога смерти. Тебе просто нужно этого захотеть, — её призрачные пальцы коснулись его руки. Как жаль, что теперь он не чувствовал прикосновения, — ты знаешь. Ты не такой, как мы. Ты можешь выбирать.

Она легонько коснулась губами его щеки и прошептала:

— Я люблю тебя...

Но слова эти были лишь эхом в бесконечности. Он не смог ничего сказать ей, не успел. Он провалился в вечность.

Пока Ярослав находился в небытие, вся забота о стае легла на Эрика. Он не знал, что ему делать. Первый порыв — ворваться в деревню, растерзать всех, спасти Злату, потом он вспомнил про оружие, применяемое смертными, и понял, что дальше ворот ему не пройти.

Тогда он обратился к Елизаре, но она лишь сказала, что волноваться не стоит. Утром она окажет помощь, а сейчас всё бесполезно.

Но Эрик не мог и не хотел ждать до утра.

Где же ты?

Он сам не замечал, как мысленно звал Злату. Но отклика естественно не было. Между ними была сильная связь, но она не работала по их желанию. Она была лишь продолжением их самих.

Где ты?

Вернись ко мне!

Но ответом была лишь тишина. Пугающая и угнетающая тишина.

Остались лишь ожидание и надежда.

Глава восемнадцатая. Крови капли алые

Я ухожу во тьму. С каждым шагом отдаляюсь от тебя и от себя прежней. Выхода нет. Пути назад тоже не существует. Пустота поглотит всё, что меня окружает.

Кап. Кап. Тело словно налилось свинцом. Я почувствовала могильный холод камней, пробирающийся под кожу. Не было сил открыть глаза.

Кап. Кап.

До сих пор ненавижу звук капель. С тех самых пор...

Шаги. Звон ключей и звук открывающегося замка. Кто-то подошёл ко мне. Я почувствовала холодное прикосновение к шее. А потом голос знакомый, но слишком холодный и пустой, произнёс:

— Ты должна выбрать сторону.

Дима. *Ты не можешь оказаться одним из моих врагов. Ты не такой, как все. Ты не предашь.*

Я с трудом открыла глаза, чтобы подтвердить догадку.

Дима смотрел на меня с холодным презрением. Никогда прежде я не ви-дела его таким.

— Что же с тобой случилось? — я протянула к нему руку. Сама не знаю за-чем. Утешить? Защитить его? Убедить в чём-то? Но в любом случае он меня от-толкнул.

— Ты! Ты со мной случилась! С того самого момента, как ты родилась, я слышал зов. Мы с тобой были связаны всегда. Но всё это чувствовал лишь я один, я сходил с ума и не понимал, что со мной происходит. Когда мы встретились, я решил, что теперь всё будет по-другому, — его голос упал до шёпота, — но тебе было всё равно, Злата. Ты держала меня на расстоянии, — он присел рядом со мной. И смотря ему прямо в глаза, я осознала, что это чудовище породила я сама. Породила своим незнанием, своей природой, своей неосторожностью. — А потом пришёл он. И пообещал мне свободу и... *тебя*, если я поклянусь служить ему и выполню парочку поручений.

— Это ты убил того парня в переулке?

— И я, и одновременно не я. Фактически твой дедушка, но под моим строгим руководством. Я занимаюсь магией с рождения, нас с сестрой обучали кол-довству долгие годы. Мы защищали деревню от посторонних глаз. А наши предки придумали специальные татуировки, благодаря им мы всегда чувствуем, если с кем-то из наших случается беда. Так стало известно, что твоя мать погибла. И именно с помощью этой татуировки Хронус вынудил её привести тебя сюда.

Наши предки приложили руку к тому, чтобы разделить лес на две части. Они обезопасили людей от тварей, живущих там. Те бреши в стене — порталы, по-зволяющие попасть в сумеречный лес. К сожалению, это не единственный путь, поэтому довольно часто туда забредают простые люди и уже никогда не возвращаются. А для стаи Ярослава эти границы несущественны.

Он замолчал. А я, глубоко вздохнув, стала придумывать план побега.

Местом моего заключения была камера. Я не знала, что здесь есть что-то похожее на тюрьму. Хотя чему удивляться? В этом адском месте всё было воз-можно.

— Он хочет, чтобы ты открыла темницу, — Дима коснулся моего плеча, — он хочет, чтобы ты освободила его.

— Нет! — я нашла в себе силы подняться с пола. Магия бурлила в моей крови.

Вы же понимаете, что всё это было иллюзией? Я с самого начала была лишь слабой, глупой девочкой, созданной для определённых целей. Меня никто не любил, никто не ждал. Мои близкие были заложниками моей собственной силы. Я была механизмом. Я была орудием. Но ни разу я не была просто челове-ком. Все мои попытки бороться — бессмысленные шаги в бездну. Судьбу нельзя изменить — первый урок, который я усвоила. Но её можно отсрочить, и я в это верю.

Я была готова сделать всё, что угодно, дабы избежать освобождения отца. Я понимала, во что может превратиться мир, и в моей голове созрел план спасе-ния. Не меня, а мира от отца. От мёртвой меня Хронусу не было бы толка.

— Тебя никто и не спрашивает, Злата. Он хочет дать тебе выбор: насильная жертва или добровольная.

Я вздрогнула, осознав, что моё самоубийство будет им на руку.

Я заметила, что дверь темницы не заперта.

Дима не считал меня опасной...

О как жестоко он ошибся.

Бывают такие моменты, когда мы становимся сильнее. Мы не знаем, от-куда в нас берутся эти силы. Вы просто чувствуете невероятную мощь внутри себя. Вам кажется, что даже свернуть горы не так уж и сложно. Просто надо захо-теть жить.

Я даже не помню, как оттолкнула Диму. Он не ожидал от меня такой прыти, не устоял на ногах и упал.

А я продолжала бежать, сбивая с ног людей, стоявших у мне на пути. Да они и не замечали меня, находясь в магическом сне.

Дверь. Выход. Свобода. Я со всей силой навалилась на дверь, и она откры-лась.

Мои губы с жадностью хватали воздух.

Силы неожиданно иссякли. Я почувствовала себя маленькой, избитой де-вочкой.

Но нельзя было сдаваться. Я побежала дальше.

Я знала, что нужно было выбраться за пределы ограды. Но все порталы, ведущие в лес, были закрыты, а идти к главным воротам равносильно самоубий-ству. Перелезть через высокую ограду — тоже не выход.

Главные ворота. Главные ворота. Главные ворота. Может это не такое уж и безумие? Есть ли там сейчас охрана? Ведь большинство жителей находилось совсем в другой части деревни.

Рома.

Ты, мерзкая эгоистка, не можешь его бросить.

Ты же почти богиня, чёрт возьми! Найди его с помощью магии!

И тогда меня постигло неприятное открытие — моя магия исчезла. Я ничего не могла сделать. Я была обычным человеком, загнанным в угол. Надежда на спа-сение угасла так же быстро, как и возродилась.

Я не паниковала — позднее это напугало меня, потому что любой другой человек на моем месте начал бы паниковать. Ох, у меня начиналась паранойя, я искала странности в себе с таким остервенением, что непременно их находила.

Логика никогда не была моей сильной стороной. Но, сели рассуждать ло-гически, если

большинство людей находилось возле бреша в стене, то какова вероятность того, что там был и мой брат?

И какова вероятность того, что Дима меня ищет? И что же мне делать, если ему удастся меня поймать?

Но все эти мысли в тот момент казались глупыми и пустыми. Я была сторонним наблюдателем. Все в этом мире одна сплошная фальшивка, полная боли и страдания. Весь мир лишь игрушка, созданная на потеху богам. Мир — шахматная доска, и мы на ней пешки. Нами можно жертвовать, с нами можно играть. Но что есть этот мир, если не множество пешек?

Тучи затянули небо. В воздухе повис запах дождя и смерти. Смерть, как странно звучит это слово. Несколько букв, но, сколько смысла. Одновременно конец и начало. Стоит столкнуться с ней лицом к лицу, чтобы понять всю важность и весь смысл.

На землю упали первые тяжелые капли дождя. И вместе с тем раздался волчий вой. Пронзительный и сильный. Раньше он вселял страх в сердца людей, теперь не вызывал никаких эмоций.

Кто-то грубо схватил меня за плечо. Я резко обернулась, сбрасывая чужую руку.

— Она здесь, — его голос был лишён жизни. Я пару раз видела этого мужчину в деревни, он ненавидел моего дедушку, а мой дедушка ненавидел его.

Я всегда гадала, чем страх отличается от леденящего ужаса. Но в тот момент, смотря в пустые холодные глаза... Смотря в глаза человека, и видя всего лишь пустоту. Безграничную пустоту. Я ощутила холод внутри себя и что-то близкое к леденящему ужасу. Язык будто бы онемел.

Я словно приросла к одному месту и проваливалась в бездушную бездну.

Это всё ненастоящее. Это всего лишь магия, Злата!

Но внутренний голос не помогал. Я уже покинула этот мир, меня выдернули из него.

Дима пришёл. Я видела сквозь пелену его силуэт, окружённый тёмным сиянием. На его губах появилась улыбка, и меня забрала тьма.

Эрик. Сколько же ты значил для меня? Я не понимала тогда, не знала. Никто не понимал. Должно быть ты тоже. Почему же ты стал для меня целым миром?

Кто-то принёс меня в большую светлую комнату. И переодел в простое белое платье. Белый цвет невинности, смерти, очищения — сколько людей столько и значений. Но в любом случае это символично. Теперь всё символично.

В комнате кто-то был помимо меня, но я предпочла и дальше притворяться спящей. Нужно было придумать способ прекратить кошмар.

Я слышала, как открылась дверь. Звук тяжёлых шагов отдавался гулким эхом. Новопришедший замер подле меня.

— Она не спит, Дмитрий. Ритуал должен свершиться сегодня.

— Она не пострадает? — волнение и какое-то детское нетерпение наполнили его голос.

— Я верну её из мира теней, как только всё закончится.

— А он?

— Эрик умрёт. Ты можешь убить его лично, как и хотел.

Злоба. Я боялась за Эрика и ненавидела тех, кто желает ему зла. Мои глаза раскрылись раньше, чем я успела продумать свои дальнейшие действия.

Я не помню, как вскочила на ноги. Я помню лишь свой страх, когда я увидела собеседника Димы. Тень. Лишённая плотской оболочки тень внушала ужас, которые не смог

бы внушить ни один смертный.

Трудно было разглядеть какие-либо черты лица. Я видела лишь череп, обтянутый кожей. Носа не было. А вместо глаз зияли черные дыры, но я была уверена, что он всё видит.

— Ты... — очень остроумно, Злата. Ты просто мастер хладнокровности.

У меня было ощущение, словно я летела высоко над землёй. Мгновенное узнавание существа, которого я не видела прежде. Понимание, что он тебя создал. Хозяин. Отец. Хронус.

Странное желание поклониться ему — фальшивые эмоции, которые я подавила в себе.

Ты не можешь мной управлять. Я принадлежу только себе. Мне плевать, кто меня создал и зачем. Вы не властны над моей судьбой.

Я проговорила это мысленно, но Хронус услышал. Мои мысли не были в безопасности.

— Ошибаешься, — его голос слишком ясный и чистый. И властный.

Дима, казалось, пытался что-то сказать, но так и не решился. Он немного комично открывал и закрывал рот.

Он стоял на моем пути к свободе. Снова.

Все мои мышцы напряглись, и я бросилась вперед. Дима не ожидал нападения и ошибся. Он второй раз за день совершил один и тот же промах. Но я получила, что хотела — эффект неожиданности. Всего несколько секунд, а я уже убежала из комнаты. Горький опыт научил меня аккуратности, но убежать я так и не смогла.

Невидимые щупальца обвились вокруг моих лодыжек. Я упала на холодный пол. Бесполезно бороться с врагом, которого не видишь. Хотя я отчаянно пыталась. Но добилась лишь того, что щупальца обвились и вокруг моих запястий. Я была полностью обездвижена.

С моих губ сорвался крик ни то ярости, ни то боли.

— Я то уж думал, что моя дочь ручной котёнок. Успел разочароваться. Но оказалось, что в ней дремлет дикая тигрица, — он внимательно посмотрел на меня, — дочь должна чтить и уважать отца. Её жертва должна была быть добровольной. Но все мои дети — гнусные предатели. Осквернители нашего рода. Ничего, когда я вернусь, то займусь вашим воспитанием.

Казалось, что его голос проникает мне под кожу. Каждое слово будто бы вырезалось ножом на моём теле. Боль была настолько острой, что я прикусила губу, дабы не закричать. Мне не хотелось предстать перед ним поверженной и слабой. Я закрыла глаза, надеясь хоть как-то ослабить пытку, сконцентрироваться и попытаться обрести свободу.

Но всё прекратилось так же быстро, как и началось. Невидимые щупальца исчезли. Но я не успела насладиться свободой.

— Вставай! — Дима схватил меня за руки и резко потянул вверх. У меня от страха дрожали колени, и из-за этого на ногах я стояла не твёрдо.

Но Дима не дал мне упасть. Он тащил меня на себе, похоже опасаясь очередной попытки бегства. Моё тело подвело меня, моя воля ослабла. И даже при большом желании, я вряд ли смогла бы убежать далеко.

Белая пелена застилала глаза, созданная то ли Хронусом, то ли моей слабостью. Часть моего воспалённого разума понимала, что всё творящееся со мной дело рук Бога Смерти.

Всё внутри меня пылало от ненависти. Я ненавидела Хронуса, Диму, свою беспомощность и слабость.

Я вздрогнула, услышав скрежет закрывающихся дверей.

Из-за туч пробились солнечные лучи, но они не давали никакой надежды, временами их полностью поглощала небесная тьма.

Хотя я больше и не видела Хронуса, но его присутствие ощущалось: он словно никогда и не покидал меня.

Он был тенью, кошмаром. Казалось, что он преследовал меня даже во снах, напоминая о том, кто я на самом деле. Теперь всё встало на свои места: туманные ведения, вещие сны, души умерших — всё это обрело смысл.

— Твоя кровь вернёт его, разрушит темницу. А потом он воскресит тебя, — голос Димы доносился откуда-то издалека. Он ещё долго говорил, но я не могла разобрать слов. А если и могла, то у меня не получалось соединить их в предложения.

На нас никто не обращал внимания. Все люди теперь подчинялись Диме. Никто не мог мне помочь.

Мы шли к главной площади. Видимо там должно было состояться жертво-приношение.

Воздух наполнили крики. Совсем близко.

Я окончательно пришла в себя и попыталась сопротивляться, но всё было бесполезно. У Димы была стальная хватка. Он ни за что бы не отпустил меня.

Я вырывалась, когда он привязывал меня к столбу. Но единственное что мне удалось — это вывести Диму из себя. Он замахнулся для удара, но в самый последний момент передумал. Лицо его смягчилось. Я понимала, что на самом деле он не стремится причинить мне боль. Вся его озлобленность, одержимость — лишь следствие того, что он был ослеплён несбыточными мечтами.

— Они меня освободят, — прошептала я. Хотя сама я в это не верила, меня спасти могло только чудо.

— Если раньше не сдохнут, — в правой руке Дима держал огромный нож, украшенный рубинами. Красные камни сверкали, как капли крови, — немного магической, родственной крови, чтобы ослабить темницу.

Я закричала.

Моя кровь окрасила острое лезвие. Я не относилась к барышням, падающим при виде крови в обморок, но мне сделалось дурно.

Я прибегла к последнему средству.

— Дима, пожалуйста, не надо. Ты же знаешь, что всё плохо закончится. Его нельзя освободить, — наверно, у меня был настолько жалкий вид, что Дима замешкался. Но эта была лишь минутная слабость. — Ты же был моим другом.

— О Злата, мне мало быть просто другом. И мне очень жаль. Надеюсь, что ты простишь меня, когда вернёшься. И тогда мы вместе будем творить магию, Хронус подарит нам этот жалкий мир, а потом мы завоюем и другие.

Он подошёл ко мне вплотную. Я чувствовала его дыхание на своей щеке.

Волна отвращения. Это всё, что я могла чувствовать к нему. Мне было больно от предательства. Но эта боль была несравнима с отвращением. Я надеялась на его быстрый уход: если уж мне суждено умереть, то я не хочу перед смертью видеть лицо гнусного предателя.

Всё моё существо стремилось к Эрику. Он был моей семьёй и был моим домом. Одно его присутствие делало мою жизнь лучше и ярче. Он дарил мне свет и тепло, я дарила ему надежду.

И в тот момент, когда я думала, что мои минуты сочтены, мне нестерпимо сильно

хотелось увидеть Эрика. В последний раз.

Дима словно прочитал мои мысли. Он отпрянул, на его лице читалось от-вращение.

— Что собираешься делать? Подождёшь меня?! — крикнула я.

— Её тело должно превратиться в пепел, так написано в заклинании, — я увидела спичечный коробок в его руке, и подавила в себе желание закричать от ужаса. Я и так показала все свои слабости, не хотелось пасть совсем низко.

Зажжённая спичка упала на сухую солому. Несколько секунд и небольшой огонек превратился в пламя.

Я закрыла глаза, вспоминая перед смертью все хорошие моменты жизни. Даже в смерти есть свои плюсы. Я, наконец-то, увижу свою маму. Не Елизару. Свою настоящую маму. И может быть, обрету покой.

Я почти не чувствовала боли, я закрыла глаза и погрузилась во тьму. И даже не заметила, как всё закончилось.

Кто-то крикнул моё имя. Меня толкнули, и я упала на землю, больно уда-рившись головой.

Даже после смерти я чувствовала запах костра. Разве так должно быть?

Повсюду разносились крики.

— Злата! — тебя не должно здесь быть. Ты не умер, не умер.

Или...

Я...

Не умерла...

Я открыла глаза. Моя голова покоилась на коленях Эрика. Я всё ещё была живой, и Хронус не оказался на свободе. Разве это не есть счастье?

Вокруг нас бушевала битва, но я почему-то улыбнулась. Эрик смотрел на меня с опасением. Должно быть, он думал, что я повредила рассудком. Но мне было плевать.

Я приподнялась и огляделась вокруг. Смерть вновь меня пощадила.

Глаза Эрика сияли. И хотя, он всячески скрывал это, но он тоже был рад меня видеть.

Мы оба стояли на коленях, и не могли отвести друг от друга восторженных взглядов.

В тот момент вся моя жизнь теплилась вокруг него. Всё моё существо при-надлежало ему. Как бы я не старалась отрицать своей привязанности, как бы не играла в безразличие — раз и навсегда какая-то часть моей души покинула меня и отдалась ему. Странное, гнетущее чувство, которое когда-нибудь закинет меня в пропасть.

Я крепко обняла Эрика, благодаря за своё спасение, благодаря за тепло, ко-торое он всегда щедро дарил мне.

Моя эйфория прошла, стоило только увидеть алые пятна. Кровь была по-всюду. Так же, как и тела умерших и раненных. Бой по-прежнему продолжался. Мужчины и тени, плоды творения Димы и Хронуса, против проклятых — они даже не знали, за что дерутся, но упорно продолжали рвать друг другу глотки.

На стороне людей — Димина магия, делающая их сильнее, и тени, на сто-роне проклятых — грубая сила. Это был равный бой, и он не мог быстро закон-читься.

— Надо уходить, Злата! — Эрик поднял меня на ноги.

Он прокладывал нам путь сквозь сражения, по ходу сея смерть. Он убивал, ни сколько не жалея, держа в одной руке нож, а в другой мою руку. И хотя я по-нимала, что он всего лишь спасает мою шкуру, в тот момент я позволила корешку отвращения вновь пробиться. В моей голове не укладывалось, как можно так спо-койно лишить кого-то жизни?

Любое существо на этой земле хочет жить. Мне кажется, что никому из нас не дана власть отбирать жизнь.

А вокруг меня была лишь смерть.

У меня началась истерика. Я пару раз пыталась вырваться, и из-за этого чуть не погибла от руки человека.

Где-то вдалеке я увидела Диму, который руководил всем хороводом. Он давал людям силу и защиту, которые черпал от Хронуса. Он умело руководил своими куклами.

Чтобы прекратить бой, надо всего лишь обезвредить Диму. Эта мысль от-резвила меня.

— Эрик, мы не можем просто так уйти! Люди гибнут! Эрик, пожалуйста! — но он не слышал меня или не хотел слышать. Он продолжал прокладывать нам кровавую дорогу.

Один парень набросился на нас, и Эрик не ожидал этого. Минутное заме-шательство, и он всего лишь на мгновение выпустил мою руку. А мне этого было достаточно. Я рванулась к Диме, движимая совершенно нелепыми геройскими мотивами.

Я — противница любого рода насилия — стремилась любым способом оста-новить другого человека, причиняя ему боль, калеча его.

Дима наблюдал, он знал, что я сама иду к нему. Именно поэтому никто из его марионеток не остановил меня.

Я добежала до него быстрее, чем мне хотелось бы.

— Ну и что дальше, Златослава? — мне и самой было интересно знать, — ты не боишься? Ты совершенно одна, — проследив за его взглядом, я увидела Эрика, отбивающегося сразу же от нескольких людей, — да ещё и без оружия.

Он кинул мне меч.

— Ну давай, убей меня, и получишь свободу.

Я не понимаю переводила взгляд с него на меч и обратно.

— Остановись! Люди гибнут!

— О, я защищаю их, как могу. Из-за меня они стали быстрее и сильнее! И твои дружки уже не могут причинить им вреда, я лишил их силы! Так что сейчас они борются за свою свободу, Злата. Сколько лет мы терпели *их* гнёт!

Я знала, что в словах Димы есть правда. Но нельзя освободиться от гнёта таким путем. Нельзя заставлять людей делать это против их воли.

Дима больше не смотрел в мою сторону, видно решил, что я не достойна внимания.

Мои руки сами потянулись к мечу. Я ещё не знала, что собиралаюсь де-лать, когда мои руки подняли его. Слишком тяжёлый, и как можно с такой лег-кость размахивать им на поле боя?

— Стой! — крикнула я. Дима обернулся. В его взгляде вместе с интересом было ещё что-то. Словно отчасти он ненавидел меня.

— Уже интереснее, Злата. Твой отец пытался убедить меня, что для боя ты совершенно не годна, ибо пошла в мать. Но всё же в тебе есть стержень.

Он спрыгнул ко мне. В его руках тоже был меч, и мне стало страшно. Что же ты собралась делать, глупая?

Этот кусок металла жёг мою кожу. Он противоречил моей природе, разру-шал мою сущность.

Даже если очень захочешь, ты не сможешь его убить...

Нашёптывал внутренний голос. И он был прав.

И Дима знал, что я ничего ему не сделаю.

Он ходил вокруг меня, словно тигр около добычи. Мы не разрывали зрительного контакта, и это превратилось в некую игру. Кто моргнёт, тот и проигрывает.

В его взгляде было столько противоречивых чувств, и они были настолько сильными, что и меня затащило в этот водоворот. Я гадала, как в одном человеке могут жить любовь, ненависть, страх, желание одновременно. Как все эти чувства не разорвали его изнутри?

Я понимала, что мы не можем вечно так ходить. Он ждал моих действий, а я не могла действовать. Я боялась того, что может произойти.

А потом меч вдруг перестал казаться мне тяжёлым и пугающим. Я взяла его поудобнее. Естественно держать его в руке, словно я делала это уже много-много раз.

Я хотела нанести Диме неожиданный удар. Но неожиданным он казался только мне, парень ловко парировал. Для него это было всего лишь игрой. Каза-лось, что он знал каждое моё движение наперёд. А вот я его шагов предугадать не могла. Он сделал резкий выпад, и я с трудом держала защиту. А потом ещё одно молниеносное движение, и кончик его меча уже касался моего горла.

Мои пальцы разжались, и тяжёлое орудие выскользнуло из моих пальцев.

Дима улыбнулся. В его глазах плясали бесы.

— Я теряю себя рядом с тобой, — неожиданно сказал он, — было бы просто убить тебя сейчас. И положить конец всему. Вот только это невозможно.

— Ты ничего не знаешь обо мне. Так с чего такая одержимость? — я дрожала от страха, стоило ему немного надавить, и меч разрезал бы мою кожу.

— Ты ошибаешься. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо. Когда-нибудь тебя объяснят, тогда поймёшь, Злата. Не я должен тебе рассказать.

Он убрал меч, и я облегчённо вздохнула. В последнее время смерть под-крадывалась ко мне слишком близко и слишком часто.

Дима приблизился ко мне. Наши лица разделяло несколько сантиметров, и я подавила в себе желание отвернуться.

Его пальцы коснулись моих губ.

— Сколько в тебе ненависти и презрения ко мне.

— Я тебя не ненавижу.

— Но презираешь. Твой телохранитель уже идет к нам, устроим шоу? — и с этими словами он развернул меня спиной к себе. Моего горла снова касалось лезвие меча.

Диму всё это забавляло. А вот я снова оказалась на волоске от смерти. И снова по своей глупости.

— Эрик, надо же, как быстро! Я тебя уж и не ждал. Без своей магии ты не так уж и силен, — Дима манерно растягивал слова.

— Отпусти её!

Дима посмотрел на меня, потом на Эрика. И сделал то, что от него я ожидала в меньшей степени. Он толкнул меня к Эрику.

— Только в этот раз. Когда мы встретимся снова, она останется здесь, — и с этими словами он ушёл.

Я, кажется, плакала тогда. Уже и не вспомнить, прошло слишком много времени, и это плохое воспоминание стало лишь образом вдали. Хотя, я знала, что Эрик был жутко зол, несмотря на его попытки меня в этом разубедить. В то время связь между нами стала достаточно крепкой. Всё его существо стремилось порвать Диму в клочья, и я была единственным препятствием для воплощения этой идеи.

Эрик и на меня разозлился. В этом я его поддерживала. Я сама на себя зли-лась: на свою слабость, на свою глупость.

Я думала, что он потянет меня к выходу, но мы продолжали стоять на месте. Эрик словно ждал кого-то. И при этом игнорировал меня. Абсолютно. Я превратилась в пустое место.

Только этого не хватало!

Я уже хотела либо начать приносить извинение, либо пытаться привлечь внимание, но меня отвлек один человек. Рома. Он бежал в нашу сторону, и я испугалась, что он тоже стал одним из Диминых кукол. Но глаза Ромы были совершенно ясными. Точно такие же небесно-голубые, напоминающие о доме.

Рядом с ним бежала девушка. Я сразу же узнала её. Её снежно-белые волосы и фиалковые глаза. Лина. Вампирша. Мой брат умел заводить друзей. У неё в руках был небольшой меч, как впрочем и у Ромы. Они напоминали воинов из ангельского войска.

Только вместо демонов они убивали людей.

— Злата! — мой брат заключил меня в крепкие объятия. Сколько раз они спасали меня от боли внешнего мира. Почему же сейчас всё иначе? Почему мы отдалились друг от друга?

Никто из нас больше не был тем, кем являлся до этого.

— Выведи её отсюда! — голос Эрика подхватил ветер, эхом отразив по-всюду. Но никто не обратил внимания, все были слишком заняты, истребляя друг друга.

Рома среагировал мгновенно. Он потянул меня в сторону, но я не хотела просто так уходить. Мне нужно было ещё раз увидеть Эрика, объяснить ему всё, сказать, что он — один из лучших людей в моей жизни. Ведь я никогда не хвалила его. В тот момент я так сильно боялась потерять его навсегда, так боялась его смерти, что почти осознала, что...

— Эрик!!! — но он не посмотрел на меня. И скоро я потеряла его из виду.

Лина пыталась вывести нас закоулками. И во славу всем богам план её работал, мы не наткнулись ни на одного человека.

До прохода оставалось совсем немного. Ещё чуть-чуть и лес защитит нас от всего.

Но на нашем пути возник незнакомец. Он выплыл, словно тень и встал между нами и свободой. Я не сразу же заметила в его руке нож, а когда заметила, было уже поздно.

Одно молниеносное движение, и Лина упала на землю, а в груди её торчал кинжал, рукоять которого была украшена рубинами.

Капюшон упал с головы незнакомца, и я узнала в нём парнишку, стоявшего на воротах в день нашего приезда. Его глаза были совершенно пустыми. Он даже не пытался сопротивляться, когда Рома нанёс ему удар мечом. Его тело безжизненно упало на землю, а пустые глаза были открыты и, не отрываясь, смотрели на меня. И на минуту в этих глазах мелькнуло до боли знакомое выражение. Словно глаза этого парня превратились в глаза Хронуса. Страх цепкими пальцами сжал моё сердце. Мне показалось, что Хронус владел целым миром, и мы все были всего лишь куклами в его игрушечном доме. Но и сам он был заложником, вынужденным использовать тела других, для достижения своей цели.

Я оступилась. Мне показалось, что губы мертвеца расплылись в улыбке. Но приглядевшись, я поняла, что это всего лишь очередная галлюцинация.

Рома плакал. Он держал голову Лины у себя на коленях и плакал. Я никогда не видела его настолько опустошённым. Даже, когда умерла мама, он находил в себе силы к дальнейшему существованию. Сейчас же, казалось, что он умирал вместе с Линой. Его душа будто бы навсегда покинула тело и последовала за другой, родственной душой.

Его плач переходил в крик боли и отчаяния.

Лина была ещё живой, но жизнь, которая теплилась в её груди, медленно покидала тело.

Девушка стремилась что-то сказать, но с её губ срывались лишь хрипы. Ей хватило сил поднять правую руку и дотронуться до щеки моего брата. Рука без-жизненно упала, оставив кровавый отпечаток. Рома с надеждой посмотрел на это проявление жизни. Возможно, он даже решил, что рана не смертельна, и у Лины есть шанс выжить. Но стоило посмотреть на рану, и все надежды разом умирали.

Я была тогда лишь наблюдателем. Я и раньше видела проявление чувств, но никогда не казались мне они настолько сильными и искренними. И тогда вме-сте с горечью я ощутила зависть, непривычное и острое чувство, которое может совратить даже самые невинные души. Я завидовала брату, который смог найти человека, с которым жизнь обрела смысл.

А потом я отругала себя за это. Весь мир для Ромы... Всем миром для Ромы была эта умирающая девушка. Вампирша, а важно ли это? Имело ли это значение для него?

Конечно, нет.

Он целовал её окровавленную ладонь. Умолял не умирать, умолял остаться с ним, но разве это было в её власти? Смерть не щадила никого.

Лина открыла глаза. Взгляд её сделался ясным. Она больше не чувствовала боли. В глазах её отразился целый мир и безграничная любовь.

— Я взяла лекарство и не выполнила уговор, поэтому... — Лина закашляла, — я люблю тебя, — и она угасла навсегда. Фиалковые глаза потеряли свою яркость, свет, так долго освещавший их, погас.

Я почти не знала её, но моё сердце налилось кровью. Почему одним созда-ниям суждено умереть, а другим жить? Разве есть для этого какие-то причны? Или же это просто случайность?

Мы сами творим свою судьбу. Она зависит лишь от наших решений.

Где-то вдалеке слышались крики. Бой по-прежнему продолжался. Но от-чего-то утратил свое первостепенное значение. Все происходило будто бы не с нами, не со мной. Я словно смотрела грустный фильм. Но никак я не ощущала себя участником событий.

На сцене этого спектакля осталось лишь двое актеров — я и лес.

Все всегда говорили мне, что он живой. Лес имеет душу, он может мыс-лить сам по себе. Я никогда особо в это не верила, но с каждым днём моей жизни в этом месте я чувствовала, что ошибаюсь.

Я могла смотреть только на лес, и с каждым мгновением он всё больше за-владевал мной. Казалось, что какая-то часть моей души принадлежит ему. Он за-бирал печаль и тревогу, дарил забвение. И вместе с тем воровал душу.

А потом я снова вернулась из театральной постановки в реальность, где мой брат убивался собственным горем. Он был не в состоянии заботиться о нас двоих. Теперь я должна была защитить его.

С этим возникли проблемы. Рома никак не хотел покидать Лину. Я пони-мала его, на его месте я бы тоже отказалась уходить. Но тогда маленькая, добрая девочка в моей душе умерла, я думала только о выживании. Я превратилась в без-душную куклу.

— Вставай! У нас нет времени!

Он посмотрел на меня, но мысли его витали далеко за пределами этого мира. Тогда я взяла его руку и стала говорить слова, которые шли от самого сердца. Слова, которые я уже и не вспомню, но тогда они приобрели особое зна-чение.

Рома послушал меня. Возможно, он что-то увидел в моих глазах. Может быть, произошло что-то ещё.

Но, когда я произнесла последние слова, Рома аккуратно опустил тело Лины на землю, поцеловал её в лоб долгим, прощальным поцелуем, взял меня за руку и мы побежали в сторону леса.

Мы не разговаривали. Я не знала, что надо спрашивать. И надо ли вообще что-то спрашивать у человека, которому плохо. Но разговор, так или иначе, был неизбежен.

Рома уверенно вёл меня к домику Елизары. Я ещё не видела самого жи-лица матери, но чувствовала его близость. Поразительно, что когда мы шли туда в первый раз я ничего не запоминала. Но, кажется, кровь брала своё. И на земле действительно нет уз сильнее, чем узы крови. Я бы нашла дорогу к этому дому с закрытыми глазами. Что-то внутри меня вёло к нему.

Тропинка, ведущая к дому, была выстлана желтым кирпичом. Да, а я ду-мала, что у моей матери нет чувства юмора. Дом выглядел сегодня по-другому: он напоминал небольшой замок из мечты. Из моей мечты, в детстве я всегда мечтала именно о таком доме с башенками и витражными окнами.

А что меня действительно удивило так это осень. Хотя на улице был июль месяц, вокруг дома обитала осень. Листья красиво падали с деревьев и золотом покрывали крышу.

Я немного постояла вот так, любуясь на волшебство, а потом упала в об-морок.

Отступление

Дима был недоволен тем, что Хронус приказал ему отпустить Злату. Но, когда его повелитель приказал не убивать никого из стаи, Дима впал в бешен-ство. Хронус сразу же понял чувства своего помощника.

План Хронуса был полностью исполнен. Земля впитала силу Златы вместе с принесёнными человеческими жертвами. И в заключение всего — смерть вам-пира.

Но Дима был не доволен. Ослеплённый ненавистью, он не получил обе-щанного удовольствия от тщательно подготовленного спектакля.

Когда началась его одержимость Златой? Ещё в детстве его преследовали видения о ней, он слышал её голос у себя в голове. И позже начал сходить с ума. Всё стало хуже с того момента, когда она приехала в деревню.

Дима помнил, как к нему пришел Хронус, хотя это было давно по челове-ческим меркам, но с тех пор в его голове было несколько голосов. Он долго не соглашался заключить сделку, потому что в его душе всё ещё жил добрый маль-чик. Но прошло немного времени и всё хорошее, что было в нём, поглотила тьма.

Дима даже не понял, как согласился. Хронус сам нашел его. И с того мо-мента его жизнь навсегда изменилась. Он отрыл для себя новые горизонты, узнал вещи, навсегда изменившие его мировоззрение. Даже одержимость Златой ото-шла на второй план, магия полностью захватила его.

Но на балу всё изменилось. Её поцелуй с полукровкой поселил в душе Димы тёмное и

ужасное чувство — ревность. Именно тогда он решил исполнить план Хронуса немедленно, чтобы причинить ей боль отчасти. Он знал, что его предательство ранит Злату.

Всё было спланировано, в этом плане не было бреши.

— Она сделала то, что должна была сделать. Страх выпустил её силу, — го-лос Хронуса звучал в голове. Бог Мёртвых не мог долго задерживаться на земле, даже в качестве тени — это отнимало слишком много сил. Его попытка усмирить Злату потребовала огромного количества энергии.

— Почему нельзя было убивать стаю? Я думал они преграда.

— Они скоро вернутся ко мне. Я их создал. Обидно, что за время моего от-сутствия они переменили сторону.

— Так не проще ли было их всех истребить, дабы и другие видели, что ты не прощаешь нанесённых обид.

— Всё не так просто, Дмитрий.

Да и сам Хронус не понимал причин, побудивших его сохранить жизнь стае. Но он любил своё творение. Он придумал их, создал их. Они были своего рода его детьми. И поэтому надежда, что они одумаются, не умирала. Зов крови всегда силён, а их кровь принадлежала ему.

Он удивился, увидев Злату в тот день. В его представление она была иной: милой, доброй девочкой. Хронус часто наблюдал за своей дочерью из темницы, и даже оставлял ей охрану в виде нескольких призраков. Довольно часто они выхо-дили из-под контроля и пугали девушку. Впрочем, многие призраки привязались к ней: она напоминала им солнце, греющее кожу, напоминала о важности жизни и заставляла их чувствовать себя живыми.

Хронус не ожидал, что Злата окажет сопротивление. Она боролась за свою жизнь с такой яростью и силой! Она была воином, волком в овечьей шкуре. Про-сто сама об этом она вряд ли догадывалась. Ей с детства прививали другие ценно-сти.

Бог смерти ощутил слабость. Он и так слишком долго пробыл в мире лю-дей. Его силы иссякли, и он не мог предотвратить неизбежного. Темница затяги-вала его в свои недра, не давая возможности выбраться. Пока. Первые шаги к сво-боде уже сделаны, осталось продолжить игру.

Эрик удивился, что их отпустили. Если честно, он уже приготовился уме-реть, но в этот же миг всё кончилось. Будто кто-то дергал за невидимые ниточки, и кукловоду явно надоела игра.

Но стая не стала дожидаться, когда кукловод передумает. Они медленно двигались к выходу, надеясь на скорое спасение. Зловещие тени исчезли, а люди не обращали на них ни малейшего внимания, они все находились в магическом трансе, и даже замечали жутких раны на своих телах. Словно боли не было.

Некоторые люди бродили по улицам и что-то бубнили себе под нос. Они не моргали и смотрели прямо перед собой, напоминая сумасшедших. Другие са-дились в углах, качались и разговаривали с кем-то невидимым.

Эрик прислушался. Одна женщина произнесла такие слова:

— На землю спустится тьма... Диана убьёт всех сама, — парень не обратил на это никакого внимания, благо, что звучали эти слова как бред сумасшедшего. Это даже могло бы показаться смешным, если бы не было таким печальным.

А потом он чуть не наступил на кого-то...

Эрик ещё не видел лица, но длинные белые волосы уже назвали имя. Лина. Мертва.

У него на секунду перехватило дыхание, а от страха сердце забилося быст-рее. Он боялся за Злату. Где же она? Успел ли Рома увести её отсюда? Может быть, её убили, а возможно, захватили в плен?

Он мог сделать тысячу необдуманных шагов: перевернуть всё здесь, сжечь мир дотла, но найти её.

Но была стая, а он был вожаком. Они зависели от него.

Он собрал всю свою волю в кулак и мысленно пообещал вернуться, если не обнаружит Злату в безопасном месте.

Они двинулись к лесу.

Я сожгу весь мир дотла, если с тобой что-то случилось.

Глава девятнадцатая. Надежда на новую жизнь

И моя жизнь изменилась навсегда с тех пор, как я узнала дату её конца.

Он был рядом. Я чувствовала, как его пальцы сжимают мои. Я знала, что на лице его застыло внимательное выражение — он наблюдал за мной, готовый в любую минуту броситься на помощь.

Его присутствие даровало мне покой, и поэтому я боялась просыпаться. Быть может, если я не проснусь, то и прошлое окажется лишь тенью, видением, неправдой. И в моём сне будешь ты, такой же, как всегда. И мы будем вместе не-смотря ни на что.

Лес укроет меня от моих преследователей. Пока он не подвластен ни бо-гам, ни людям. Он подчиняется лишь мне и самому себе. Он пьёт мою жизнь, а я питаюсь его мощью. Так было всегда, так будет всегда.

И я смогу спрятать тебя. Ты больше не будешь проклят. Пока мы вместе, они не властны над нашей судьбой.

О, лесной бог, услышь мои молитвы. У меня только одна просьба, только одно желание — позволь моим близким жить без страха и без боли. Дай им уют, защити их от моего отца. И я вновь вернусь к тебе, я очищу тебя от грязи, от насилия и страданий. Я искуплю грех, свершённый здесь. Моя жертва станет искуплением! Моя кровь будет платой.

Я обещаю тебе. И клянусь своей душой, что исполню обещание.

Я находилась между сном и явью. Казалось, что меня окружает неведомая прежде сила. Мои чувства, мои мысли — в них словно проник иной разум. И у него было имя — Лес.

Я прежде не осознавала, насколько крепкая связь образовалась между нами. Но чем больше я проводила здесь времени, тем сильнее мне хотелось рас-твориться в лесной тишине. Моя душа постепенно исчезала, становилась частью Леса.

Но близкие мне люди по-прежнему держали меня в реальном мире. Я не могла исчезнуть, не убедившись, что с ними всё хорошо: что Эрик больше не проклят, Рома продолжает жить дальше, именно жить, а не существовать, а Яро-слав вновь обретёт покой и сможет найти цель в своей жизни. И люди в деревни должны быть в безопасности. Да и весь мир должен быть в безопасности.

И именно эти мысли вернули меня в реальность. Мысли и рука Эрика. Я чувствовала прикосновение, тепло и медленно возвращалась.

Я всегда буду возвращаться к тебе. Чтобы не случилось, кто бы ни стоял у меня на пути. Если конец света не наступит, я найду путь и вернусь к тебе.

— Злата, — я открыла глаза.

Мир вокруг меня будто бы изменился. Я смотрела на Эрика и видела его иначе. Он не был инфантильным красавцем, он был прекрасной душой, запертой в проклятое тело. И его синие глаза лишь отражение души, её зеркало. И это зер-кало затягивало меня. Я не могла отвести глаз и медленно проваливалась в бездну чувств, удивительную как и сама жизнь.

Мир со всеми своими красками навсегда погас, ибо что-то изменилось во мне. Жизнь будто бы коснулась души, подарив надежду, дав шанс на новую судьбу.

— Привет, — мой голос прозвучал хрипло. Но было так приятно говорить, чувствовать, как слова слетают с губ, как мысли обретают форму. В словах жизнь, они выражают то, что мы видим, то, что мы думаем и чувствуем.

Прикосновения и слова делают нас живыми. А каждое касание Эрика отдавалось и в душе, и в теле.

Он поцеловал меня. Аккуратно и нежно, словно боялся сломать. Моё тело налилось теплом, я почувствовала себя защищённой. Все страхи неожиданно исчезли, мы снова остались одни в целом мире.

Эрик первым прервал поцелуй и прижался своим лбом к моему.

— Нужно позвать остальных. Они обрадуются, когда узнают, что ты очнулась, — Эрик ушёл, и я ощутила пустоту. Но кожа горела там, где он меня касался. Если закрыть глаза, можно было подумать, что он по-прежнему рядом.

Я хочу, чтобы ты был со мной. Я не знаю, кто ты мне. В наших отношениях нет определенной грани, но иногда мне кажется, что ты единственное настоящее в моём мире.

Жаль, что мне не хватило смелости сказать эти слова. Неуверенность почти порок. Во всяком случае, мой.

В комнату вошла Елизара. Она улыбнулась, увидев меня. Возможно, это было единственное проявление чувств ко мне с её стороны. В тот момент я подумала, что мы могли бы поладить.

Мне хотелось бы поговорить с ней: узнать больше о ней, о её жизни до побега и после него. Но некоторым вещам не дано случиться.

Я ждала появления Ромы. Мне хотелось сказать ему так много слов, но я не знала, что именно из всего этого вороха мыслей можно произнести вслух.

Что можно сказать человеку, потерявшему смысл жизни? Что вообще мы можем в этом понимать, не столкнувшись лицом к лицу со смертью?

Я вздрогнула, когда увидела Рому. Он появился неожиданно и выглядел... Он напоминал мне лишь тень себя прежнего. Призрак среди живых, всего лишь мальчик, потерявший почти всех близких.

Он подошёл ко мне. Рома молчал, а все слова из моей головы куда-то испарились.

И я уже хотела произнести одну из тех бесполезных фраз, что так любят использовать в качестве утешения.

Но Рома обнял меня. Его объятия — это моё детство. Его объятия — это безопасность. От Ромы всегда пахло мятой, когда мы были маленькими, это успокаивало и бодрило. Я была ребенком, я вернулась на много лет назад в прошлое.

На какой-то миг мы снова стали семьёй. Все обиды были прощены. Наш путь был долгим и опасным, но мы прошли его. Не до конца, но большую часть.

— Всё как в детстве, как же я скучала поэтому! — мне показалось, что он плачет.

Брат и сестра. Лучшие друзья. Наша затяжная ссора осталась позади, всего лишь призрак.

Я радовалась тому, что всё налаживается.

У порога застыл Эрик. Он улыбнулся краем губ. В его взгляде можно было прочитать понимание.

Иногда мне казалось, что этот человек мог читать у меня в душе, понимать мои чувства, даже те, что оставались загадкой для меня, видеть мир моими глазами. Вначале я боялась этого неожиданного понимания, теперь была рада ему.

— Где Ярослав? — я не видела его среди сражающихся, и он не пришёл ко мне сейчас. В душу закралось подозрение. — Что с ним?!

Я слишком быстро встала на ноги, голова закружилась. Но упасть в обморок слишком большое удовольствие.

Ярослав для меня был загадкой, но он так же был и моим братом. Мы провели вместе мало времени и не знали друг о друге почти ничего. Но что-то заставляло меня беспокоиться о нём, бежать на выручку, несмотря на боль, слабость и страх. Узы, что связывали нас, никто не смог бы разрушить.

Рома слегка надавил на мои плечи, и мне пришлось сесть.

— С ним всё в порядке, По крайней мере, сейчас, — Эрика веселила моя реакция.

И последующую пару часов он рассказывал мне о том, что произошло за время моего отсутствия. Я узнала, как ранили Ярослава. Несколько часов он на-ходился на грани жизни и смерти. Но сейчас с ним всё было хорошо, и он спал.

План моего спасения придумала Елизара, она наложила на стаю чары, изменила их облик. Вся проблема заключалась в том, что из-за колдовства Димы, никто не мог принять свой волчий облик, они все потеряли силу. С оружием им помогла Лина. Она пошла в деревню спасать не меня, а Рому. Но всё же пошла, рискуя своей жизнью и потеряв её.

Стоило стае оказаться в деревни, как чары спали. Завязалась бойня.

А дальше я всё видела сама.

Я отправилась к Ярославу. Мне хотелось убедиться, что с ним действительно всё хорошо.

Его комната была маленькой, но светлой. Когда я вошла, он ещё спал.

Кровать, столик и одно большое окно. Никаких личных вещей: книг, тетрадей или чего-то подобного. Значит, это не было его постоянной комнатой.

Где же ты живёшь, Ярослав? Есть ли в твоей жизни место, дающее тебе покой?

Я аккуратно присела на кровать.

Сон нас меняет. Даже Ярослав не стал исключением из этого правила. Черты его лица разгладились, и он не выглядел кровожадным убийцей. Он так же не был забитым и испуганным мальчиком.

Не было серьёзности, злости, просто красивый парень.

Почти ангел...

Ярослав улыбнулся чему-то во сне, а я улыбнулась в ответ.

Мои пальцы коснулись его лба, аккуратно вычерчивая невидимые узоры.

Почему я беспокоюсь о тебе? Почему мне кажется, что даже если все от меня отвернуться, ты останешься со мной?

— Конечно, останется, — в комнату вошла Елизара. Она снова копалась в моих мыслях.

Она смотрела на меня несколько секунд, а потом жестом велела следовать за ней.

Мы вышли на улицу. Дом остался прежним, а вот время года изменилось. Зелёная трава щекотала ноги. Яблони цвели пышным цветом, а их лепестки, ведомые ветром, падая, напоминали дождь.

Голубой небо затягивало в свой омут. Мне казалось, что если я буду слишком долго на него смотреть, то попаду в призрачную тюрьму, из которой не найду выхода.

Птицы пели свои странные песни. В детстве я думала, что так они рассказывают свои удивительные, сказочные истории. Рассказывают нам, случайным путникам, а мы просто не научились понимать их языка.

— Ты его единственный близкий человек, — голос Елизары был слишком громким для этого места.

Птицы замолкли, будто стремились услышать наш разговор, не потеряв ни слова. А потом они, возможно, сложили бы эти слова в новый рассказ для новых путников. Жаль, что я так и не узнаю, о чём он будет.

— Ярослав только трёх людей впустил в своё сердце. Двое из них мертвы, осталась лишь ты, и он сделает всё, чтобы предотвратить твою гибель.

Я замерла. Откуда она знала? Неужели наши чувства для неё похожи на слова в открытой книге?

— Вам просто так показалось.

— Он всё же мой сын. Я знаю его лучше, чем кого бы то ни было. Другое дело — ты. Временами, я тебе понимаю, но чаще ты для меня загадка. Словно не моя дочь вовсе.

В её зеленых глазах сложно было прочесть какие-то эмоции, но тогда я уловила горечь.

Тишина. Даже ветер стих. Природа замерла, ожидая развязки нашего разговора.

— Странно, что я не могу тебя полюбить. Мне было горько отдавать тебя, когда ты была ребёнком. Но я никогда не ждала встречи с тобой, — она говорила это, а я ощущала тупую боль в области сердца. Слезы зацепили в глазах, а в горле появился ком.

Но я не заплакала, молча проглотив боль и унижение. Спрятала чувства на дне души. А Елизара продолжала:

— У нас с тобой совсем мало времени — всего лишь месяц. Ты уже приняла решение, это решение поможет нам всем.

Обстановка переменилась: теперь нас окружали кусты алых роз. Мне вспомнился сад моей бабушки, и сердце налилось тоской по тому дивному месту. Я сразу же задала себе вопрос: что стало с моими родственниками? Наверяд ли они участвовали в битве. Так что возможно с ними было всё в порядке. Стоило утешить себя этими мыслями, потому что проверить не представлялось возможно-сти.

Я могла рисковать собой — это было моим правом. Но не могла рисковать другими: Эриком, Ярославом, Ромой. Я бы никогда не простила себя за это. Если даже я решусь пройти в деревню тайком, какова вероятность того, что никто из них не отправится следом за мной? И какова вероятность, что меня не поймают? Правильно — никакой.

— У тебя появится невероятная сила, если Лес примет твою жертву. Такая власть, но за неё придется заплатить.

— Так он может отказаться? И что тогда произойдет? И что за цена, если он меня примет? — столько вопросов, а так мало времени для того, чтобы получить ответы.

— Если он не захочет принять твою жертву, то ты умрёшь, как простая смертная. А цена для богов непомерно высока — твои чувства. Боги редко поддаются страстям. Они не испытывают жалости, а любовь в их сердцах редкое явление. Именно поэтому мы с Хронусом были опасны.

— То есть я превращусь в бесчувственную марионетку?

— Да. К сожалению. Возможно, исчезнет и часть воспоминаний.

Я вдруг потеряла себя в мире. Мне казалось, что я не смогу справиться со своей ролью, что не выдержу и сбегу. Буду бежать, пока все тревоги, все опасности не останутся позади. Я бы нашла на этой чёртовой земле место, где бы никто меня не нашел.

Но...

Ты уже не маленькая девочка, Злата. Нужно уметь принимать решения и нести за них ответственность. Нужно уметь жертвовать собой, ради безопасности других — именно это называется человечностью. А ты всегда хотела быть человеком, а не животным,

присвоившим себе этот титул. Подумай о том, что твоя жертва спасёт жизни. Если ты будешь достаточно сильной, ни-кто из них не отберёт твои воспоминания.

Я уже направилась в сторону дома, полностью погружённая в свои мысли, как вдруг Елизара окликнула меня:

— Злата! Проживи этот месяц, как тебе хочется.

Хороший совет — впрочем, я уже приняла решение.

И в этот же вечер я ушла жить к Эрику. Все были удивлены, а некоторые недовольны. Ярослав накричал на меня, хотя и был очень слаб, но на это сил у него хватило. Рома был слишком опечален, чтобы пытаться меня переубедить. Елизара предпочла скрыть свое недовольство, хотя я часто ловила на себя её пол-ный осуждения взгляд.

А вот Эрик был удивлён. Ему почему-то казалось, что я начала отдаляться от него. Но как я могла так просто отдалиться от него? Он — моя поддержка после смерти матери, мой друг и защитник, он стал мне ближе всех других. Я не хотела с ним расставаться. Я хотела просто быть с ним, во всех смыслах. Заботиться о нем, разговаривать с ним. Мне хотелось засыпать и просыпаться рядом с ним. И в последний месяц своей жизни у меня не было сил отказаться от этого соблазна.

Насколько не были бы безумными наши отношения, мне хотелось дать им шанс. Чтобы я потом вспоминала о них с улыбкой. И даже если у меня отберут все чувства и воспоминания, какая-то часть моей души всегда будет помнить.

Почему из всех людей на этой земле только ты способен заставить меня жить дальше? Что в тебе особенного? Зачем ты заставил меня чувствовать себя одновременно незащищенной и защищённой?

Мне бы так хотелось получить ответы на эти вопросы. Даже сейчас я не знаю, что за чувства он вызывал в моей груди. А ведь я стала намного умнее, мно-гое пережила. Почему я не могу получить ответ на такой простой вопрос?

Но некоторые вещи, похоже, должны остаться без ответа...

В тот вечер я поругалась с Ярославом из-за своего решение. Он — великий грешник по-моему мнению — сказал, что я веду себя безнравственно. Ссора эта не была долгой, в комнату вошла Елизара и выставила меня за дверь.

— Если ты сделаешь это, Злата, я приду за тобой и посажу под замок! — вот она чрезмерная братская опека. Я не стал ему ничего говорить, чтобы не усугуб-лять положение. Надеюсь, снова помириться.

Рома снова ушёл в себя. Я обняла его, но он никак не отреагировал. Ели-зара приготовила для него отвар. Я попыталась заставить его сделать глоток, но жидкость просто лилась из его рта и стекала по подбородку.

— Рома, пожалуйста! — он посмотрел на меня пустым взглядом.

Я позвала Елизару. Она отодвинула меня в сторону и опустилась на колени рядом с Ромой. Она ничего не говорила, просто смотрела ему в глаза, но я чувст-вовала, как комнату медленно наполняет магия. Древняя сила проникла в каждый предмет, в каждое живое существо.

— Ты ещё встретишься с ней, но не сейчас. У каждого в этом мире есть ис-пытание, и нужно преодолеть его с гордо поднятой головой.

В глазах Ромы появилось осознание. И на минуту мне показалось, что он вернулся ко мне. Но глаза его угасли так же быстро, как и зажглись. А потом он уснул...

— Что ты с ним сделала?!

— Послушай! Его отравил Хронус. Эти чары созданы для того, чтобы сводить с ума. Он застрял в собственных воспоминаниях, желаниях и иллюзиях. Магический сон — самое лучшее, что я могла для него сделать. Его рассудок немного повредился, но я смогу это исправить. Сейчас ему поможет только полный покой. Он очнётся, когда будет готов.

Я сдержала слёзы, заглушив боль ненавистью к Хронусу. Я дала себе клятву: "Я сделаю всё для того, чтобы спасти тебя, Рома".

С этими мыслями я покинула брата. Сердце мое было не спокойно, но я понимала, что ничем сейчас не могу помочь.

Эрик ждал меня возле двери. Он был взволнован, впрочем, я тоже. Но его волнение улеглось, когда дверь за нами захлопнулась, а моё разгорелось с большей силой.

Он чему-то улыбнулся, а я удивлённо посмотрела на него.

— Ты выбрала меня, Злата, — он взял меня за руку, наши пальцы переплелись, и я ощутила тепло.

Мой дом там, где ты. Так было, так будет. Я клянусь, что, даже если весь мир сгорит в адском пламени, я проведу тебя сквозь огонь и смерть, и ты будешь жить в новом, совершенном мире.

В лесу было совсем тихо. Временам где-то ухала сова, но чем дальше мы отходили от дома Елизары, тем больше её уханье растворялось в ночи.

Мы не торопились. Мне хотелось насладиться каждым моментом, проведённым вместе с ним.

Прогулка в лесу. Звёзды на небе.

— Где заканчивается лес? У него есть границы? — я мастер испортить романтику.

— Лес заканчивается там, где кончается твоё воображение.

— А если моё воображение бесконечно, то...

— И лес бесконечен.

— Как думаешь, с Ромой всё будет в порядке?

— Да, он вернётся к тебе.

Эрик обнял меня. Сначала я почувствовала себя не уютно, но тепло его рук дало мне защиту и принесло покой. Я закрыла глаза и носом уткнулась ему в плечо. От Эрика всегда пахло хвоей, в каком бы обличье он не был. Лишь две вещи оставались неизменными: синие глаза и запах. Я никогда этого не забуду. Даже, если буду гореть в аду.

Но Эрик не знал, о чем я думала в тот момент. Возможно, это было к лучшему. Я слишком сильно запуталась в себе, не могла отличить правду от лжи. Но разобраться во всём этом могла только я сама.

— Знаешь, о чём я всё время думаю? — Эрик прошептал эти слова мне на ухо. Мне показалось, что он склонился ко мне слишком близко.

— Нет, — сердце моё пропустило несколько ударов, — расскажи.

— Я думаю о нашем танце на балу. Всё время. Мне кажется, что я никогда прежде не был так счастлив. Так что, — он отпустил меня и отступил на шаг, — позвольте пригласить.

Он медленно протянул мне руку, а я так же медленно, поддерживая игру, приняла её.

— Но у нас нет музыки, — сказала я, улыбаясь. Эрик не ответил мне. Вместо ответа он начал что-то напевать себе под нос.

Мы закружились в медленном танце, словно две тени в призрачном лесу. Мы были всем и одновременно ничем. Лишь две песчинки в целом мире.

И снова всё потеряло значение. Всё кроме него.

А танец все продолжался, Эрик по-прежнему напевал, а я, пытаясь разоб-брать слова, споткнулась и почти упала.

Я испуганно посмотрела на Эрика, но поймав на себе его взволнованный взгляд, рассмеялась. А потом к моему веселью присоединился и Эрик.

Я снова уткнулась носом в его плечо, наслаждаясь его объятиями.

Вот так мы и стояли, потеряв счёт времени, медленно покачиваясь в танце.

Мы не спешили идти домой.

Возле озера было большое дерево. Вековой дуб, чья крона стремилась да-леко ввысь.

Я присела на холодную землю, а Эрик плюхнулся рядом. Мы смотрели на спокойную водную гладь, на звёзды, отражающиеся в ней. Эрик рассказывал мне легенды, а я, облокотившись на его плечо, полностью погрузилась в сказку этого места.

Может быть, даже у меня есть надежда на новое, счастливое будущее.

Я закрыла глаза и уснула.

В полусне я поняла, что кто-то несёт меня на руках.

— Спи спокойно, Злата. Я буду охранять твой сон, — и я успокоилась, помня о красивом и вечном обещании.

Когда я проснулась, Эрика не было рядом.

При свете дня его комната выглядела иначе. В первый раз я не успела ни-чего толком рассмотреть, но сейчас увидела стопки книг на полу и на тумбочке. Комната была небольшой, и в ней царил творческий беспорядок: многие вещи были разбросаны, одежда запихана в маленький шкаф.

Я с трудом выбралась из постели. У меня было много планов на день: на-вестить братьев, поговорить с Елизарой, пойти с Эриком на поляну. Он сказал, что на закате, если повезет, можно увидеть души животных. Там два мира сопри-касаются, оставляя невидимые следы друг на друге.

— Ты проснулась, — Эрик вошел в комнату. И в лучах утреннего солнца я увидела его иначе. В моей памяти что-то ожило, но так же быстро угасло.

В лесу опадали листья. Они танцевали свой причудливый танец. Природа играла с ними, а они с природой. И среди этого осеннего безобразия лишь двое выпадали из общей кутерьмы.

Парень и девушка кружились в своем танце, в прекрасном и неземном вальсе. И казалось, во всём этом мире нет людей счастливее и прекраснее их.

Видение растаяло. Я удивленно моргнула. Что это было? Всего лишь один пазл мозаики, но картинка не будет полной, пока у меня не будут все части.

— Я к Елизаре. Ты меня проводишь? — он кивнул.

Мы отправились сразу же после завтрака. Утром лес не внушал былого страха, скорее приносил покой. Лучи солнца затеяли игру на листьях, природа словно любовалась собственной красотой. Мне казалось, что этот лес полон са-моцветов, так были разнообразны краски природы. И среди всего этого велико-лепия были слышны чистые голоса птиц.

Сказка в этом лесу становилась явью. Вот только сказка ближе к вечеру могла обернуться кошмаром.

Если границы леса действительно зависят от моего воображения, то пусть он будет бесконечен. Я сама создам свой мир, здесь, перед этим разрушив старый.

Я всегда любила природу. В детстве мне казалось, что на самом деле я не человек, а

эльф, никак не меньше. Ну, хотя бы с первым пунктом я не ошиблась.

Моя страсть к природе вылилась в череду неприятностей для матери: все бродячие животные в радиусе ближайших улиц паслись возле нашего дома, птицы в определённый час тоже прилетали за кормом. Вся эта суматоха быстро надоела соседям. Они не стали ничего говорить, лишь наняли службу по отлову собак. Как правило, с бездомными животными никто не возится: их отстреливаю, травят, а если и забирают в приют, то держат небольшой срок. Тоже постигло и моих друзей. Я была в школе в тот день, а когда вернулась, всё уже было кончено. Моя доброта стала для них погибелью.

Странные создания люди. Они любят рассуждать о гуманизме, любви, че-ловечности. Они говорят об этом с пафосом, но никогда не исполняют простых истин. Любовь к другим людям, забота, а часто ли основой этому служат внут-ренние порывы? Во многих случаях за фальшивой заботой стоит живая выгода.

А что же животные? Нельзя получить от бедного, голодного котенка вы-году.

Думаем ли мы о том, что чувствует собака, когда в неё стреляют из писто-лета те, кто должен был бы заботиться о ней. Что чувствуют котята, которых то-пят в холодной воде. Виноваты ли они в том, что не нужны? Дети, жестокие от природы, бросают камни в бродячих животных. Этакое милое соревнование, не-винная детская шалость! Попал в лапу — молодец, попал в глаз — ещё лучше. Им же не больно, они не умеют чувствовать. Мы можем бросить в их сторону: "Это же просто животные!"

Вот вся наша сострадательность. Будем же милосердны!

Я считаю, что в этом мире важна каждая жизнь. Если мы хотим быть силь-ными, мы должны помогать друг другу, тянуть на себе тех, кто не может за себя постоять. Ибо только истинная доброта, сострадание способны что-то сотворить, способны сделать нас людьми.

Рома по-прежнему был погружён в сон. Я смотрела на него несколько ча-сов, держала его безжизненную руку. Но ничего не изменялось.

— Он очнётся, когда будет готов, когда отпустит свою боль, — говорила Елизара. И у меня тут же появлялся вопрос, который я боялась озвучить: а что если он никогда не отпустит свою боль?

Но ответ, где то глубоко внутри себя, я знала. Если он сам не справится со своей бедой, то ему никто не поможет. Как бы я не хотела все исправить, здесь я была бессильна.

Ярослав уже остыл, злость ушла, не оставив следов. Но зная насколько вспыльчив мой брат, можно было ожидать ссоры в любой момент. Каждое слово я подбирала аккуратно.

Но вскоре напряжение спало. Эрик покинул меня, но обещал вернуться че-рез пару часов. И в это время мы с Ярославом говорили обо всём на свете. Он просил меня рассказать о своём детстве, и я с радостью пустилась в воспомина-ния. Все забавные и грустные истории ожили. И я поняла, что больше этого не повторится: я не оживлю мёртвых, не верну тёплых вечеров. Прошлое ушло.

Я не заметила, как начала плакать. Тогда Ярослав обнял меня и начал рас-сказывать о красоте природы, о мире, скрытом от моих глаз. Он поглаживал меня по спине, а его тихий голос наводил на мысли о доме. Он отпустил меня, когда я полностью успокоилась.

— Когда ты рассказал мне правду... Что ты тогда сделал со мной в лесу? — я задала вопрос, который не давал мне покоя уже очень давно.

— Я хотел обратить тебя. Но твой организм отверг превращение, ритуал не был проведён до конца. Ты не изменилась.

— Зачем? — Ярослав посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

— Ты моя сестра, Злата. В нашем мире не так-то легко найти человека, по-хожего на себя. Не так-то легко полюбить кого-то. Я хотел обратить тебя в своих эгоистичных целях. Ты — мой способ избавиться от одиночества. Ты — источник невероятной силы, Злата. Твой дар делает тебя мишенью, — он смотрел на меня с такой заботой во взгляде, что у меня защемило сердце.

Знаете, когда я смотрела на него, то будто бы проваливалась в пропасть. У меня ни на минуту не возникало сомнений в нашем родстве. Я чувствовала ни-точку между нами, что-то глубоко общее.

— Марина — сестра моей бабушки? — вопрос сам сорвался с губ. Я тут же мысленно себя отругала. Мне не хотелось тревожить его старые раны.

— Да, — он отвернулся от меня. Не хотел показывать слабость. Я понимала это, но мне нужно было кое-что знать, — хочешь увидеть мои воспоминания?

Он предложил мне то, о чём я побоялась бы его просить. Он хотел поделиться со мной самым сокровенным — своей памятью. Это слишком много, это всё равно, что раскрыть другому человеку свою душу. Воспоминания — самое дорогое, что у вас останется. Чтобы не случилось, они у вас буду. Хорошие или плохие — это зависит только от нас самих. Но память — величайший дар, и мы должны правильно им пользоваться.

— Если ты... Да, я хочу, — ещё одна возможность узнать новообретённого брата, до того как мы расстанемся навсегда.

— Ничего не бойся, — он взял меня за руку. Я ожидала, что всё будет точно так же, как с Елизарой. Но была удивлена.

Я закрыла глаза всего лишь на секунду, а открыв их, обнаружила, что нахожусь в лесу. Совершенно одна.

Только всё вокруг было покрыто туманом, а деревья казались призрачными. Сон и реальность соединились в одно.

Я осмотрелась, пытаюсь определить, где именно нахожусь. Но место было мне не знакомым.

Вдалеке послышались крики, туман рассеивался. Мужские голоса, полные ненависти и желания смерти, разрушили лесной покой.

— Этот щенок прячется где-то там!

— Его видели!

— Нужно уничтожить дьявольское отродье!

Толпа людей появилась из мрака. Мужчины, чьи лица были изуродованы ненавистью, держали факела в руках. Предводитель этого полчища — гордый человек с седыми волосами и жестоким профилем. Он чем-то напомнил мне моего дедушку. Может быть глазами, жестокостью, талантами лидера. Они могли бы быть родственниками.

Толпа двинулась вперёд, и я пошла следом. Я догадывалась, кого они ищут.

Ярославу на вид было лет десять. Но глаза... Его глаза меня поразили. Они не могли принадлежать ребёнку. Скорее голодному и избитому волчонку. В них не было вообще ничего человеческого.

Люди окружили Ярослава. А тот опустил на четвереньки и зарычал, как дикий зверь. Они загнали его в угол, и Ярослав знал, что ему хотят причинить боль.

Меня охватила ярость. Я была готова защитить брата любой ценой, но ничего не могла сделать. В этой Вселенной моя роль — роль призрака.

С моих губ сорвалось лишь беспомощное:

— Не трогайте его! Он ничего не сделал! — жаль, что этот крик потонул в животном вопле толпы.

Мне не хотелось смотреть на то, что он сделают с Ярославом. Но выбора не было.

И тут мой брат начал меняться. Он обращался в волка. Люди удивленно ахнули. И теперь мне стало понятно, что Ярослав никогда не был невинным ма-леньким мальчиком, он мог за себя постоять. С детства им всегда руководило одно чувство — ненависть.

Он превратился в чёрного волка и бросился на людей. Послышались крики. Кто-то пытался отбиваться, а кто-то просто принялся бежать.

Я видела двух мальчиков. Ярослава и моего второго (погибшего) брата. Они заботились друг о друге, спасались от людей.

И вот он уже взрослый, плачет над двумя телами: девушка и мой второй брат. Ярослав и сам не понял, как убил. И это сводило его с ума, он знал, что во всём замешано проклятие. И с того дня он был один.

Картина сменилась. Ярослав намного старше, но взгляд по-прежнему хо-лоден. И внутри него живёт непроглядная тьма. Его терзало одиночество. И чтобы избавиться от него, он покинул лес.

Он находил людей, которые потеряли смысл жизни, и предлагал им бес-смертие. Он всячески убеждал их, что это спасет от безнадежности. Многие со-глашались, но не все переживали укусы.

Я понимала, что Ярослав мстит людям. Лишь немногим он оказал милость присоединиться к нему. Остальные обращённые и отвергнутые вынуждены были скитаться по миру, пытаясь выжить, борясь с собой.

Однако в лес он вернулся один. Тогда и начали пропадать люди. Там же Ярослав встретил Эрика. И что-то изменилось в его жизни. Мальчик, умирающий от голода, потерявший почти всех близких, напомнил ему себя в детстве.

Вскоре вся стая поселилась в лесу. Ярослав изменился. Теперь он так сильно напоминал Хронуса, что меня невольно сковал страх.

Они поработили людей. И я видела, каким тёмным триумфом наполняются глаза Ярослава при мысли о том, что его мучители теперь его слуги.

И так было ещё долгие годы.

Картины менялись невообразимо быстро. Но все они отображали лишь не-нависть и жестокость. И я бы, возможно, даже возненавидела Ярослава, если бы так хорошо не понимала его. Что случилось бы со мной, если бы я росла так же, как он? Не думаю, что в моей душе осталось бы хоть что-то светлое.

Но для Ярослава всё изменилось быстро. Однажды в лесу случайно заблу-дилась девушка. Она не видела надвигающуюся опасность. Ярослав был тенью, он наблюдал за своей жертвой. И уже почти потерял контроль.

Но что-то в этой хрупкой девушке с копной каштановых волос остановило Ярослава. Он просто наблюдал за ней. И желание убивать исчезло.

— Вы заблудились, — она вздрогнула. Страх поселился в её глазах, но внешне незнакомка казалась спокойной.

— Нет, я знаю выход, — голос её прозвучал твердо. Это рассмешило Яро-слава. Он знал, что внушает девчонке страх. Но то, как она держалась, делало её в миллион раз выше других людей.

— Я Ярослав, — он неожиданно почувствовал робость, но всё же протянул ей руку.

— Марина, — взгляд её по-прежнему оставался настороженным, но руку она пожала.

— Выход из леса в той стороне.

Они снова были в лесу. В осеннем лесу. И о чем-то мило беседовали.

Я уже не могла узнать Ярослава. Куда делось то угрюмое, мстительное создание?

В лучах света я смогла лучше разглядеть Марину. Она была ослепительно красивой девушкой. Взгляд серых глаз завораживал и оставлял в душе след. Марина была настолько живой и тёплой, что часть всего этого передалась и Ярославу.

Они тогда ещё не были парой. И Марина наверняка не догадывалась о чувствах моего брата, а он уже тогда смотрел на неё по-особенному.

Я замечала, как часто Ярослав будто бы случайно дотрагивается до её руки. Девушка никак не реагировала на эти прикосновения. Может быть, она и догадывалась. Разве можно не замечать те восхищённые взгляды, которые он бросает на неё?

Праздник в деревне. Ярослав тайком прокрадывается на городскую площадь. Он не хочет, чтобы его заметили.

Сестра Марины начала подозревать о наших отношениях. Это могло плохо закончиться.

Голос Ярослава раздался у меня в голове, и я вздрогнула.

Я знала, что не являюсь заложником воспоминаний, я в любой момент могу бросить всё это. Мерзости мне уже хватило. Но нужно было досмотреть до конца, чтобы понять.

Марина была одета вроде бы в обычное платье, но мне она напомнила принцессу из сказки. Её густые волосы были собраны в высокую причёску.

Ярослав подошёл к девушке со спины и крепко обнял... Марина не высказала удивления, она нисколько не испугалась. Глаза её закрылись, и она положила голову на плечо Ярослава.

— Ты пришёл.

— Конечно.

А потом он поцеловал её. Я отвернулась. Это что-то глубоко личное, и мне не обязательно смотреть.

Теперь я оказалась на поляне.

Под сенью деревьев, Марина и Ярослав были вместе. Её голова покоилась на его коленях. И казалось, что ничто не может разлучить этих людей. Они оба изменили, излечили друг друга от болезни, которую породило общество.

— Если ты исчезнешь, я умру, — голос Ярослава почти слился с шелестом листвы.

Марина пристально посмотрела на него, прежде чем ответить.

— Я должна уехать, но я вернусь. Обещаю, — она дотронулась пальцами до его щеки и выдавила из себя улыбку, — что я без тебя?

Ярослав ничего не ответил, он лишь поцеловал её ладонь.

— Я тебя ненавижу! Убирайся! — Марина выглядела по-настоящему разгневанной. Я удивилась такой перемене в её настроении. Что же натворил Ярослав?

Но потом я заметила человека, наблюдавшего за этой картиной. Моя бабушка. Теперь всё ясно.

Марина резко развернулась и направилась в сторону дома.

Я не смотрела на Ярослава, всё моё внимание бы приковано к Марине. Он слегка улыбнулась. И картинка рассыпалась тысячью осенних листьев.

— Она поверила? — Ярослав потянулся к Марине, но девушка отодвинулась.

— Я думаю. Мы были очень убедительны, — она рассмеялась. Я видела в её глазах чувство безграничного счастья и ощущение победы. — Я хочу быть с тобой.

На минуту в воздухе повисла тишина. И даже я могла ощутить напряжение.

Ветер колыхал листву, а на небе появились тучи. Две жёлтые бабочки летели друг за другом, очевидно в поисках цветка. Но им не везло. В округе не было цветов. Землю лишь изумрудным ковром покрывала трава.

Я сравнивала лес из воспоминаний Ярослава с нынешним. И не находила отличий. Всё здесь словно замерло во времени.

— Я хочу, чтобы ты меня обратил. И мы уйдем с тобой вместе. Навсегда, — Марина поцеловала Ярослава, но парень не ответил на эту ласку. Он был слишком удивлён. И казалось, что внутри него сейчас борются два разных человека.

Но эгоизм довольно часто побеждает. Желание быть с любимым человеком — можем ли мы назвать это эгоизмом? Временами мне кажется, что да.

— Ты уверена? — в его голосе прозвучало ничем не прикрытое сомнение и страх. Он боялся, что она согласится, он боялся, что она откажется.

— Да, — одно слово, способное изменить всё.

— За тебя я бы утопил в крови целый город.

— Но я этого не хочу, просто будь рядом.

Лес был покрыт туманом.

Я слышала тихие всхлипы. Моё природное любопытство как всегда победило, и я направилась отыскивать источник звука.

Первое, что я увидела кровь. Всё было в ней.

Кровавые следы вели к большому дереву. Я последовала к нему, и увидела окровавленное тело девушки.

Её белое платье было изорвано, покрыто алыми пятнами. Её длинные волосы в беспорядке разбросаны по сырой земле.

Марина.

Она ещё была живой, но никто не мог ей помочь. Я взглянула на небо, и увидела, что его освещает полная луна.

Волчий вой раздался позади меня. Я оглянулась. Ярослав в своём волчьем облике почуял запах крови. В его глазах не было ничего от человека.

— Нет! — крикнула я. Но разве был в этом хоть какой-то смысл! Кто мог слышать меня в воспоминаниях? Как я могла изменить уже произошедшие события?

Я закрыла глаза. Мне не хотелось смотреть на то, что должно было произойти.

— Ярослав, — Марина пришла в себя, но Ярослав не узнал её. Он был всего лишь животным.

Я слышала рык и успела увидеть, как волк бросился в сторону девушки.

И великой силой воли мне удалось вынырнуть из этого воспоминания.

В лесу наступило утро.

Ярослав склонился над телом Марины. Он плакал, и его плачь переходил в бесконечный крик боли. Он не сознательно рвал на себе волосы.

Я смотрел на своего брата, и всем своим существом стремилась его утешить. Но не могла. Меня не было рядом с ним. Он был одинок, и это одиночество причиняло ему ещё большую боль.

На моих глазах выступили слезы. В моей груди поселилась боль. Его боль.

Эта утрата была теперь не только его, она стала и моей.

Твоя боль — моя боль, мой брат.

Всё закончилось. Я открыла глаза, и поняла, что сижу рядом с Ярославом. Он заметно нервничал, боялся моей реакции.

А потом заглянул в мои глаза и, должно быть, всё понял.

Я первая обняла его.

Вот так мы и продолжили сидеть ещё пару часов. Мы, наконец, обрели друг друга.

Я знала, что и он, и Елизара хранят ещё один секрет. То, о чём никто из них не хотел мне рассказывать. То, что в воспоминаниях было лишь мигмом. Мой второй брат.

Эрик пришёл за мной вечером. Всё своё свободное время я провела с братьями.

Рома. Его состояние пугало меня. И с каждой минутой я всё больше боялась, что Рома никогда не очнётся.

Любовь приносит только боль? Или все же она дарит радость? Ответ на этот вопрос трудно отыскать. Для каждого человека он будет свой.

Когда-нибудь и я узнаю: какого это.

Мы с Эриком шли к поляне, держась за руки. Это уже начало входить в привычку. Его рука — моя якорь, моя опора.

Он рассказывал мне о книгах, которые прочитал в юности. Рассказывал о своих мечтах. И мне казалось, что он так глубоко ушёл в воспоминания, что уже даже не замечает меня.

Я встречала в своей жизни много людей. Но чаще всего они были пустыми куклами. Я видела мужчин и женщин, приходящих к матери по работе. С каким ажиотажем они обсуждали своих соседей, родственников, любовников, поливали их грязью!

Но Эрик не был таким. Он был так похож на меня и так не похож одновременно. Он просто был другим. Сложным, неповторимым. Мне хотелось, чтобы судьба его была легче.

Я понимала, что он всегда стремился к другой жизни. Просто один неверный, сделанный по глупости выбор навсегда перечеркнул мечту.

— Эрик, послушай меня, — он остановился, прервался на полуслове, — езжай в город, начни все сначала.

Я замерла, не решаясь продолжить. Мне нужно было несколько секунд, чтобы собраться.

— Влюбись. Начни строить свою жизнь. Не замыкайся среди книг и леса, научись любить себя и то, что тебе дано.

А потом я обняла его. Я положила голову ему на грудь и слушала, как бьётся его сердце. Сердцебиение совершенно особенное, не похожее ни на какое другое в мире.

— Злата, я... — но я не позволила ему договорить.

— Обещай. Обещай мне, что в конце лета выполнишь всё это, — я закрыла глаза, мне уже известно его решение.

— Хорошо, обещаю. Но ты поедешь со мной, и не смей отказываться, — с моих губ сорвался грустный смешок. Как мне рассказать ему?

Но я струсилась тогда. Правду Эрик не узнал от меня.

Мы с ним начали строить планы на будущее, и я никогда прежде не видела его таким счастливым. Да я и сама слишком увлеклась.

— Когда мы поженимся, то будем жить в квартире в центре города.

— Так мы поженимся? — я засмеялась.

— Конечно, а ещё у нас будет трое детей.

И всё в таком же духа. Но на какое-то мгновение мне стало грустно от того, что я лишилась такого будущего. Несмотря на всю свою обычность, оно могло бы быть вполне счастливым.

Вот так мы и добрались до поляны. Я уже видела её в воспоминаниях Яро-слава.

С первого взгляда она казалась обычной. Трава была мягкой и изумрудно-зелёной. Местами цвели ромашки и васильки. Деревья зловецей стеной отгоро-дили это место от внешнего мира.

Я взглянула на небо. Облака принимали причудливую форму, медленно плывя по голубой, небесной глади.

Я скинула обувь с ног. Все ограничения исчезли, долгожданная свобода нашла меня.

Я закружилась на поляне, радуясь ветру, теплу и солнцу, бесконечно любя этот мир. Солнечные лучи играли с моей кожей, согревали её. Мои глаза закры-лись, и я ощутила, как сила возвращается ко мне. Я больше не была беззащитной. Магия снова ожила. Всего лишь на мгновение, но ожила

Эрик смотрел на меня и улыбался. Он не торопился присоединиться к мо-ему веселью. Тогда я перестала кружиться и хитро взглянула на него. Мне хоте-лось играть, веселиться. Я поманила парня пальцем, но он не двинулся с места. Я сделала недовольную гримасу и отвернулась. Ох, сколько сил мне пришлось при-ложить, чтобы скрыть смех, так и рвущийся из моей груди!

Моё внимание привлекла ромашка. Она почти ни чем не отличалась от других цветов на этом лугу, но мне почему-то захотелось её сорвать. Что я в принципе и сделала. Её изящные белые лепестки притягивали меня. В голове сразу же всплыли все народные гадания. Я снова взглянула на Эрика.

— Любит, — один лепесток упал на землю, — не любит, — второй лепесток последовал за первым.

И так далее, пока не остался всего один. И слово:

— Любит, — прозвучало, как приговор.

Я обернулась и поймала на себе *его* взгляд, полный преданности и обожа-ния. Что же я сделала особенного, чтобы заслужить такую верность?

Но самое главное, что сделал он? Почему я так стремлюсь быть рядом с ним, несмотря на все опасности и страхи?

Я боялась этих мыслей тогда, я боюсь их и сейчас.

От размышлений меня отвлекла птица. Ласточка. Не думала, что они оби-тают в этом регионе. Но потом вспомнила, где нахожусь и поняла, что всё воз-можно.

Я невольно сравнила себя с птицей.

Она летела вперёд, не останавливаясь. Но ей всё равно суждено было пасть. Как и мне.

Интересно, если я перейду на ту сторону, то все мои воспоминания дейст-вительно исчезнут? Или мне хватит силы воли их удержать?

Не следовало думать об этом.

Я со всех ног бросилась к Эрику. Он не ожидал этого, моё нападение опе-редило его реакцию. И мы оба повалились на землю.

В его синих глазах я увидела искры смеха. Мне вспомнились сны, предска-зывающие нашу встречу.

Я шла к тебе с самого начала. С самого первого дня.

Наши лица были скрыты от внешнего мира завесой моих волос.

Я перестала смеяться. Провела указательным пальцем по его нижней губе, наклонилась ещё ближе. Наши дыхания смешались. Я улыбнулась, видя в глазах Эрика желание вперемешку с ожиданием. Поцеловала его в уголок рта. Я дразнила, зная, что любая шалость сойдёт мне с рук.

Я замерла, рассматривая шрамы, родинки, неровности родного лица. Произведение искусства, созданное природой. Я бы хотела нарисовать портрет, но понимала, что никакая картина не сможет передать очарование оригинала: блеск глаз, тёмные крапинки в радужке, лёгкую полуулыбку, шрам на подбородке в виде полумесяца — лишь малые части, придающие обаяние. Сложно найти грань и не испортить рисунок, увлечься деталями или упустив их.

Эрик не выдержал, надавил ладонью на мой затылок, заставил коснуться губами его губ. Он взял инициативу в свои руки.

Сил остановиться не было

Его пальцы гладили мою спину. По телу пробежала дрожь. Желание стереть все возможные и невозможные границы становилось непреодолимым.

Мы целовались, не замечая ничего вокруг, полностью отдавались чему-то неизвестному и запретному и по тому так манящему.

Безумие...

Его пальцы на моей обнажённой коже.

Сумасшествие....

Я теряла себя, полностью утопая в другом человеке.

Падение...

Все мои принципы сгорели в огне, оставив ожоги на коже и в сердце. Мы оба пали слишком низко.

— Мы сошли с ума, — прошептала я.

— Давно уже. Эти чувства, — он замолчал, подбирая слова, — словно съедают меня изнутри.

Его слова смутили меня, заставили трепетать что-то глубоко внутри. Мне казалось, что я должна ответить, сказать хоть что-нибудь. Но я не знала, какие слова способны описать все те чувства, рвущиеся из моей груди. И моим ответом было молчание.

Этот странный трепет. Я хочу, чтобы он принадлежал лишь мне. Как и ты. Я хочу, чтобы ты принадлежал лишь мне.

Я поднялась с земли. Мне нужно было время, чтобы полностью прийти в себя.

— Куда ты? — Эрик устало взглянул на меня. Он лежал на животе, подперев голову рукой.

— Догони! — я побежала на другой конец поляны, раскинув руки так, словно хотела обнять весь мир.

Эрик сразу же понял, чего я хочу.

Я играла в догонялки лишь с Ромой в детстве, и не думала, что в возрасте двадцати лет игра сможет меня захватить. Но это оказалось весело, несмотря на явные уступки Эрика. Он в любой момент мог меня догнать, но не делал этого.

— Ты бегаешь слишком медленно, — смеялась я.

— Если я догоню тебя, то игра закончится слишком быстро, — однако, он перестал так откровенно мне подыгрывать.

Эрик коснулся меня, и я стала "водой".

Мы оба смеялись и веселились. Мы оба были всего лишь детьми, у кото-рых отобрали детство.

Когда игра нам надоела, мы кружились на поляне, держась за руки. Мой смех, должно быть, было слышно за много километров отсюда.

Всё кончилось моим неуклюжим падением.

Эрик протянул мне руку и помог подняться.

— Тихо, — Эрик приложил палец к моим губам, — смотри, — он кивнул в сто-рону озера.

Я увидела белый туман, покрывающий водную гладь. Завеса надвигалась прямо на нас. Но как только она покинула границу озера, то обрела форму.

Появлялись олени и птицы. Призраки. Эрик говорил о них, но я уже почти забыла. В своём воображении я рисовала эту картину иначе.

Олени побежали в нашу сторону, за ними гнались волки. Но никто из них не мог причинить друг другу вреда. Это было всего лишь вечной игрой.

В небе парили призрачные птицы, они чем-то напоминали мне облака, принимая какую угодно форму. Эрик не мог мне этого объяснить, он мучился над загадкой долгие годы, так и не найдя решения. Почему одни призраки могли из-менять свой внешний вид, а другие нет?

А не всё ли равно?

В тот момент меня зачаровала необычная, потусторонняя красота. В мире мёртвых были свои прелести, и я оценила их лишь однажды. Стоя на поляне и держа за руку свою родственную душу.

Вскоре нас с Эриком поглотила толпа призраков, но мы не сдвинулись с места. Животные проходили сквозь нас, а мы ощущали лишь лёгкий холодок.

Я вскрикнула, когда на меня бросился призрачный волк.

Эрик сжал мою ладонь, пытаясь успокоить. Но я быстро осознала свою глупость.

Вот так мы и стояли — живые существа, окружённые призраками.

Это был самый странный момент в моей жизни. И самый счастливый.

На обратном пути я задала Эрику вопрос, так долго мучавший меня:

— Почему? — он непонимающе посмотрел на меня. — Почему я?

— Потому что ты живешь. Потому что ты заставляешь меня поверить в себя, когда никто другой этого не может.

Мы вернулись к Елизаре поздно вечером. Стоило переступить порог её дома, как мной завладели грустные мысли.

Ярослав уже покинул мать. Так уж вышло, что он не мог слишком долго жить с ней в одном доме. Они снова поругались, и причиной раздора стала я. Яро-слав не хотел сдаваться, он искал способ спасти меня. Но Елизара прекращала любые его попытки. Мне стоило немалых сил сохранить всё это втайне от Эрика. Я боялась, что Ярослав расскажет ему, и тогда произойдет катастрофа! Даже страшно было представить реакцию Эрика!

Но мне удавалось держать ситуацию под контролем. Возможно, потому что Ярослав не хотел посвящать посторонних в семейные дела, а Елизара просто была безразлична к моей судьбе.

Несколько часов я провела подле Ромы. Он не приходил в себя, и стал вы-глядеть хуже. Я боялась, что он умрёт.

Я должна была вернуть его.

Когда мы с Эриком вернулись в наш дом, нами завладело безумия. Мы це-ловали друг

друга с небывалой прежде страстью. Я неосознанно оставляла крова-вые отметины на его спине.

Я искала утешения в этом губительном водовороте чувств, Эрик же искал спасения от одиночества.

Страсть — единственное, что осталось между нами.

Мы были едины.

Отступление

Жизнь Эрика изменилась раз и навсегда. Он потерял себя, растворился в Злате. Она была во всём. Она была в его крови и отравляла его изнутри.

Его преклонение граничило с помешательством. Он уже был безумным. Жаль, что Злата не могла понять этого. Она никогда не смогла бы понять глубину его болезни. Его одержимости.

А сам Эрик боялся навсегда исчезнуть, потерять себя, хотя он уже сделал первые шаги к этому. Ещё больше он боялся потерять Злату.

Все дни, проведённые подле неё, он ни разу не вспоминал о своей сущности. Но прошлое временами давало о себе знать. Оно проявлялось в неконтролируемой жажде крови, в проклятии, что преследовало всегда.

Злата стала идеалом, и он глубоко внутри осознавал, что его грязная, мерзкая сущность не должна касаться света. Но Эрик всегда был эгоистом в своей неспособности отказаться от покоя, радости, света.

Злата была идеалом и находилась на недостижимой высоте.

Он даже хотел как-то отказаться от неё, пытался отвлечься книгами и ле-сом. Но вся его сущность тянулась к ней. Он мог бы отыскать её в любом уголке Вселенной. Только бы она не исчезла. А быть может, она — всего лишь игра его воображения? И Златы на самом деле нет?

Ярослав боялся своего прошлого, так же как и настоящего. Он мало изме-нился с тех времен. Возможно, стал менее жестоким. И вновь в его жизни появи-лась слабость, и появился страх — Злата.

Он часто думал о ней до их встречи. Представлял, какая она, воображал, как вместе они уничтожают своих обидчиков. Иногда Ярослав даже ненавидел образ сестры в своей голове, уж слишком он напоминал их мать. Но в реальности всё выглядело иначе. Злата была другой. Хрупкой, невинной, доброй. И Ярослав не хотел её гибели: ни физической, ни духовной.

Он так отчаянно пытался спасти сестру.

Он рылся в различных книгах, но не находил ответа. Елизара ничего не го-ворила. Оставался лишь сам Хронус, но спасти Злату было не в его интересах. Поэтому Ярослав надеялся лишь на себя самого.

Ах, если бы его сестра не была такой упрямой, он бы смог надежно спря-тать её. Но Злата — пример тупого геройства — она хотела спасти всех, даже ценой своей жизни.

Его поиски прервал Крис. Ярослав никогда прежде не видел его таким ис-пуганным.

— Там в лесу... оборотни... все мертвы, — Крис перевёл дыхание, — кто-то перерезал им всем горло.

Ярослав замер. Он несколько не удивился, его отец всегда любил устраивать представления.

И только он мог подарить своим детям такой кровавый подарок.

Рома был счастлив в спасительной тишине пустого дома. Двери и окна были закрыты. Нет света и нет боли.

Рядом с ним сидела Лина, правда за несколько дней она не проронила ни слова. Но её присутствие спасало от страха одиночества.

Он знал, что должен проснуться, но не мог, не хотел.

Если открыть глаза, то можно увидеть лишь серость жизни, ощутить утрату.

Сквозь пелену он слышал голос сестры. Но Злата была так далеко, за тысячи километров от него. Её образ вдруг утратил значимость. Он потерялся. Рома обрел покой, выбрав смерть.

Глава двадцатая. Наши жизни

Мы не случайно встречаем тех или иных людей. Каждая встреча — шанс на изменение. Шанс исправить ошибку, совершённую в прошлом.

Утро началось с видения. Я успела отвыкнуть от того, что раньше казалось естественным. Неведомая тёмная сила затянула меня в свои сети, моё сознание перестало принадлежать мне. Я утратила связь с реальностью и оказалась в...

Городе. В своём родном городе.

Его охватил огонь. Люди гибли в адских языках пламени. Слышались крики, мольбы с помощью, но все они тонули в смерти.

Я ослепла от красок, заполнивших мир. Кровавые оттенки являли собой всё, что осталось в жизни. Красный — цвет новой эпохи.

Огонь не мог навредить мне, но я вздрогнула, когда пламя подобралось слишком близко. Я закричала с надеждой, что видение прекратится. Но оно лишь сменилось новым.

Сила...

Смерть...

Победа...

Искупление греха. Их, не твоего.

Беги. Беги. Но тебе не спрятаться. Я найду тебя, где бы ты ни была.

Голубая завеса окружала меня. Я видела её прежде и знала, для чего она создана.

Помнила, кого она создала.

Материя окутала меня, и я ощутила тепло. Дом. Я снова дома.

Как печально, что память не позволила мне вновь увидеть момент создания.

Завеса изменила форму. Я очутилась в небольшой комнате, на одной из стен которой висело зеркало в старинной оправе.

Я подошла к нему.

Из зеркальной глади на меня смотрела та же я. Прошло несколько секунд, прежде чем изображение сменилось.

Я увидела девушку. Она являла собой красоту, но её лицо исказила ненависть. Я с трудом узнала в незнакомке себя.

— В тебе есть и свет, и тьма, Злата. Прими решение и следуй ему.

Я обернулась в надежде увидеть говорящего, но узрела лишь множество зеркал, в каждом из которых жила моя злая копия. Ужас охватил меня, и я закричала.

Отражения не исчезли. В зеркальной глади плясали языки пламени. Я, настоящая я, теряла себя. Уже не было видно просвета, невозможно было отличить стены от пола, реальность от фантазии.

Я опустила на пол и закрыла глаза. Ненадолго успокоилась, но бояться не перестала. Я молила о том, чтобы пытка закончилась.

Комнату заполнил шёпот. Я не могла разобрать слов вначале. Но с каждой секундой буквы сливались вместе с шипением в слова, которые врезались в моё сознание, в мою память клинком:

— Тьма. Она внутри тебя. Они не хотели создать добро, они хотели со-творить зло. И у них вышло. Ты не достойна жизни, ты можешь погубить всё живое. Уйди. Уйди из этого мира. Отправляйся туда, где будут обитать такие же, как ты. Мерзость. Нужно было уничтожить тебя ещё в детстве.

— Заткнись! — я закрыла уши руками, но мерзкие слова всё равно доходили до моего сознание, словно голос был в моей голове.

— Ты думаешь, что в тебе нет и крупицы зла. Но десять лет назад, та де-вочка погибла из-за тебя, из-за твоей трусости. Помнишь, как она молила. Ты ничтожество, Злата. Хронус создал идеальную копию себя самого.

Я закричала от отчаяния. Голос стих. Меня била дрожь. Пробудились воспоминания, которые следовало бы забыть. Но они существовали внутри меня слишком давно, стали неотъемлемой частью моей жизни, и я не могла их сте-реть.

Послышался треск, а затем на меня посыпались осколки. Все зеркала, все до последнего, разбились.

Я заплакала.

И всё закончилось. Не было зеркал, осколков, завесы. Я вновь была в ком-нате Эрика.

Я хотела понять смысл видения и понимала, что все ответы на мои во-просы могла дать только Елизара. Я не стала дожидаться Эрика. Оставила записку и ушла к матери в надежде понять прошлое и изменить будущее, если это было возможно.

Её не было в доме. Она сидела на скамейке в саду и как ни странно знала, что я приду.

Сегодня вновь цвели сакуры. Их небывалое очарование успокоило меня.

— Скажи, что я на самом деле такое? — Елизара обернулась. Во взгляде промелькнуло опасение. Не знаю, боялась ли она меня или правды. Но я своим вопросом разбила привычную броню спокойствия.

— Я тебя уже всё рассказала, Злата, — она отвернулась от меня, давая по-нять, что разговор окончен, но я не собиралась уходить с пустыми руками.

— Что-нибудь ещё?

— Ты мне лжёшь. Зачем? Думаю, я заслужила знать хотя бы крупицу правды, прежде чем умру, — я говорила настолько решительно, что, казалось, сам дьявол не смог бы убедить меня отказаться от намерений выяснить правду.

— И что же ты хочешь знать?

Я на секунду задумалась. А что я действительно хочу знать? Есть столько разных вещей, столько разных вопросов, ответы на которые, скорее всего, поро-дят новые вопросы. И так будет всегда. Маленький разговор не смог бы разру-шить круг.

Но одно я хотела знать наверняка:

— Кто я?

Елизара глубоко вздохнула и жестом предложила мне сесть рядом. Я кив-нула и опустилась на скамейку. Вся моя уверенность испарилась. Я предпочла бы стоять чуть вдали и чувствовать странное превосходство, но понимала, что злить Елизару непослушанием не стоит.

— Это тяжёлый разговор, — она замолчала, но я не торопила её. Мы сидели и смотрели, как медленно опадают лепестки сакуры.

Шли секунды, проходили минуту, но никто из нас не проронил ни слова. Тягостное молчание разрушила Елизара.

— После того, как мы создали Ярослава и его брата, Хронуса схватили и за-перли в

темнице. Мне удалось сбежать. Я решила отомстить всем богам и всем людям, поэтому заключила сделку с силами намного более мощными и тёмными, чем ты можешь себе представить. Они забрали нечто ценное и сказали, что я должна сделать.

В полночь, я тайком пробралась в поднебесье — там соприкасаются все миры. Я произнесла заклинание из Книги Теней. И это помогло создать новую душу, в которой были и свет, и тьма. Но тьма спала и спит до сих пор. Стоит не-винной крови пролиться от твоей руки, и свет навсегда исчезнет. Ты сможешь уничтожить этот мир и мир богов. И иные миры. Ты сможешь сжечь их дотла.

— Как защититься от тьмы? — в горле у меня стоял ком. Теперь видение приобрело другой смысл.

— Этого я не знаю. Ответ на этот вопрос есть лишь у Хронуса.

Я вздрогнула, стоило ей произнести имя отца.

— Почему у него?

— Большинство талантов в тебе его идея. Он твой отец, он придумывал тебя, так же, как и я. Ты наше самое совершенное творение, — она пальцами при-подняла мой подбородок и внимательно посмотрела мне в глаза.

Я отбросила её руку, испытывая чувство полнейшего отвращения.

— Вы оба чудовища! Бессердечные чудовища!

— Всё зависит лишь от тебя, Злата. Только ты вправе выбрать свет или вы-брать тьму.

Я повторяла про себя её последние слова. Внутри меня жил свет, я точно знала это. Но временами в глубине души просыпалась злость. Слепая ненависть душила изнутри, лишала возможности мыслить ясно.

Такая, как много лет назад.

— *Злата, помоги мне!*

— *Нет, — я убежала, я трусила. Я была ничтожеством.*

И до их пор не в силах простить себе свою слабость.

Я пошла к Роме и провела возле него несколько часов. Всё это время я мо-лила, упрашивала. Но Рома не подавал ни малейших признаков жизни. С каждым днём он угасал всё больше, мир снов забирал моего брата себе.

Я понимала, почему он не хочет просыпаться. На его месте я бы не нашла в себе сил вернуться.

Я чувствовала себя в неоплатном долгу перед нашей матерью и хотела знать, что, когда уйду, Рома будет в безопасности, найдёт себя и новый смысл жизни. Моя жертва не должна была быть напрасной.

Сохранить жизнь единственному потомку моей приёмной матери — благо-дарность, которую я в силах осуществить.

Я искала выход.

И решение пришло неожиданно. Магия — полезная вещь. Я пробыла без неё не так долго, что успела привыкнуть к жизни обычного человека. Понадоби-лось время, чтобы вновь свыкнуться с тем, что я никогда не была обычной.

Я знала, что если постараюсь, то смогу прочесть мысли человека. Но если очень постараться, то возможно ли проникнуть в сознание? Передать послание силой мысли?

И я решила прокрасться в сознание Ромы и убедить его проснуться.

Я не хотела принимать поспешных решений, боясь навредить. И это заста-вило меня идти к Елизаре за советом.

Она сказала, что у меня вряд ли получится. Одно дело — читать мысли, другое — проникать в чье-то сознание, проникать в чей-то сон без разрешения. Природа сделала людей сильными, дав защиту от потустороннего вмешательства. Никто из нижнего мира не мог проникнуть в сознание человека без разрешения. Лишь самые могущественные способны нарушить правило.

Если бы Елизабра была богиней, то смогла бы.

Я решила попытаться, потому что не могла спокойно смотреть на то, как Рома умирает.

Я дотронулась до руки брата, закрыла глаза и сконцентрировалась.

Ничего не произошло. Я наткнулась на невидимый барьер, который воздвигнул Рома.

Вторая попытка была не лучше первой. На этот раз защита оттолкнула меня, и это причинило боль. Сильную боль.

Последующие попытки были такими же.

Я ушла из дома Елизары с мыслью о том, что не собираюсь сдаваться, что обязательно буду пытаться до самого конца. До тех пор, пока не получится.

Мы с Эриком гуляли по поляне. И вновь оказались среди призраков. В один момент я подумала, что самые настоящие тени здесь — мы.

Я имела лишь один месяц. И сама мысль об этом сделала меня смелее.

Мы с Эриком жили так, как хотелось нам. Всё больше привязывались друг к другу, возможно, против своего желания. С каждым днём мысль о неизбежном расставании казалась мне невыносимой.

Мы читали книги и спорили, могли не спать всю ночь, разговаривая о разных вещах: искусстве, жизни, магии, семье, будущем. Он стал моим утешением.

Мы были любовниками. Но это слово не смогло бы поведать всей глубины наших отношений. Я не слухавлю, если скажу, что узы между нами были слиш-ком крепкими. Что-то большее, нежели телесное влечение. Сильная эмоциональ-ная связь.

Я наконец-то поняла, что значит быть рядом с кем-то. Мои чувства были для меня загадкой. Временами Эрик становился для меня кем-то настолько близ-ким, что я начинала бояться. Бояться этих новых для меня чувств.

В нашем небольшом доме царила полная идиллия. Мы оба хотели прожить жизнь, не упуская ни одной минуты, наслаждаясь каждым мгновением.

Время утратило значение. Мы жили вне его, мы бросили ему вызов. И, увы, проиграли.

Как-то мы выбрались в город. Решение было спонтанным.

— Ты хочешь пойти в город? — я оказалась застигнутой врасплох. С одной стороны, мне очень хотелось увидеть знакомые места и показать Эрику ту жизнь, к которой он должен будет привыкнуть. Но с другой, меня страшила сама идея вновь увидеть то, что я уже давно покинула. Город для меня был полон призра-ков.

Со смертью матери в моей душе появилась трещина. Я могла укрыть её, могла притвориться, но правда была очевидной. Боль не проходила.

Я нашла в себе силы преодолеть слабость.

— Давай.

Мы отправились сразу же. Я испугалась, когда Эрик превратился в волка на моих глазах. Никак не могла избавиться от своих прежних предубеждений, не могла заставить себя забыть.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем я привыкла.

Глаза Эрика оставались синими, даже когда он принимал облик волка. Я дотронулась

до его белоснежной шерсти. Это не так уж и страшно.

Эрик. Это всего лишь Эрик, он никогда не причинит мне зла. Почему же сердце так бьётся? Почему так страшно?

Я опустилась рядом с Эриком на колени, изучала его: гладила жёсткую шерсть, смотрела в глаза, один раз даже дотронулась до клыков, но быстро отдернула руку.

Я чувствовала себя глупой. Как можно было бояться, после того, как Эрик спасал меня, спал со мной, жил со мной. Но внутри меня сидела маленькая девочка, которая боялась темноты и волков. Она изменилась, и внутри неё поселилось желание дотронуться до своего страха.

В тот день мы обнаружили мысленную связь. Была ли она и до этого или стала плодом наших чувств, так никто и не узнал. Момент настал, и она проявилась в полную силу.

"Она прекрасна", — слова прозвучали у меня в голове, и я сразу же узнала голос.

Удивительно, что когда Эрик становился волком, мы могли общаться мысленно.

Наши сознания соприкасались так близко, что я не могла отличить своих чувств от его. Конечно, мы могли отгородиться друг от друг, но оба не хотели этого. Было в подобной близости что-то особенное. Никто из нас больше не был одинок.

Я аккуратно залезла ему на спину. Мой опыт верховой езды ограничивался тем, что я пару раз каталась на лошадях, но к поездке на огромном волке жизнь не подготовила ни меня, ни кого бы то ни было ещё. Сердце колотилось, словно безумное.

Наше путешествие было удивительным. Я видела, как мелькают деревья, все они слились в бесконечное зелёное полотно. Ветер хлестал моё лицо. И иногда мне казалось, что я нахожусь высоко над землёй.

Эрик мысленно рассказывал мне шутки, я смеялась, и мой смех эхом разносился по всему лесу.

Когда я устала, то прижалась щекой к его шерсти. Запах хвои успокоил меня. Я мечтала о вечности, о бесконечном путешествии по лесу. Вдали от всех.

Мы подошли к границе, и Эрик стал человеком. Здесь был спрятан ещё один портал. Мы прошли через него, держась за руки.

До города мы добрались на попутке.

Я удивилась, что у Эрика были деньги, если он всю свою жизнь провёл в лесу. Но оказалось, что здесь помогла Елизара. Она могла создавать очень правдоподобную иллюзию, которая могла не исчезать несколько месяцев. Эрик обратился к ней за помощью. Каким-то чудесным образом он знал, что я соглашусь поехать. Возможно, на этой Земле всё же был человек, понимающий меня лучше всех на свете, даже лучше меня самой.

Когда я жила в городе, мне хотелось больше времени проводить наедине с природой. Но, как только мы с Эриком вошли в город, я поняла насколько скучала. Скучала по шуму, по незнакомым людям, спешащим туда-сюда. Это была такая привычная, знакомая мне жизнь. Я не ценила её раньше, а сейчас многое бы отдала, чтобы снова прожить те моменты.

Мама. Я никогда не перестану по тебе скучать, никогда не перестану тебя любить. И буду надеяться, что ты обрела покой.

Всё в этом городе напоминало мне о ней. Вот кинотеатр, в который мы ходили по выходным, вот библиотека, куда она отводила меня. Парк, в котором мы гуляли.

Но тебя забрали ангелы, а я вынуждена здесь бороться с демонами.

Эрик взял меня за руку. И губами произнёс: "Всё будет хорошо".

Я выдавила из себя жалкое подобие улыбки. Он не был виноват в том, что меня терзали

воспоминания.

Мы прошлись по парку. Эрик был удивлён, его немного пугала такая жизнь. Странная и удивительная. Он говорил, что был пару раз в городе, но у него никогда не было времени осмотреться.

В лесу, в той, другой жизни, Эрик брал ответственность за меня на себя. Теперь пришло моё время играть во взрослого родителя, защищающего своё чадо.

Пункт первый — светофоры. Но он быстро усвоил эти правила. Пункт второй — трамвай. Пункт третий — опасайся велосипедистов.

Что по-настоящему впечатлило Эрика, так это книжный магазин. Мы на-брали разных книг. Я даже боюсь представить, какими жадными у меня были глаза при виде книжных полок. По крайней мере, у Эрика выражение на лице точно было почти безумным, благоговейный восторг.

Мы вышли из этой святой обители, обвешанные пакетами. А затем направились в кино. Для Эрика это стало ещё одним чудом. Он никогда до этого не видел фильмов, только слышал о них от Ярослава. Мы взяли билет на первый, попавшийся сеанс.

Честное слово на фильм я не обратила ни малейшего внимания. Я наблюдала за Эриком, было странно видеть почти детски восторг в его глазах.

Но это было здорово. Как хорошо дарить другому существу радость. Приятно знать, что ты не зря живёшь на этой земле.

Я редко видела его таким увлечённым. И таким счастливым.

Его эмоции отчасти передались и мне.

Мне нужно было время подумать, решить судьбу наших отношений. Но судьба уже вынесла приговор, и у меня не было времени размышлять о чувствах. Всё что я хотела — быть с ним сейчас, всё, что я знала — я должна быть с ним. И этого было достаточно, по крайней мере, сейчас.

После кино мы ещё немного прошлись по городу. Ноги сами привели меня к моему старому дому. Я замерла, заметив знакомые стены. Мы не продавали дом, он по-прежнему принадлежал нам. Можно было вернуться в него в любой момент, но сама мысль об этом страшила.

Знаете, сколько воспоминаний ожило в моей памяти в тот момент. Словно призраки прошлого бродили около этого дома. Вот мама учит меня кататься на велосипеде, вот мы с братом играем в прятки, вот мама забирает меня из школы, когда я ходила в первый класс.

Я проглотила собственные слёзы.

На самом деле мне очень хотелось войти вовнутрь дома. Хотя бы ещё один раз прожить эту жизнь, чудесную жизнь.

Но, во-первых, у меня не было ключей, во-вторых, окажись я внутри дома, слёзы были бы неизбежны.

Мы оправались назад уже глубокой ночью. Страх перед волком исчез, я прижалась щекой к его шерсти и закрыла глаза.

Эрик что-то спросил меня мысленно, но я не ответила. Я обрела покой, потеряв всё самое важное.

И той ночью между нами действительно что-то изменилось. Никогда прежде Эрик не целовал меня так нежно. Я смотрела в его глаза и видела в них что-то безгранично тёплое.

Он целовал мои глаза и губы.

И в конце мы уснули не измождённые безграничной страстью, а просто крепко

обнявшись, словно боялись отпустить друг друга.

Проснулись мы вместе. Наша совместная попытка приготовления завтрака не увенчалась успехом: еда подгорела. Ещё одно правило: не отвлекайтесь во время приготовления еды, это может плохо кончиться.

Но в моей жизни никогда ещё не было настолько весёлых завтраков. Да, раньше мне редко приходилось кидаться в кого-то едой. Но Эрик тоже не оста-вался в долгу.

А после прогулка до дома Елизары. И на этот раз Эрик не ушёл, он ос-тался. Хотя ему явно было неприятно находиться здесь. Но его присутствие при-давало мне дополнительные силы.

Я сразу же отправилась к Роме. Ещё одна попытка.

Я закрыла глаза и дотронулась до руки брата. С каждым днём Рома угасал всё больше и больше. Он становился тенью.

Всё внутри меня уже приготовилось к тому, что барьер снова причинит боль. Но какого же было моё удивление, когда я не наткнулась на привычную стену, а очутилась в достаточно странном месте. Там царил мрак и холод. Я уз-нала черты нашего прежнего дома. Некоторые вещи точно были из него, но их затронуло время. Стулья обвиты паутиной, обивка мебели изорвана.

Помещение было погружено в кромешный мрак.

Я увидела возле окна девушку и узнала в ней Лину. Она смотрела в окно и не подавала ни малейших признаков жизни, словно она была статуей вовсе. Рядом с ней на коленях стоял мой брат. Он выглядел ничуть не лучше, чем в реальности. Даже хуже.

Я подошла к нему ближе, но он не обратил внимания.

Странно, что я не продумала план дальнейших действий, после того, как пробью защиту. Неужели я не верила в успех?

— Рома, — тихо позвала я. Мой брат вскочил на ноги и начал бешено ози-раться по сторонам, надеясь найти нарушителя его покоя.

Под его глазами залегли глубокие тени, кожа плотно обтягивала скулы. Блеск, присущий его глазам, исчез. Он стал знакомым незнакомцем.

— Что ты здесь делаешь? Уходи! — его голос звучал совсем слабо. Я пони-мала, что мне просто жизненно необходимо вывести его отсюда, иначе он умрёт.

— Мне нужно приглашение? — моя наглость на время заставила его замол-чать. Он просто буравил меня взглядом, прежде чем произнести грубое:

— Уходи.

— Ты нужен мне.

— Нет.

Я подошла к нему ближе, протянула руку. Я так скучала по нему, по звуку его голоса, по таким знакомым и родным объятиям.

— Я знаю, Злата. Я знаю, какое решение ты приняла. Это просто эгои-стично. Ты хочешь, чтобы я вернулся, а сама желаешь умереть.

В его словах была правда, и я не могла отрицать этого. Но...

Как я могла объяснить ему, что он должен жить? Что у него есть шанс на нормальное будущее?

— Остайся, остайся со мной. Пожалуйста, Рома, мы одна семья, — я боя-лась, что он меня оттолкнёт, но всё равно обняла его. Я вложила в эти объятия всю свою любовь.

Мне казалось, что Рома превратился в каменную статую.

Он замер, словно в нерешительности — оттолкнуть меня или обнять. И я поняла, что у меня действительно есть шанс его вернуть.

— Помнишь, когда то мы были не разлей вода? Ты был моим лучшим другом, а теперь... Мне не хватает тебя, Рома. Да, я уйду, но я хочу, чтобы после меня остался человек, который бы пытался сохранить в мире хорошее.

— У тебя есть Эрик и Ярослав. Они могут выполнить все твои просьбы...

— Они не люди. Они не знают мира. Мне нужен ты, я люблю тебя, Рома, ты мой брат. И ты не должен гибнуть на моих глазах. Помнишь, ты обещал матери защищать меня ото всего? И ты нарушаешь обещание! — я сорвалась на крик и, кажется, заплакала.

— Не плачь, — он наконец-то обнял меня в ответ, — дай мне ещё немного времени, и я вернусь. Не приходи. Ты же знаешь, что это должно быть лишь моё решение.

Он поцеловал меня в лоб. Я посчитала это хорошим знаком, так в детстве он успокаивал меня.

— Хорошо, — я ещё раз крепко обняла его, прежде чем раствориться в реальности. Из забытья до меня донеслись его слова:

— Я вернусь.

Я до сих пор храню их в памяти.

Моя жизнь в то время была немного безумной. Я много веселилась и много грустила.

Мои отношения с Эриком были запутаны. Мы оба понимали это, но никто из нас не стремился распутать клубок.

После поездки в город мы редко расставались. И даже если у нас не оставалось выбора, мы пользовались мысленной связью.

"Ты не представляешь, какое сегодня красивое небо", — я так привыкла к его голосу у себя в голове.

"Отчего же. Но сегодня у меня вместо неба потолок дома Елизары. Я обещала помочь ей. Ты скоро вернёшься?"

"Как только выполню поручение Ярослава".

Что касается Ярослава, то он тратил своё драгоценное время на то, чтобы найти способ спасти меня. Одну неделю ему даже удалось заразить меня своей идеей, я почти поверила, что неизбежного можно избежать. Но после многочасового, бессмысленного изучения старых фолиантов я сдалась. Да и Елизара говорила, что у меня нет особого выбора. Если я не приму решение в это полнолуние, то лес убьёт меня потом.

Но для Ярослава это не значило ничего, он не верил в то, что выхода нет. И со временем его поведение стало напоминать мне помешательство. Он был одержим одной идеей и не собирался отказываться от неё.

С того момента, как он показал мне свои воспоминания, моя привязанность к нему возросла.

Только один вопрос не давал мне покоя:

— Почему Марина тогда оказалась в лесу? Она же осознавала опасность, — Ярослав был застигнут врасплох моим вопросом. Ответ явно был ему неприятен, как и любые воспоминания о том, что произошло тогда.

— Елизара. Она оказалась там из-за Елизары, из-за её долбанного эксперимента.

Я больше не спрашивала его об этом, мне не хотелось лишней раз тревожить старые раны.

Он заботился обо мне, и это было невероятно трогательно. А я в свою очередь

заботилась о нём.

Моя забота не могла излечить его душу, но она могла помочь ему обрести хотя бы временный покой.

И чем больше Ярослав проводи со мной времени, тем спокойнее он становился. Он даже стал улыбаться, не иронично, не издевательски, а искренне.

Было непривычно слышать его смех, но он оказался на удивление приятным.

Ярослав был против наших с Эриком отношений. Он слишком серьёзно воспринял роль старшего брата и старался всячески оградить меня от дурного, как ему казалось, влияния. Возможно, потому что наши отношения напоминали ему его собственную историю. И он боялся такого же финала для меня. Может быть, Ярослав просто ревновал, ему так не хватало друга, которому он мог бы довериться. А теперь, когда я стала почти таким другом, ему приходилось делить меня с другим.

Я склонялась к тому, что обе причины были источником неприязни Ярослава.

Он пару раз приходил к нам с Эриком домой, и тогда из его рта рекой лился сарказм. Эрик выдерживал общество моего брата максимум десять минут, а после выходил на улицу. Поразительно, ведь раньше они были почти друзьями. Я встала между ними клином.

— Мне не нравится, что ты с ним живёшь.

— Зато меня всё устраивает.

— Ты такая упрямая.

— Фамильное сходство.

Иногда наше общение походило на дуэль. Кто окажется более остроумным? Но схожесть характеров сближала нас.

Упрямство, вспыльчивость и честность — вот, что нас объединяло. Правда, последнее сходство у Ярослава проявлялось только по отношению ко мне.

Я наконец-то познакомилась со стаей. Всего их было двенадцать. Они были такими разными и не похожими, но у каждого была своя история, отчасти перекликающаяся с судьбой Ярослава. Он выбирал только тех, кто натерпелся от жизни сполна.

Крис, Антон, Алексей, Григорий, Вячеслав, Иван, Лео, Андрей, Адам, Лука.

Многие из стаи отнеслись ко мне не слишком доброжелательно. Они считали, что я причина всего зла, происходящего с ними сейчас.

Они считали, что я довела вожака до безумия, что из-за меня он забросил дела стаи.

Но Крис был совсем другим, он стал мне другом. Самый младший из всех, он не находил себе места, он везде был лишним. Мне казалось, что даже Ярослав временами жалел, что обратил его, хотя и доверял ему во всём и полностью.

— Ты не такая, как они. Ты добрая.

Мне он напоминал ребёнка, он словно застыл в том возрасте, в котором его обратили. В психическом плане. Я замечала эту особенность почти у всех, они не развивались, они жили прошлым. Цена бессмертия — душа. Не слишком ли такая плата велика?

Эти ребята, какими бы юными они не были, каждый из них сделал свой выбор. Они лишились души, но обрели вечность.

Мне не были известны все тонкости бессмертия. До моего знакомства с Эриком я легко делила мир на белые и черные полосы, понятия добра и зла были для меня четко определены. Ну, по крайней мере, всё, что являлось частью нижнего мира, было для меня злом.

Теперь я не различала красок, не было больше ни зла, ни добра. Кто я такая, чтобы

оценивать чьи-то решения?

Елизара стала относиться ко мне теплее. Она привыкала к моему присутствию, и я думала, что, несмотря на всё, где-то в глубине души она любила меня.

— Ты же знаешь, что у тебя нет выбора, — мы сидели в саду. Было так тихо, никто из нас уже долгое время не произносил ни слова, поэтому фраза Елизары нарушила тишину.

— Я понимаю, — мой голос слишком тихий, чтобы его слышали. Я произнесла эту фразу ещё раз, уже громче: — Я понимаю.

— Если лес примет твою жертву, то ты станешь богиней, — она говорила мне это много-много раз, словно надеясь подбодрить. Но ещё ничего не произошло, а я уже ненавидела свою будущую работу.

— Это поможет стае и людям?

— Да, стае это поможет. Но люди... Я думаю, ты сможешь помочь им от-туда. Если, конечно, вспомнишь.

— Я не смогу забыть.

Ко мне подлетела бабочка голубого цвета, должно быть она приняла меня за цветок. Я аккуратно сняла её со своего платья. Её цепкие лапки зацепились за мой палец. Она яростно замахала крылышками, а затем дыхание ветра подхватило её лёгкое тело, и бабочка отправилась в путь.

Рома выполнил своё обещание. Он вернулся ко мне спустя неделю. Я была рядом с ним, когда он открыл глаза. И сначала не поверила в происходящее.

Это могло быть просто игрой воображения.

— Злата? — разве мой мозг мог так жестоко меня обмануть. Это ведь Рома. Мой Рома.

— Ты вернулся? — мой голос дрожал от слёз. И когда я уже не могла сдерживать эмоций, когда слёзы рекой полились из моих глаз, Рома обнял меня. Он определенно вернулся, мой брат снова был со мной.

Однако радость моя была не полной. Рома сразу же после своего возвращения заявил, что через несколько дней отправится в город.

Во мне проснулась эгоистка, желающая, чтобы брат был рядом до самого последнего дня. На все мои обвинения он лишь отмахнулся. Смотря на его спокойную реакцию, я чувствовала себя глупой.

— Ты же понимаешь, почему я не хочу остаться. Это место отняло у меня всех, кого я люблю. Ты ещё осталась со мной, но это ненадолго. Скоро и ты исчезнешь. Я уже смирился с неизбежностью твоего исчезновения, я уже потерял тебя в своих мыслях, но я не смогу потерять тебя в реальности. Я должен уйти, чтобы попытаться воплотить все твои идеи в жизнь. Ты хотела вернуть в мир свет. И теперь я не оставляю тебя, я хочу, чтобы твоё дело жило даже после твоей смерти.

Вот такой разговор у нас состоялся, и после мы вспоминали детство. Я не плакала, а Рома, казалось, был счастлив. Мы снова были детьми, вот-вот мама придёт за нами.

Когда Рома прощался со мной, я не чувствовала грусти.

— Удачи, Златослава, — и вот на его глазах блеснули слёзы. Мы обнялись. Я положила голову ему на плечо, не желая отпускать. Никогда. Но время, мой безжалостный враг, шло только вперёд, оно не могло замедлиться, несмотря на все мои мольбы. Рома отстранился первым, потрепал меня за щеку и коротко поцеловал.

Он ушёл. Я провожала его взглядом, до тех пор пока его силуэт не исчез. Он обернулся лишь один раз, помахал мне рукой, я улыбнулась, как бы давая понять, что он навсегда

останется моим братом, что я буду любить его даже, если боги попытаются стереть мою память, даже если умру. Есть вещи, за которые стоит бороться.

Вернувшись к Эрику, я свернулась калачиком на кровати и тихо заплакала. Эта была одна из тех немногих минут слабости, что я могла себе позволить. Я на-всегда прощалась с прошлым. Оно стало призраком, к которому никто не сможет вернуться. И правильным казалось отпустить его.

Я горевала о своём ушедшем детстве, о своей жизни, которая так скоро прервётся. А больше всего я плакала от обиды. И впервые за долгое время меня начал мучить вопрос — почему я? Но на него у меня не было ответа, увы.

Время никогда не будет нашим другом. Иногда мне кажется, что его придумали для того, чтобы мучить людей. Когда ты хочешь, что бы оно текло быст-рее, минуты превратятся в часы, если же ты хочешь вечности для некоторых мо-ментов, то время будет проходить со скоростью света.

Когда до назначенного дня осталась всего неделя, я ощутила всю свою беспомощность. Мне больше не удавалось забыться даже рядом с Эриком. Он ощущал перемены в моём настроении и пытался узнать причины, но я не могла ему рассказать, не могла разбить его мечты о будущем. Мне было страшно, и я понимала, что он заслуживал правды. Но что-то глубоко внутри не позволяло мне всё рассказать. Возможно, потому что я не хотела покидать его, а если бы Эрик начал искать решение проблемы, во мне бы снова разгорелась надежда. И я нико-гда не смирилась бы со своей участью.

Приближающаяся дата сделала меня нервной и депрессивной. Я не пла-кала, но груз, который лежал на моих плечах, не давал мне покоя. Ничто не при-носило утешения, разве что природа, но даже она напоминала мне о скорой смерти или же о скором вознесении. Я не знала, что было для меня наилучшим исходом.

Ярослав не сдавался, хотя, наверное, в глубине души он понимал, что всё бесполезно. Он часто приходил ко мне, и в его взгляде я читала лишь одно неумо-лимое, упрямое выражение. Он был готов бросить вызов всему миру и не был го-тов проиграть.

Видения, предвещающие нечто злое, участились. Раньше я могла от-носиться к ним нейтрально, теперь они заставляли меня бояться.

Вот так и тянулись мои последние дни.

Отступление

Злата ошибалась, когда думала, что Эрик ничего не знает. Ярослав расска-зал ему, у него не было долгих дилемм на этот счет. Он решил, что если сам не может повлиять на сестру, то будет использовать Эрика. Вот только всё вышло совсем не так, как он ожидал.

Эрик сначала действительно был очень зол, как и предполагала Злата. Вот только за этой злобой пряталась самая настоящая живая боль, разрывающая его изнутри. Все мечты вдруг разбились вдребезги, а ещё его ранила её ложь, хотя он и понимал причины, заставляющие Злату скрывать правду. Он бы поступил точно также.

Эрик долго мучился, пытаясь решить, что ему дальше делать. Но понимал, что

оставалось ему лишь одно — сделать её жизнь яркой и незабываемой, подарить свет, дать всё то, в чём она нуждается. Но и попутно искать способ избежать жертвоприношения.

С тех пор Ярослав и Эрик стали трудиться вместе. Они изучали древние фолианты, копались глубоко в истории леса. Но не находили ответа на самый главный вопрос. Никто из них не собирался сдаваться, но время давало о себе знать.

Эрик, обречённый на бессмертие, никогда не думал, что время станет его главным врагом.

У него действительно была причина не сдаваться — он любил Злату, любил, как никогда не полюбит никого другого. Любовь его не была похожа на невинную весну, она напоминала лавину, она была безрассудной страстью, безграничной нежностью, отчасти одержимостью. Но она была выше всего остального. Сильнее смерти и сильнее жизни.

Ярослав не сдавался в надежде хотя бы отсрочить проклятую дату. Но надежда так быстро себя исчерпала.

И тогда он принял отчаянное решение. Решение, которое сам не одобрял. И под покровом ночи он пробрался в деревню.

Этот день настал...

Хронус был доволен происходящим. Всё шло по плану, правда, с некоторыми оговорками, но его замысел был почти воплощён в жизнь.

Осталось не так уж много.

Глава двадцать первая. Моё прощальное слово

Прощание — самое печальное в этом мире. Оно похоже на невысказанное обещание, на поцелуй ветра. Оно не всегда красиво и довольно часто несёт за собой лишь пустоту.

Этот день начался с нашего неловкого прощания. Мне нужно было сказать так много слов, так много вещей объяснить. Но что я могла? Все прекрасные слова были произнесены лишь у меня в голове.

Не уходи. Я не хочу, чтобы ты уходил. Мне страшно.

Эрик необычно долго держал меня за руку.

— Я вернусь, не успеешь проснуться, — он поцеловал меня, его пальцы скользнули по моему затылку и в итоге запутались в моих волосах.

Я снова ощутила себя птицей, теперь я могла взлететь.

Если ты всегда будешь рядом со мной, я пройду сквозь адское пламя и вы-живу.

Доныне неизвестное чувство завладело мной. Понимание того, что ничего подобного уже не будет. Я была вынуждена покинуть человека, к которому искренне привыкла, который стал мне ближе всех.

Эрик прижался лбом к моему лбу. Мы оба тяжело дышали.

— Мне пора, — он снова поцеловал меня, — Злата, я...

Я замерла, ожидая продолжения фразы. Он замер словно в нерешительно-сти.

— Я скоро вернусь, — он отступил на шаг, и я ощутила разочарование. Не знаю, что я хотела от него услышать, но...

Прощание должно быть не таким. Я не мастер в этом, а Эрик даже не знал, что это наша последняя встреча.

Я взяла его за руку. Его кожа была теплой, это всегда успокаивало меня, но в тот момент это разрушающее тепло заставило меня нервничать ещё больше. Я заглянула ему в глаза с твёрдым намерением сказать что-то важное, но... замерла. Никогда ещё синева его глаз не причиняла мне столько боли. Я утонула, я по-гибла.

Защитный механизм внутри меня сломался. Я взглянула на Эрика совсем другими глазами. Елизара соврала, когда сказала, что я не могу чувствовать. Разве чувство — это не то странное ощущение, разрывающее мою грудь на миллион частей изнутри?

Сердце билось где-то в горле, ладони вспотели. Я уже не та, что была раньше. Я наконец-то поняла, почти поняла, что... Но момент прошёл. Эрик отступил ещё на шаг назад и внимательно посмотрел на меня.

Не уходи. Только не уходи. Пойми же, что я тебя люб...

Нет. Это не правда. Это не должно быть правдой.

Я отпустила его руку.

— Прощай, — мой голос не дрогнул, я ощутила триумф от своей победы над чувствами.

Он коротко кивнул мне и ушёл. Я провожала его взглядом до тех пор, пока не потеряла из виду. Триумф сменился тупой, ноющей болью в области сердца.

И боль эта не прекращалась даже, когда я стала прощаться с домом, отвлекая себя от ненужных мыслей. Всё здесь стало таким родным.

Я взяла листок бумаги. Эрик заслуживал объяснений, и поскольку я не могла сказать ему словами, я решила написать.

Письмо моё напоминало исповедь. Я надеялась, что Эрик прочтёт до самого конца, а

не разорвёт его в клочья, узнав о моей лжи.

Я писала не умом, а сердцем. Возможно, всё это напоминала лирический бред, но мне нужно было всё объяснить. Несколько страниц ушло, чтобы полностью описать все чувства и мысли. Я не стала перечитывать, дабы избежать желания что-либо исправить.

Я положила свою исповедь на стол, а рядом с ней синий кристалл. Я до сих пор не знаю, как он оказался у меня, должно быть, я забыла его в доме Эрика, когда оказалась здесь после бала. Было больно с ним расставаться, но там, где я буду, он мне не нужен.

В назначенный час я должна была отправиться к Елизаре. Каково же было моё удивление, когда я обнаружила, что дверь заперта!

Ярослав!

Можно было догадаться, что он выкинет нечто подобное.

Я решила вылезти в окно, но каждое окно в этом доме оказалось заперто. Причём явно необычным способом. Если мой брат решил использовать против меня магию, то я обязана отплатить ему той же монетой. Елизара научила меня некоторым фокусам, вполне себе безобидным, но очень полезным.

Неожиданно я почувствовала слабость, а потом резкую головную боль.

Вспомнились слова Елизары о том, что в этот день нельзя применять магию.

Разбить окно не получилось. Ярослав и об этом позаботился. Дом и я вместе с ним словно находился под неким куполом.

С отрезвляющей ясностью ощутила свою беспомощность, но я не собиралась сдаваться.

Прошло несколько часов. Всё моё тело ныло от боли, причинённой магией. Похоже, я нашла способ самоубийства без всякого жертвоприношения.

— Ярослав, за что ты так со мной?! — но, разумеется, мой вопрос остался без ответа.

Я была так безумно зла на него. Хотя отчасти понимала причину его поступков и ругала себя за то, что не смогла предвидеть чего-то подобного.

— Чёртов эгоист, ты думаешь только о себе!

Мой выкрик в пустоту, конечно, был бесполезен, но мне почему-то стало легче.

Поскольку сил бороться физически у меня больше не было, я решила, что нужно хорошенько подумать. И череда логических цепочек привела меня к мысли о том, что Эрик всё знал.

Его беспокойный взгляд, его исчезновения с Ярославом на несколько часов, его слова о том, что он вернётся, не успею я проснуться. Всё сходилось. Такого предательства я не ожидала.

Ты сама виновата, Злата. Нужно было всё ему рассказать.

Вместо того чтобы наорать и понять, он просто заразился идеей Ярослава и помог ему меня запереть. Боже, неужели так сложно просто дать мне спокойно исполнить своё предназначение?

Неожиданно дверь распахнулась. И на пороге стоял...

Дима.

Первые минуты я даже не знала, что мне делать: драться, бежать или просто поговорить с ним. Но он опередил любые мои действия:

— Я пришёл, чтобы помочь, Злата, — я недоверчиво посмотрела на него.

— Хватит лгать. Твоя единственная особенность — бесконечная ложь, льющаяся из твоего рта на окружающих!

— Я знаю, я поступил с тобой ужасно. Но я здесь, Злата, я помогаю тебе. Всё, что мне

нужно — твоё прощение.

— Как ты вообще узнал обо мне? — я уже думала о том, как бороться с ним. Что если всё происходящее по-прежнему очередной план Хронуса?

— Оля. Это она создала защитные чары. Ярослав пробрался в деревню, и я проследил за ним.

— Это всё план Хронуса, да? Очередная ловушка?

— Его больше нет здесь, темница снова взяла над ним верх.

Я понимала, что ему нельзя верить. Он наверняка что-то задумал. Но сей-час Дима был моим единственным шансом добраться до Елизары. Я постаралась сделать выражение своего лица ещё более невинным, чем обычно.

— Я прощаю тебя, — Дима заметно расслабился. Он отступил, пропуская меня вперёд.

— Я провожу тебя...

— Не стоит, — я выбежала из дома. На улице уже стемнело, у меня было не так уже много времени. Я убегала, оставляя позади всё, что раньше ценила.

Елизара ждала меня. Она была явно взволнована. Моим опозданием или моей скорой смертью — сложно было понять.

У дома сегодня была странная обстановка. Словно я находилась в театре среди декораций к очередной постановке трагедии Шекспира.

— Почему ты опоздала?

— Долго объяснять.

Тем более, если хочешь, то можешь запросто прочитать мои мысли.

Она заставила меня переодеться в длинное белое платье. Белый цвет означает невинность и жертвенность для их мира, для меня он олицетворял лишь смерть.

Елизара расчесала мои длинные волосы. За несколько месяцев они сильно отросли и спадали уже намного ниже талии.

— Твои волосы как огонь, — приговаривала Елизара.

Я посмотрела на себя в зеркало и удивилась тому, что сделали со мной несколько месяцев, проведённых здесь. Из зеркала на меня смотрела вовсе не невинная милая девушка, на меня смотрела женщина, готовая бороться с любыми трудностями, готовая на любые подвиги. Сильная и смелая.

Елизара протянула мне цепочку с кулонов в виде розы.

— Он поможет тебе найти руины. А там ты сама поймёшь, что должна сделать.

Очень полезный совет.

Ближе к полночи я вышла из дому. Наше прощание с Елизарой вышло довольно странным, всё же нам так и не удалось стать ближе. Она обняла меня и сказала, что-то на древнем языке.

На улице было холодно, но от страха я почти не ощущала этого. Волчий вой, разрушающий ночную тишину, звучал где-то вдали. Хоть этого мне пока не стоит бояться. Я вообще не понимала, почему Елизара не создала никаких чар для того, чтобы я в целости и сохранности добралась до места назначения. Но она сказала, что, если я избрана, мне ничего не грозит. Везде это проклятое слово "если". Хотя раз в жизни хотелось знать наверняка.

Поскольку по каким-то неведомым мне причинам весь путь я должна была пройти босиком, мне пришлось ощутить на своём пути все камни, еловые иголки, шишки.

В темноте я едва разбирала дорогу.

— Лесной бог, прошу, позволь мне исполнить предназначение, позволь найти путь во

тьме.

Временами приходилось идти на ощупь. Природа, обычно благосклонная ко мне, в тот день стала моим главным врагом.

Я не знала куда иду, но я знала, что должна идти. Словно существовали невидимые нити, а кукловод дёргал за них. Отныне моя жизнь больше мне не принадлежала.

Я боялась. А когда до меня доносился волчий вой, то ужас сдавливал сердце в своих ладонях.

Тишина тоже не приносила покоя. Когда она наступала, мне казалось, что в мире, кроме одной меня никого не осталось. Я одна во всей Вселенной.

Нет никого, ни одной живой души.

Я должна умереть ради пустоты.

Меня начала бить дрожь.

Я не плакала, страх не позволял мне делать этого. Я не могла думать ни о чём, кроме собственного страха. Больше всего на свете мне хотелось где-нибудь спрятаться, забиться в тёмный угол. Но я продолжала идти, подпитывая свою решимость тем, что моя жертва поможет многим.

Волк завыл совсем близко. Я глубоко вздохнула, пытаясь усмирить дикое сердцебиение.

Совсем рядом ухнула сова. Я вздрогнула.

И тут из тени деревьев выступил белый волк. Его глаза, полные голода и злости, гипнотизировали меня. Я понимала, что мне осталось жить считанные секунды.

Он подошёл ближе.

"Эрик, это я, пожалуйста, вспомни", — но мои слова, похоже, не достигли цели. Я опустилась на колени, чтобы казаться ниже, и замерла.

Волк подошёл ещё ближе, я опустила голову.

"Эрик, ты больше, чем твоё проклятие. Помни, кто ты", — волк нюхал мои волосы. А я продолжала посылать ему мысленные послания, надеясь достучаться до человека, заключённого в тело волка.

Неожиданно волк заскулил, я не осмелилась поднять головы.

А потом он с тихим рыком убежал в чащу.

Я не поверила своей удачи. Неужели он услышал? Неужели понял, что это я?

Но времени думать об этом не было. Я снова отправилась в путь.

Сияющий круг был замечен издали. Голубое сияние, знакомое с детства, манило меня.

Волки остались позади, но сердце моё по-прежнему бешено билось.

"Ты будешь в безопасности", — произнесла я мысленно, хотя понимала, что Эрик вряд ли меня услышит.

Я подошла к грани, отделявшей моё настоящее от будущего. Мне всегда не хватало решительности, вот и тогда я медлила.

Ещё одна минута. Ещё совсем чуть-чуть.

Я готова.

Я в буквальном смысле, чтобы не передумать, вбежала в центр круга. И тут же голубой свет вокруг меня поднялся высоко в небо.

Я дотронулась до голубой, полупрозрачной стены. Она была твёрдой, как стекло. Пути назад больше не было.

На каменном полу лежал кинжал, его рукоять была украшена драгоценными камнями. А сам он, похоже, был сделан из серебра.

Я дотронулась до острого лезвия. Моё тело пронзило странное ощущение, словно я была здесь и одновременно не здесь.

Теперь я знала, что от меня требовалось.

Луна была моим проводником, а теперь, смотря на меня с небес, отмеряла время.

Я посмотрела на звёзды и вспомнила, как в детстве считала, что души умерших (не всех, а только тех, кто заслужил) жили на звёздах. Вот и я, если по-везёт, буду жить на одной такой звезде, смотреть на близких мне людей, радоваться их победам и огорчаться неудачам.

В лесу, среди деревьев, мелькнуло что-то белое. А позднее я увидела волка. Эрик.

"Не ходи ко мне, не ходи, пожалуйста", — мысленно взмолилась я.

"Злата, нет!" — его голос в моей голове. Всего на мгновение ему удалось победить волчью сущность. Он был человеком, а потом снова наступило забвение.

Волк бросился в мою сторону. Что им двигало в тот момент? Кого было больше? Волка или человека?

Но в любом случае он наткнулся на барьер.

Я подошла к нему ближе. По ту сторону на меня смотрели вовсе не волчьи глаза.

— Прости, — прошептала я, по моим щекам потекли слёзы.

Я дотронулась ладонью до стены.

— Я люблю тебя, — волк аккуратно ткнулся носом в то место, где была моя ладонь.

Полночь. Что-то внутри меня говорило, что время настало.

Я отошла от Эрика, не обращая внимания на его жалобный вой.

Подняла кинжал, внимательно посмотрела на него.

Всё происходило, как в замедленной съемке. Вот я занесу кинжал, чувствую холод, исходящий от него. В последний раз смотрю на Эрика и вижу, что он превращается из волка в человека. Вот она плата за мою жертву. Они избавятся от проклятия.

Я резко опустила нож. Мне повезло, если можно так сказать, удар сразу же угодил в цель. В самое моё сердце. Я вскрикнула от острой боли и упала на холодный пол.

Поразительно, что я не умерла сразу же. Из раны хлынула кровь, хотя и с некоторым запозданием.

Нож прошел сквозь меня, он отделил мою душу от моего тела.

Голубое сияние по краям исчезло. Перед глазами появилась пелена. Моя память исчезала, я впадала в забвение.

Всё земное исчезло...

Кто та девочка? Кто тот синеглазый мальчик из её воспоминаний?

— Злата!!! — какое красивое имя. Я бы тоже хотела иметь такое имя. А как звали меня?

Я не знала.

Чьи-то сильные руки оторвали меня от пола.

— Пожалуйста, не умирай, — и хотя я не узнавала говорящего, мне очень хотелось исполнить его желание.

Его голос звучал успокаивающе и до боли знакомо.

Сквозь пелену я видела синие глаза незнакомца. Они держали меня здесь, не давали раствориться в забвение.

В памяти стали всплывать воспоминания о ком-то. Люди в них казались знакомыми, но я не помнила их.

Незнакомец гладил мои волосы и что-то говорил.

— Злата, — позвал он. Я наконец-то вспомнила своё имя.

Секундное озарение, я видела свет где-то вдалеке. Он манил меня.

Я вспомнила имя незнакомца. Эрик. Почему-то жизненно важным для меня было произнести это имя. Почувствовать каждый его звук на своих губах, перед тем, как я утрачу способность что-либо чувствовать.

Все краски начали угасать. Лицо парня исчезало в сияние неба.

— Эрик, — с моих губ сорвался полу всхлип, полу стон, и моя душа покинула это тело, растворилась в небесной бездне.

Меня ослепило яркое сияние солнца. Прошло достаточное количество времени, прежде чем мои глаза привыкли к свету дня.

Я была на поляне среди ярких цветов и ароматных трав.

Странно, что я не помнила ничего из своей жизни? Кто я? Откуда я пришла? Где я?

Ко мне подошёл юноша. До этого момента я совсем его не замечала. Его волосы из-за солнечного света казались золотыми. Он протянул мне руку и сказал:

— Богиня Златослава, идёмте со мной. Вам давно пора быть дома. Меня зовут Михаэль. Я ваш стражник.

— Странно, я ничего не помню. Что со мной случилось? — мой вопрос прозвучал по-детски беспомощно. Но я и чувствовала себя беспомощным ребёнком.

— Дома Вам всё объяснят, — он по-прежнему протягивал мне руку, и я приняла её.

Вот так началась моя новая жизнь.

Отступление

В её глазах угас огонёк, тело обмякло.

Но Эрик по-прежнему сжимал Злату в объятиях, надеясь на чудо. Ему стоило помнить, что иногда наши надежды бессмысленны.

Эрик плакал, умолял Злату вернуться, но она уже не могла слышать его молитв.

Он целовал её лицо, мокрое от слёз (его и её).

— Что же мне теперь делать? — шептал он. — Как же так, Злата? Как ты можешь меня оставить?

Эрик не мог поверить в произошедшее.

Злата была ядом в его крови, и теперь этот яд начал его убивать.

Он лег рядом с её бездыханным телом на холодный, каменный пол. Его пальцы перебирали её шёлковые волосы.

В какой-то момент Эрик решил, что умер вместе со Златой. Только вот она попала в рай, а он в ад. И в этом аду ожил его самый страшный кошмар.

Поразительно, что тело Златы теперь не завораживало его своей красотой. Это было просто тело, красивое, но оно лишилось души. Душа была в нём главным. Тело — это всего лишь оболочка. У Златы эта оболочка была совершенной, но без души потеряла своё значение. Именно душа, а не тело определяла чело-века, душу, а не тело любил Эрик.

Он цеплялся за эту оболочку лишь потому, что она ещё хранила присутствие Златы. Это была её часть.

Он обнимал её тело в надежде, что всё ещё можно исправить и Злата обязательно вернётся.

И надежда эта разрушилась лишь с первыми лучами солнца.

С рассветом тело Златы исчезло, превратилось в прах. Первые лучи солнца коснулись его кожи, а затем окончательно уничтожили то, что служило лишь на-помянутием. Постепенно.

У Эрика не осталось ничего.

Он осознал, что теперь её действительно не стало.

Ярослав понял, что случилось. В полнолуние к нему вдруг вернулся чело-веческий разум, жажда крови исчезла. Да и лес преобразился, словно ожил.

То же самое произошло и с другими волками, они даже смогли принять че-ловеческий облик.

Сначала в сердце Ярослава поселилась смутная тревога, он рванулся к дому Эрика. А когда обнаружил распахнутую дверь, то понял, что все его догадки были правдивы.

Он ударил кулаком по стене, надеясь, что физическая боль заглушит ду-шевную.

Зачем? Зачем? Зачем? Зачем?

На него обрушилась целая лавина чувств, которые он раньше с легкостью подавлял из-за своей сущности, но теперь от них не было спасения. Он был обыч-ным человеком с необычными способностями и вечной жизнью.

Он настолько сильно привык отгораживать себя от нежелательных эмоций, что теперь не мог отличить одно чувство от другого. Боль утраты от ненависти, отчаяние от одиночества...

— Ты не спасла меня, а прокляла! — он прижался лбом к стене, и впервые за долгие годы из его глаз потекли самые настоящие слёзы.

Ещё никогда он не чувствовал себя настолько ничтожным, настолько жал-ким. Пусть ему вернули его душу, но при этом холодным лезвием вырезали её часть, важную часть.

Подавив в себе желание, разорвать Елизару на куски, он бросился в лес по-дальше от всего.

Подальше от смерти, подальше от боли.

Теперь его душа принадлежала лишь ему, не было никакого проклятия, и лес мог стать ему домом. Но всё это потеряло всякий смысл.

Возможно, вы выиграли в этом сражение. Отобрали её у меня, но это ещё не конец. Я найду способ. За целую вечность, что ждёт меня впереди. Теперь у меня есть мантра, которую я буду повторять от рассвета до заката. Я найду способ вернуть тебя домой, Злата.

Дима выполнил всё, что ему сказал Хронус. И сердце его не было наполнено сожалением, он утратил способность чувствовать.

Он думал, что ложь Злате вызовет у него приступ ненависти самого к себе. Но нет. Пустота.

Даже его прежняя привязанность к девушке растворилась в безграничной жажде власти. Хотя кое-какие чувства к ней у него остались, он, сам того не желая, забрал письмо, которое девушка написала Эрику. Он прочитал его, и его душу наполнила жгучая и тёмная ревность. Но ему удалось усмирить её, он ещё отыграется, возьмет своё.

Он смотрел на людей, как на марионеток. Разве что-то значат их желания по сравнению с его?

Голос Хронуса прозвучал у него в голове:

— Мы выиграли лишь маленький бой. Настоящая битва ещё впереди, — Дима

улыбнулся. Одна только мысль о сражение делала его счастливым.

Письмо. Отрывки

Дорогой Эрик,

Когда я смотрю на призраков, то вижу нас с тобой. Потому что в этом мире мы с тобой олицетворяем все несбывшиеся надежды. Я представляю, какой могла бы быть наша с тобой жизнь. Простая, но прекрасная. В наших силах было окрасить серые будни цветными красками. Увы, судьба свела нас не для этого. Это был прекрасный урок, но настало время двигаться дальше. Мой выбор многое изменит, я точно это знаю. Как много я хотела бы тебе сказать, но что-то не позволяет мне этого сделать. Быть может причина всего этого в том, что я всего лишь призрак.

Я знаю, что поступаю подло, и я ненавижу себя за это. Ты должен по-нять, у меня были причины поступить именно так. Сейчас, пока я пишу это письмо, меня терзают сомнения, но я не хочу колебаться. Моё решение помо-жет не только вам.

Я часто думаю о том, что мои чувства к тебе изменились. Вначале я жутко боялась тебя, потом стала привыкать, а затем ты заменил мне лучшего друга. Мы говорили с тобой обо всём на свете. Когда умерла мама, я терялась, тонула, но ты сумел меня спасти. У меня нет слов, чтобы отблагодарить тебя за это и за то, что показал мне жизнь, настоящую жизнь Я жалею лишь о том, что у нас с тобой было мало времени.

Я никогда не произнесу этих слов, не только из-за своей трусости — мне кажется, я люблю тебя. Возможно, это иллюзия, ведь никто по-настоящему не знает что такое любовь, но я хочу, чтобы это было правдой. Влюбиться сейчас для меня большая ошибка. Когда ты кого-то любишь, то невольно вручаешь че-ловеку право управлять собой. Я не хочу этого. Именно поэтому я не сказала тебе.

Если бы ты знал, как перевернул мой мир! И я знаю, что ты, возможно, не дочитаешь этого письма до конца. Я пойму тебя, если ты просто выкинешь его, как и любое воспоминание обо мне.

Разве я в самом начале не была для тебя средством снять проклятие! Я исполняю свой долг.

Я надеюсь, что ты найдёшь ради чего жить. Помни об обещании, данном мне. Ты клялся. А ты всегда держишь слово.

Пойми, я, возможно, не уйду навсегда. Если я стану богиней, то смогу на-блюдают за всеми вами. И, возможно, подам знак. Ты найдёшь меня в этом лесу, невидимую, но живую. Я часть леса: часть деревьев, земли и этого неба. Помни.

И ещё, убереги Ярослава от глупостей.

Помни, пожалуйста, помни, что я люблю тебя. Пойми.

Прощай.

Лес преобразился. Тьма исчезла, не выдержав сияния солнца. Первый рас-свет ознаменовал начало новой жизни, новой эпохи. Животные вылезли из своих укрытий, преодолевая страх, который так прочно жил в их сердцах долгие годы. Они боялись, что перемены — это всего лишь иллюзия, обман, придуманный для того, чтобы убить всех. Но каждое живое существо в тот момент ощущало в лесу присутствие силы, природу которой объяснить было невозможно.

Первыми опомнились птицы, их радостное пение звучало теперь везде, а не только в безопасных местах. Вскоре к ним присоединились и феи. Эти малень-кие создания больше не боялись использовать свою магию, создавая цветы и пре-вращая опавшие лепестки в бабочек.

Даже цветы перестали бояться леса, и их лепестки засияли необычными, яркими красками.

Никогда ещё лес не был более прекрасным.

Всё изменилось...

Там, где пролилась её кровь, зародилась жизнь. Это был не большой рос-ток розы, никто и не заметил его вначале, но спустя год на нём распустятся алые, как кровь, розы.

А в это время древняя сила пыталась найти выход из темницы.

Миру было суждено расколоться на несколько частей.

Всё только начиналось...

Больше книг на сайте — Knigolub.net